

Йоста
Кнутссон

ПРИКАДЮЧЕНИЯ

БЕСХВОСТИКА

ПЕЛЛЕ

«ПЛАНЕТА ДЕТСТВА»

УДК 821.113.6-34-053.2
ББК 84(4Шве)
К 53

Книга издана при поддержке Шведского Института

© Gosta Knutsson

Bonnier Carlsen Bokforlag, Stockholm, 1985

© Перевод, Сергей Штерн, 2004

© Илл., Глазов И. Н., 2004

© ООО «Издательство Астрель», 2004

Йоста Кнутссон

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕСХВОСТИКА ПЕЛЛЕ

Сказочные повести

Перевод со шведского
Сергея Штерна

Художник И. Глазов

«ПЛАНЕТА ДЕТСТВА»

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ БЕСХВОСТИКА ПЕЛЛЕ?

Книга
1

Глава первая

ПОГЛЯДИТЕ НА КОТА БЕЗ ХВОСТА!

Жил-был кот. Не такой, знаете, сверхпушистый и сверхпородистый кот с замысловатым заграничным именем, а самый обычный кот, серый в пятнышках, нос розовый, и если приподнять лапки, то подушечки тоже розовые. Кот как кот. Но вот что печально – у него не было хвоста. Куда уж хуже – маленький обрубок, даже помахать нельзя, когда разозлишься, и выглядит это всё... сами понимаете. И самое неприятное – хвост ему откусила крыса. Не станешь же объяснять всем и каждому, что ему было всего несколько дней от роду, когда это случилось. Он даже ещё ходить не умел – и вдруг, откуда ни возьмись, явилась эта огромная, страшная крыса, намного больше его самого – и р-раз! – откусила своими острыми зубами хвостик. Все сельские кошки и коты, конечно, узнали об этом и проходу не давали нашему бедному бесхвостому герою. Иногда они окружали его и начинали водить хоровод, распевая неизвестно кем придуманную дурацкую песенку.

*Поглядите на кота
без хвоста!
Кот бесхвостый –
это просто Срамота!
Кот бесхвостый –
Смехота, а не кот,
Мы бесхвостых не берём
В хоровод!*

Не особенно-то благородно с их стороны, как вы думаете? Что оставалось нашему бедняге? Он смущённо сидел в центре круга и облизывал нос. Иногда, правда,

котёнок пробовал зашипеть, но поскольку по-настоящему шипеть он ещё не научился, все смеялись ещё сильнее. И продолжали петь:

ооо

Крысы держатся от кошек
за версту,
Подойти боятся крысы
к их хвосту,
До чего же ты, приятель, глуп и прост,
если крыса откусила тебе хвост!
Кот бесхвостый –
Смехота, а не кот,
Мы бесхвостых не берём
в хоровод!

ооо

Тут котёнку становилось совсем грустно. И самое обидное, что всё, что они пели, было похоже на правду – и всё же не было правдой. Он даже не видел эту проклятую крысу, у него тогда ещё глаза не открылись!

Но вот в один прекрасный день, когда котёнку исполнилось ровно семь недель, всё изменилось. На крестьянский двор, где жил наш неудачник, въехал автомобиль. Огромный мужчина поставил его у забора и, уходя, не захлопнул дверцу.

Котёнок это заметил. Он медленно, как бы прогуливаясь без всякой цели, подошёл к машине, оглянулся, не видит ли его кто, запрыгнул на подножку и залез в машину. Ему было очень интересно – он даже мечтать не мог, что ему подвернётся случай побывать в настоящем автомобиле! Он нисколько не испугался всех этих рычагов и кнопок, наоборот, они ему очень понравились. Первым делом он нашёл скомканную тряпку. «Допустим, что это крыса», – сказал он себе, и безжалостно её растерзал. Потом его внимание привлекла кисточка на шнурке,

висевшая у заднего стекла. Сначала он потрогал её лапкой, попробовал на вкус и потихоньку потянул к себе. И вдруг на стекло начала опускаться шторка. А какой раздался ужасный хлопок, когда он отпустил кисточку и шторка свернулась обратно!

Тогда наш герой немного испугался и играть ему расхотелось. Он свернулся поуютнее на заднем сиденье и закрыл глаза. Его переполняла гордость. Ещё бы! Ни одному из дворовых котов не выпадала удача полежать на автомобильном сиденье!

Но тут вдруг пришёл водитель, залез в машину и захлопнул дверцу. Уже было поздно удирать, поэтому котёнок забрался в угол и подумал: «Ну и что такого, я лежу здесь тихо и спокойно, никому не мешаю – посмотрим, что из этого выйдет!» Тем временем водитель начал дергать за рычаги и жать на педали, машина заворчала и поехала, и котёнку стало очень страшно.

Пока они медленно ехали от усадьбы по узкой грунтовой дорожке, было ещё ничего, но когда машина выехала на шоссе, она вдруг понеслась с огромной скоростью. В окне мелькали деревья, кусты, телефонные столбы и дома, выкрашенные в тёмно-красный цвет. Котёнку стало совсем жутко. Куда он, собственно, едет? Что с ним будет?

Постепенно дома за окном стали появляться всё чаще, сначала это были небольшие дома с палисадниками, потом высокие, до неба, каменные громадины. Стало больше встречных машин. Наверное, это и есть тот самый город, о котором котёнок иногда слышал разговоры на крестьянском дворе.

Машина вдруг остановилась, водитель вышел и с шумом захлопнул за собой дверцу. Бесхвостый вытянул шею и увидел, что водитель вошёл в магазин. Витрина была завалена колбасами и ветчинами, и наш герой понял, что он очень голоден.

Водитель вернулся с несколькими пакетами и небрежно кинул их на заднее сиденье. Котёнок сжался в комочек и стал таким маленьким, что водитель его даже не заметил, сел за руль и машина покатила дальше.

Бесхвостый осторожно обнюхал пакеты. Пахли они очень аппетитно. Как жаль, что невозможно отщипнуть хотя бы кусочек. Пришлось довольствоваться запахом, но запахом не наешься, да и голод становился всё сильнее и сильнее.

Машина снова остановилась, и котёнок понял, что они приехали. Водитель снова вышел из машины, открыл заднюю дверь и стал собирать пакеты. Только теперь он заметил сжавшегося в углу котёнка.

– Это ещё что такое? Ты откуда?

– Мяу, – сказал котёнок. А что ещё он мог сказать?

– Значит, ты бесплатный пассажир. – Название было длинным и непонятным, котёнок не понял, что всё это значит, но посчитал, что не ответить было бы невежливо, и сказал «мяу» ещё раз.

– Ну что ж, раз так, пошли со мной, подумаем, что с тобой делать, – сказал мужчина, взял котёнка за шкирку и сунул в правый карман плаща. В кармане было очень темно. Нельзя сказать, чтобы котёнок боялся темноты, но лежать в кармане было не так уж приятно, особенно если не знаешь, что тебя ждёт. «Подумаем, что с тобой делать». Это прозвучало просто жутко. И кошачье сердце забилось быстро-быстро; со стороны можно было подумать, что в кармане тикают часы.

Мужчина поднялся в квартиру, положил пакеты и выудил беднягу из кармана. Глаза у Бесхвостика стали огромными от ужаса. Он увидел много незнакомых людей. Здесь была дама, маленькая девочка и мальчики.

– Поглядите, кого я нашёл в машине, – мужчина засме-

ялся. – Да не бойся, малыш, никто не желает тебе зла, – сказал он, и котёнку сразу стало спокойнее.

– О, папочка! – воскликнула девочка. – Какой он хорошеный! Давай возьмём его, папа, ну пожалуйста!

– Лежал в машине, говоришь? – сказала дама. – Как он мог попасть в машину?

– Спрятался. Он маленький, не собака всё-таки, – сказал мальчик. – И к тому же у него нет хвоста. Поглядите только на эту смешную кнопку!

– А по-моему, он очень красивый, – сказала девочка. И она начала так усердно тормошить котёнка, что тому пришлось потрясти немножко головой – так, как будто бы пошёл дождь.

Так обычный деревенский котёнок стал горожанином, и его назвали Пелле – девочка решила, что называть его просто Бесхвостиком было бы бес tactno.

Глава вторая

БЕСХВОСТИК ПЕЛЛЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ЛИСОЙ

Девочку звали Биргитта. Ей было десять лет.

– Теперь я твоя мама, – сказала она Пелле. – И ты должен вести себя хорошо и быть послушным, если хочешь остаться у нас.

– Мяу, – сказал Пелле.

– Тебе нужен бантик, чтобы все видели, что ты приличный котёнок, – заявила Биргитта. И она сделала прелестный бантик из розовой шёлковой ленты и повязала его Пелле.

Ему это не особенно понравилось, и когда он остался один, то попытался развязать бантик, но не смог. «Ну ладно, – подумал Пелле, – с этим маленьким неудобством

можно примириться. А в остальном они, по-моему, вполне добрые люди».

Они и в самом деле были очень добры к Пелле. Его тут же угостили свежей салакой и налили в мисочку молока. Кроме этого, ему выдали корзинку с подушкой и клубочек ниток... В общем, нельзя сказать чтобы он скучал по своему деревенскому двору.

Биргитта попросила, чтобы Пелле жил в её комнате.

– Я слышала о чересчур резвых котятах – они иногда царапают детей во сне, – сказала мама Биргитты.

«Ничего глупее в жизни не слышал», – подумал Пелле.

И папа был, похоже, с ним согласен. Потому что он сказал:

– Ну, знаешь ли, мне кажется, что опасность преувеличена. Этот плютишка выглядит довольно мирно, и если уж он не стащил колбасу в машине, думаю, что и Биргитту не тронет. Я думаю, его корзинку вполне можно поставить у Биргитты. Ну что, Пелле, можно тебе доверять?

– Мяу, – сказал Пелле.

Пелле проснулся в пять часов утра. Он превосходно выспался, но на всякий случай потянулся и зевнул так, что в пасти у него запросто поместилось бы большое рождественское яблоко* – если бы, конечно, было Рождество и поблизости оказалось бы яблоко. Он начал тщательно умываться. Это было очень приятно. Особенно ему нравилось умывать мордочку. Он только недавно научился этому непростому делу, и с каждым разом у него получалось всё лучше и лучше.

* В Швеции на Рождество, кроме традиционных рождественских подарков, детям обязательно дарят большое красивое яблоко.

Биргитта ещё спала. Собственно говоря, все ещё спали, но Пелле чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, и у него не было никакого желания снова укладываться в корзинку. Он решил отправиться погулять и обследовать свой новый дом. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта – как раз настолько, чтобы просунуть туда мордочку.

Он прошёлся вокруг и тщательно обнюхал все углы. Ничего особенно интересного на полу не было, но вот на столе! На столе стояли какие-то совершенно необычные предметы, и он решил поглядеть на них поближе.

АЙ-ЯЙ-ЯЙ! Он нечаянно сшиб вазу. Вода потекла по столу на пол, и Пелле намочил лапку. Это было очень неприятно.

Он спрыгнул со стола и вышел в прихожую.

Там висела лиса. То есть, конечно, не лиса, а лисья шкура, но Пелле решил, что это настоящая лиса. Выглядела она довольно глупо. Пелле подпрыгнул, но лису не достал. Он прыгал раз за разом, но лиса висела на месте и, казалось, издевалась над ним. Пелле разозлился и даже попытался помахать своим обрубком. Злость придала ему сил – он совершил просто гигантский прыжок и наконец уцепился за кончик лисьего хвоста. Лиса свалилась на пол.

Вот тут-то Пелле отыгрался! Он рвал и терзал лису, таскал её по полу, рычал и шипел. Но лиса равнодушно позволяла делать с собой всё, что угодно. Она даже не заворчала.

В конце концов Пелле устал. Он дал лисе прощальный пинок и облизнулся – как всегда делают кошки, хорошо поработав. Потом он забрался в свою корзинку и заснул сладким сном.

Глава третья

ПЕЛЛЕ ПОЛУЧАЕТ МЕДАЛЬ

– Что здесь произошло? – воскликнула мама Биргитты. – К нам забрались воры! Посмотрите на вазу! И наш прекрасный, дорогой стол совершенно испорчен!

Но потом она увидела растерзанную лису и всё поняла.

– Так это ты всё наделал, маленькое чудовище? – обратилась она к Пелле.

Бедняга Пелле виновато забился в угол, он выглядел совершенно несчастным.

– Фу, Пелле, – сказали ему все. – Что ты натворил?

– Лучше, наверное, отправить его назад в деревню, – сказала мама. – Похоже, он несовместим с мебелью.

Но тут Биргитта начала плакать и просить прощения за котёнка, и мамино сердце смягчилось.

– Ну хорошо, пусть пока остаётся, – сказала она, – но ещё одна подобная выходка, и с ним придётся расстаться.

– Мяу, – сказал Пелле.

Вечером его корзинку всё же отнесли в кухню – надо же было как-то наказать проказника.

– Побудь здесь и подумай о своём поведении, – сказала мама.

Но в кухне было совсем не так уж плохо, и Пелле свернулся калачиком в своей корзине.

Вечером мама была в кухне и погладила целую кучу носовых платков. И надо же – она забыла выдернуть шнур из розетки. А электрический утюг всё раскалялся и раскалялся.

Пелле проснулся среди ночи от странного запаха. Кухня была полна дыма. И котёнок увидел, что на столе стоит раскалённый утюг, стол обуглился и уже начали тлеть платки и лежавшая поблизости газета.

И вот уже вспыхнула газета, и пламя перекинулось на гардину. Вся кухня осветилась страшным колеблющимся светом.

Пелле сразу понял, что дело плохо. Насмерть перепуганный, он заметался по кухне, но двери были плотно закрыты. И тогда Пелле начал мяукать. Можете себе представить – он откуда-то знал, как надо мяукать в таких случаях. Если вы когда-нибудь слышали кошку, мяукающую в полную силу, то вам станет понятно, как мяукал Пелле.

Папа Биргитты проснулся. И мама тоже.

– Что же он так орёт? – спросил папа. – Что там с ним?

– Надо, наверное, пойти и посмотреть, – сказала мама. – Не воры ли?

Вообразите, как перепугался папа, когда открыл кухню и навстречу ему метнулись языки пламени. Пелле выскочил из кухни как ошпаренный, а папа бросился к телефону вызывать пожарных.

Вот это да! Пожарная команда прикатила с воем и свистом, весь дом проснулся, окна пооткрывались, отовсюду торчали любопытные. Но всё оказалось не так страшно. Огонь не успел распространиться, и пожарные погасили его довольно быстро.

На следующий день Пелле чувствовали так, что он не знал, куда деться от смущения. Все ласкали его и гладили, и называли умницей.

После обеда вся семья собралась в гостиной.

По мнению Пелле, семейство выглядело чересчур уж торжественно. «Что это происходит?» – думал он, сидя на коленях у Биргитты.

Тем временем папа сел за пианино и сыграл громкий бравурный марш. По мнению Пелле, музыка была так себе. Когда марш отзвучал, Биргитта с Пелле на руках вышла на середину комнаты и папа торжественно произнёс:

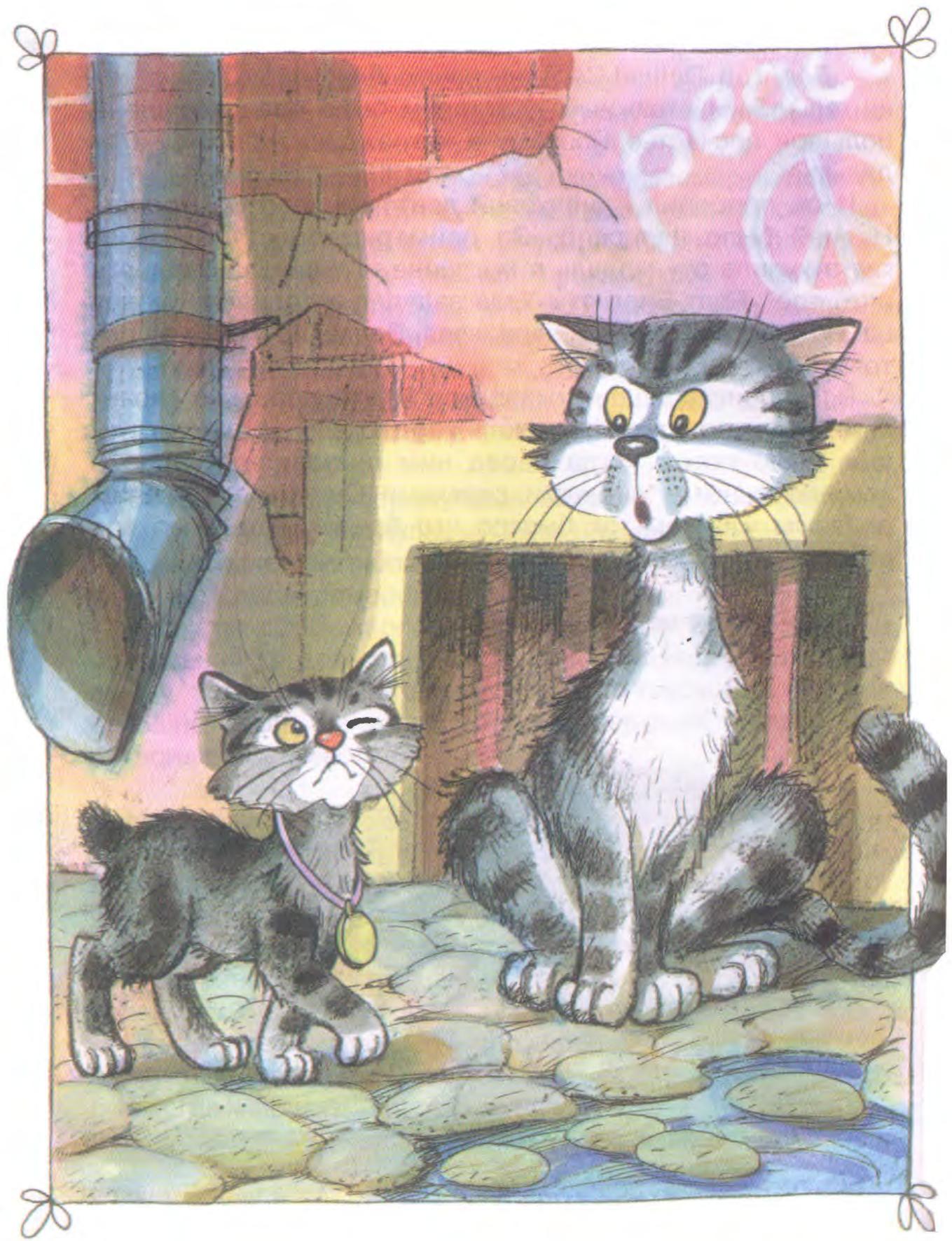
– Дорогой Пелле! Сегодня ночью благодаря твоим решительным и отважным действиям было предотвращено большое несчастье. Поэтому я награждаю тебя этой медалью.

И он прицепил к шёлковой ленточке золотую медаль. На ней было написано: «За примерные поступки». Биргитта купила эту медаль в магазине игрушек за двадцать пять эре*. Брат Биргитты Улле задудел в подаренную ему на Рождество трубу, а папа взял Пелле за лапку и потряс её.

Всё происходящее показалось Пелле довольно странным, но он, понятно, был очень горд. И всё же самое лучшее было потом, когда перед ним поставили блюдце с замечательными жирными сливками. Он лакал их своим розовым язычком так быстро, что брызги летели во все стороны.

* Эре – мелкая монета в Швеции.

Глава четвёртая

ВЫ КОГДА-НИБУДЬ ВИДАЛИ, ЧТОБЫ КОТ НОСИЛ МЕДАЛИ?

От этой медали были одни неприятности.

Всё началось, когда Пелле прогуливался поутру во дворе и наткнулся на кота по имени Монс из соседнего дома.

Монс остановился как вкопанный и уставился на Пелле.

– Что это у тебя за монета болтается на шее? – спросил Монс.

– Это не монета, – сказал Пелле. – Это медаль. Я получил её, потому что погасил пожар.

Монс захохотал.

– Ты? – он прямо умирал со смеху. – Ты погасил пожар? Ничего смешнее не слыхал. Я бы посоветовал снять эту медаль и не позориться. Уж больно глупый у тебя вид.

– Я получил медаль от Биргиттиного папы и буду её носить, пока хочу.

– Так, – сказал Монс медленно и со значением. – Значит, ты не хочешь снять побрякушку. Что ж, увидишь, чем это кончится.

И он, злобно урча, пошёл своей дорогой. И, отойдя немного, обернулся и повторил:

– УВИДИШЬ, ЧЕМ ЭТО КОНЧИТСЯ.

А Пелле остался стоять, незаметно утирая лапкой слёзы. Он не мог понять, почему Монс сказал, что у него глупый вид.

Нельзя сказать, чтобы Монс был добрым котом. Он никогда не упускал возможности затеять свару. Монс тут же разыскал двух котов по имени Биль и Буль – они жили в старой конуре на заднем дворе – и сказал им:

– Видели этого задаваку, который шляется по улице с побрякушкой на шее? Мы должны с этим покончить. Что будем делать?

Биль наморщил лоб и задумчиво почесал за ухом.

– Это непростое дело, – сказал он.

– Непростая это история, – сказал Буль. Он всегда повторял то, что сказал Биль, хотя немного изменял порядок слов.

– Но что-то надо делать, – сказал Монс.

– Да, но что? – спросил Биль.

– Что надо делать? – повторил Буль.

– Я знаю! – воскликнул Монс. – Мы напишем письмо в редакцию! Об этом должны узнать все! Мы должны создать прецедент!

(Создать прецедент – это шикарное выражение Монс узнал только вчера на ежегодном собрании в обществе Д.С.С. Могу по секрету сообщить, что «Д.С.С.» означает «Даёшь свежую салаку!».)

Вы же знаете, что такое письма в редакцию. Это такие небольшие заметки, которые взрослые пишут в газеты. Они жалуются, к примеру, что на улицах валяется кожура от бананов, что трамваи переполнены, ну и так далее. Эти письма печатают в газетах, и взрослым это очень нравится, они чувствуют себя настоящими писателями. А у кошек теперь тоже есть своя газета – чем они хуже других. Эта газета называется «Ежедневный кошачий листок». И в эту кошачью газету кошки посылают свои заметки, точно так же, как и люди.

И вот Монс написал заметку, и когда все городские кошки поутру развернули свои газеты, вот что они прочитали:

«ВЫЗЫВАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ»

Господин редактор!

Есть в нашем городе кот, который ходит по улицам с побрякушкой и похвастается ей. Таким явлениям нет места в нашей жизни. К тому же у этого кота отсутствует хвост. Вот я и спрашиваю, что же лучше: побрякушка на шее или хвост? Ясно, что тому, у кого нет хвоста, хвастаться нечем. Я хочу призвать всех соратников завтра в семь часов утра на Дворцовом Взвозе и протестовать против вызывающей хвастливости упомянутого кота.

Сторонник порядка».

Пелле был настолько мал, что ещё не успел подпи-саться на «Ежедневный кошачий листок», не говоря уже о том, что и читать он тоже ещё не научился, так что он ни о чём не догадывался, когда на следующее утро вышел на свою обычную прогулку. Он только что вылакал блюдце молока, настроение у него было превосходное и на шее блестела медаль.

Как обычно, он направился на Дворцовый Взвоз. Ему там очень нравилось. К тому же там было много деревьев, чтобы спрятаться на них в случае появления какой-нибудь дурацкой собаки.

Он прогуливался взад и вперёд, иногда обнюхивая камешек или веточку, или обрывок бумаги. Вокруг не было никого – ни котов, ни людей, ни собак. Всё было мирно и спокойно.

Но вдруг послышалось злобное мяуканье, и из-за дерева выглянула кошачья голова, из-за другого ещё одна, потом ещё и ещё. Пелле не успел бы сосчитать до трёх (если бы он, конечно, умел считать), как его окружили двадцать кошек, нет, тридцать кошек, чёрных кошек и белых кошек, серых и рыжих и полосатых. Все они выглядели такими злыми, и то там, то сям угрожающе шипели.

Пелле сжался в комочек и почувствовал себя ещё меньше, чем был на самом деле.

А кошки окружили Пелле, взялись за передние лапы и стали водить вокруг него хоровод, припевая:

*Вы когда-нибудь видали,
Чтобы кот носил медали?
Не идут хвастливой морде
Ни медаль, ни даже орден!*

И они набросились на Пелле и сорвали с него шёлковую ленточку с медалью. Даже думать не приходилось, чтобы как-то защититься от такого количества здоровенных котов.

– Фу, какой растеряха, – сказала Биргитта, – медаль потерял. Будешь теперь ходить без медали.

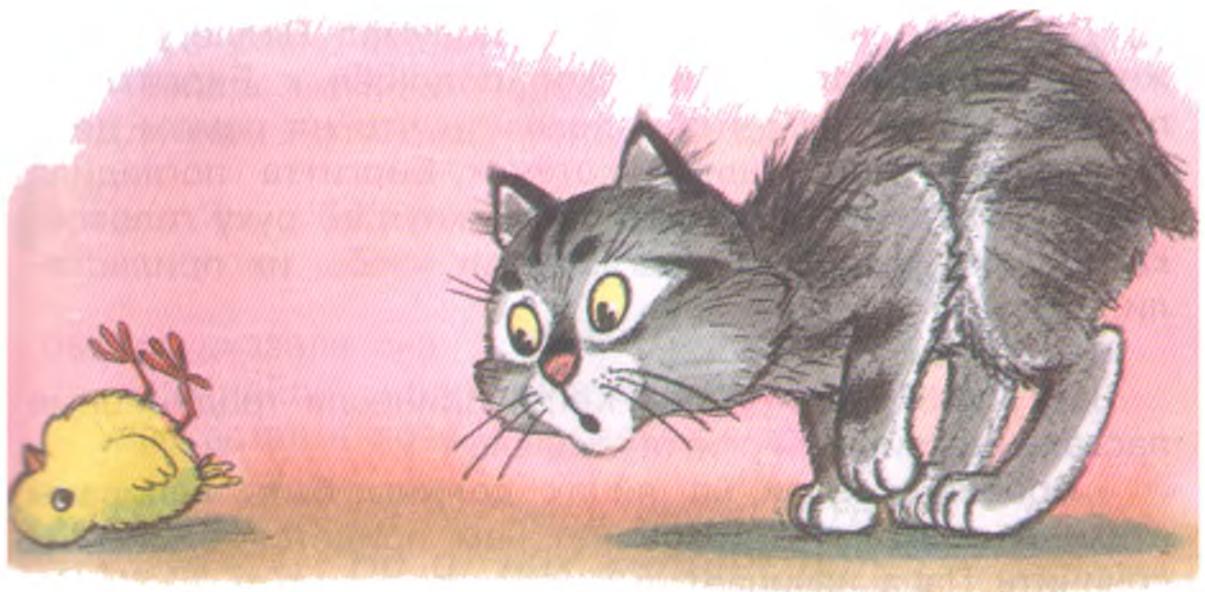
– Мяу, – сказал Пелле и подумал, что это вовсе неплохо – не носить медаль.

Глава пятая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ПАСХАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Настала Пасха.

Биргитта накрывала стол, а Пелле ей помогал. Он сидел на стуле и следил за происходящим. Он вытягивал шею и наблюдал, как Биргитта раскладывает маленьких

жёлтеньких цыплят* около каждого прибора. Они выглядели так симпатично! Совсем неплохо было бы поиграть с таким цыплёнком, хотя бы немножко. Пелле умильно склонил голову и умоляюще глядел на Биргитту – ну что, трудно ей, что ли, дать ему цыплёнка!

Нет, непохоже было, чтобы у неё возникло такое желание. Вдруг один цыплёнок упал на пол, – Пелле был тут как тут. Он стрелой метнулся на пол и подкинул цыплёнка лапой, да так, что тот отлетел к противоположной стене. Пелле оказался на месте приземления чуть ли не быстрее, чем цыплёнок. Он схватил его передними лапками, и начал подбрасывать и кусать так, что цыплёнок вскоре приобрёл очень жалкий вид. Тут Пелле оставил свою жертву, попятился, выгнулся спину, подвигал угрожающе передними лапами и опять набросился на бедного цыплёнка.

– Пелле! Как ты можешь быть таким жестоким с этим несчастным цыплёнком! – сказала Биргитта.

* Яйца и цыплята – символы Пасхи. В Швеции во время пасхального обеда к приборам кладут игрушечных цыплят.

«Да он же не настоящий!» – подумал Пелле, но всё же оставил цыплёнка в покое, подошёл к Биргитте и потёрся об её ногу, чтобы показать, что на самом деле он милый и послушный котёнок. Биргитта погладила его, и Пелле несколько раз подтолкнул её руку головой, как делают все кошки, когда хотят, чтобы их приласкали.

Наступило время ужина. Когда принесли традиционные пасхальные яйца, Биргитта сказала:

– Вообще говоря, на яйцах должны быть написаны стихи. А поскольку стихов нет, нам придётся самим их сочинить. Папа начинает.

– Ой-ой-ой, – сказал папа. – Мы же уже сочиняли стихи на Рождество!

– Ну и что, – сказала Биргитта. – На Пасху тоже надо сочинять. Так что не задерживай всех, пожалуйста. Папа выглядел совершенно несчастным.

– Яичко неплохо слегка посолить, – сказал он медленно. Наступила долгая пауза.

– Покуда оно не успело остыть, – пришла на помощь мама.

– Спасибо, – сказал папа. – Я отстрелялся.

– Ничего подобного! – воскликнула Биргитта. – Папа должен весь стих придумать сам.

– Ой-ой-ой! – опять застонал папа. – Ты меня замучила. Хотя подожди... вот так. Готово!

*Ни капельки из этого яйца
Не попадёт на бороду лица.*

– Во-первых, так не говорят: «борода лица», – сказал Улле, – а во-вторых, у тебя и бороды-то нет. У тебя даже усов никогда не было.

– Всё равно папин стих засчитан, – сказала Биргитта. – Теперь мамина очередь.

Для мамы это была нетрудная задача.

*Хоть не имеют яйца дыр,
Они вполне заменят сыр, –*

быстро сказала она.

– Это пойдёт, – одобрила Биргитта. – Теперь Улле.

Улле встал в позу и продекламировал:

*Ел бы яйца круглый год,
Но от них желтеет рот.*

– Особенно, если не пользоваться салфеткой, – ехидно сказала Биргитта. Теперь была её очередь.

*И в хижине, и во дворце
Мечтают люди о яйце!*

А Пелле никто не спрашивал. Но он, сидя в своей корзинке, тоже придумал стишок. И если бы он умел разговаривать, то этот стишок прозвучал бы так:

*Дурак лишь станет яйца есть,
Когда на свете сливки есть.*

После ужина случилось нечто ужасное. Пелле исчез! Его нигде не могли найти. Биргитта заглядывала в шкафы и на полки, смотрела под диваном, под креслами и под кроватью – Пелле нигде не было.

– Он мог выпасть из окна! – всхлипнула девочка.

– В таком случае он должен был бы сам его открыть, – сказал пapa. – Не волнуйся. Я думаю, Пелле скоро сам появится. А теперь ты и Улле должны получить свои подарки.

И он принёс из комнаты огромный пакет.

В пакете лежали два огромных ярко раскрашенных картонных яйца. Папа положил их на стол.

– Можете быть уверены, там внутри кое-что есть, – сказал он. – Это яйцо для Биргитты, а это для Улле.

Но не успел папа договорить, как одно из яиц повело себя странно. Каким-то немыслимым образом оно начало само кататься по столу. И вдруг изнутри его послышалось отчаянное мяуканье.

– Это ещё что такое?! – воскликнул папа и открыл яйцо. И оттуда выскочил Бесхвостик Пелле, перепуганный и встрёпанный Бесхвостик Пелле!

Биргитта схватила его и начала обнимать и целовать в нос, отчего Пелле пришлось несколько раз чихнуть.

Но как же вышло так, что Пелле оказался в яйце?

А дело было вот как. Улле обнаружил папин подарок и решил подшутить. Он выгреб из яйца все конфеты и затолкал туда Пелле. Это было не особенно благородно с его стороны. Но всё же он сообразил сделать в яйце дырочки, чтобы Пелле не задохнулся. Поэтому Улле избежал нагоняя, просто остался без шоколада и конфет.

А Пелле? Что ж, Пелле получил блюдце с особенно жирными и нежными сливками.

Глава шестая

НА ТРАВКЕ

Стоял уже июнь, и дело было за обедом.

– В субботу мы всей семьёй едем попастись на травке, – сказал папа.

– Ура! – закричала Биргитта и захлопала в ладоши.

– Потрясающе! – сказал Улле. Он только что выучил это замечательное слово – «потрясающе».

Пелле Бесхвостик навострил ушки в своей корзине. «Попастись на травке» – это звучало очень привлекательно. «Я наверняка поеду с ними, – думал Пелле, – я ведь тоже семья. Не оставят же меня одного в городе. Неужели буду здесь болтаться один-одинёшенька среди мешков с нафталином и свёрнутых ковров!» Пелле облизнулся, как он всегда делал, когда бывал огорчён или озадачен. Но тут он подумал, что не повредит лишний раз доказать свою преданность, выскочил из корзины и потёрся о ноги папы.

Папа взял его на руки и сказал:

– И тебе, Пелле, неплохо попастись на травке.

«Всё в порядке, – подумал Пелле. – Я еду».

– Но запомни, Пелле, – сказала Биргитта, – тебе нельзя пасться слишком много. У нас есть поговорка: «Если кошки едят траву, значит, будет дождь», а нам нужна хорошая погода. Так что обещай мне, Пелле, не есть слишком много зелени, когда мы поедем пасться на травке.

«По-моему, у неё что-то не в порядке с головой, – подумал Пелле. – Стану я есть траву! Что я, корова, что ли? Нет уж, я с удовольствием буду придерживаться своей молочной диеты. Так что из-за меня дождь не начнётся, уж будьте уверены».

Всё это Пелле подумал про себя, но сказал только «Мяу!», как он делал всегда, когда разговаривал с людьми.

Началась страшная суэта. Папа паковал свою трубку и книги, мама рассовывала одежду и кастрюли. Биргитта аккуратно завернула куклу Лизу и её постель, Улле тщательно упаковал порошок для хлопушек. Ещё ему понадобился чихательный порошок и книга про индейцев под названием «Секрет Крадущейся Пантеры». Мама к тому же захватила для него немецкую грамматику.

«А мне-то что упаковывать?» – думал Пелле. Он выглядел очень грустным. У него был замечательный красно-жёлтый мяч, который он просто обожал, и ещё у него был кусок старой кожи, с которым он играл иногда в кошки-мышки. Он бы охотно взял всё это с собой, но у него не было даже самой маленькой сумки. Тут было над чем призадуматься.

Но Биргитта как будто бы прочитала его мысли. Она притащила старый рюкзак и сказала:

– А это для тебя, Пелле. Впрочем, я тебе помогу.

И она положила в рюкзак и мяч, и кожу, и ещё кучу каких-то мелочей. Пелле даже замурлыкал от радости. И подумайте только, как горд он был – у него был свой собственный рюкзак! У какого ещё кота есть рюкзак?

Глава седьмая

БЕСХВОСТИК ПЕЛЛЕ ЕДЕТ НА ПОЕЗДЕ

Наступила суббота, и семья тронулась в путь.

На вокзале Пелле не понравилось. Там было шумно и суетливо, то и дело приходили огромные поезда, и выглядели они просто устрашающе. Но самым неприятным Пелле показалось то, что он увидел в окне одного из вагонов. Там было написано: «Для путешествующих с собаками». «Потрясающий идиотизм, – размышлял Пелле, – с чего бы это собакам путешествовать на поезде? И что это ещё за подхалимаж – отводить им специальное купе? Что-то я не видел объявления «Для путешествующих с кошками».

Папа нашёл уютное купе – по крайней мере собаки там не было. Вся семья расселась по сиденьям, и поезд тронулся. Пелле сидел на маленьком столике у окна и смотрел на телефонные провода, которые то быстро

опускались вниз, то опять поднимались наверх, вниз и вверх, вниз и вверх. Пелле пытался провожать их взглядом, но у него заболела голова.

– Попрошу билеты! – в дверях появился кондуктор. Папа достал из жилетного кармана целую пачку билетов, и кондуктор щёлкнул какими-то щипцами, отчего в билетах появились дырки.

– А у кота что, билета нет? – грозно спросил кондуктор.

«Сейчас он выкинет меня из поезда», – в ужасе подумал Пелле...

Но кондуктор громко захохотал и ушёл. Это он так пошутил.

Путешествие заняло несколько часов, так что Пелле устал и заснул у Биргитты на коленях. Проснулся Пелле от каких-то странных звуков. Из купе в купе шёл мальчик в белом пиджаке, звонил в колокольчик и громко кричал: «Милссти прошшу к обеду! Милссти прошшу к обеду!»

«Прекрасно, – подумал Пелле, – можно будет попробовать салаки или свежего молочка».

– Что ж, пошли в ресторан, – сказал папа и поднялся со скамьи.

Пелле тоже встал и потянулся.

– Вот как, ты тоже собрался? – засмеялся папа. – Нет, знаешь ли, малыш, тебе лучше дождаться в своей корзине, пока мы поедим. А корзину я закрою, чтобы ты не сбежал.

– Ну нет, я остаюсь с Пелле, – сказала Биргитта. – Что бы папа сказал, если бы его оставили в закрытой корзине?

– Понадобилась бы большая корзина, – сказал папа. – Но это очень хорошо, что ты так заботишься о ко-

тёнке, моя девочка. Мы принесём вам с Пелле обед в купе.

Когда папа вернулся, у Пелле с Биргиттой был настоящий праздник. Пелле получил свиную косточку, которую грыз до тех пор, пока на ней ничего не осталось.

Глава восьмая

БОЛЬШАЯ СТИНА ИЗ ЭВРАБУ

Наконец поезд остановился на маленькой сельской станции, и вся семья с сумками и рюкзаком втиснулась в машину. Поездка была недолгой – вскоре они приехали в уютную маленькую усадьбу. Усадьба стояла в лесу над озером, а озеро было голубым-голубым, голубее самого голубого василька.

– Ну вот, – сказал пapa, – мы в Эврабу. Здесь мы будем пасться на травке всё лето.

Пелле чувствовал себя не в своей тарелке. Он ходил по дому и обнюхивал все углы, чтобы немного освоиться. Как вы помните, Бесхвостик родился в деревне, но теперь он совершенно ничего не помнил, он же был такой маленький, когда приехал в город, к Биргитте и Улле и их родителям. И он уже так привык к городу, что всё ему казалось очень странным.

«Покуда они распаковывают сумки, – решил Пелле, – я немного прогуляюсь. Надо же узнать, есть ли здесь мыши в окрестностях».

И он направился в путь, и можете быть уверены, что если бы у него был хвост, он бы гордо торчал кверху. Он пошёл по маленькой тропинке, красиво извивавшейся в траве, и набрёл на груду камней. Он запрыгнул на один из камней – и удивился, какой он горячий, хотя ничего удивительного в этом не было – солнышко грело камни

целый день. Пелле отдернул лапку и перепрыгнул на другой камень, но тот был такой же горячий. Тут его внимание привлекло что-то и на самом деле удивительное. Между камнями полз хвост – без кошки! Никогда в своей жизни Пелле не видел ничего более странного. Он наклонил голову и присмотрелся. Да, несомненно, – хвост был без кошки!

«Вот бы заметить такой длинный и красивый хвост!» – вздохнул Пелле, но тут хвост вдруг зашипел. Пелле до того перепугался, что подскочил вертикально вверх и помчался по тропинке, подальше от хвоста, который умеет шипеть.

Вдруг он остановился как вкопанный. Прямо перед ним посреди тропинки сидела большая кошка довольно крепкого сложения. Пелле тоже сел, и так они сидели, уставившись друг на друга.

«Зашиплю-ка я на неё на всякий случай, – подумал Пелле, – надо внушить к себе уважение». И зашипал. Но тут же усомнился, потому что пожилая кошка совершенно не внушала ему страха, напротив, она выглядела очень миролюбиво.

– Не стоит на меня шипеть, – сказала она, – я не причиню тебе вреда. Меня зовут Большая Стина и я старше всех здесь в округе. Думаю, мы могли бы стать друзьями.

Тут Пелле стало совсем стыдно.

– А куда ты дел свой хвост? – спросила Большая Стина. – Что ты с ним сделал?

– Он ползает вон там, между камнями, – ответил Пелле. – Может быть, тётя Стина поможет мне прицепить его на место?

– Да ты, я вижу, шутник, малыш, – сказала Большая Стина. – Но тот хвост, что ползает там в камнях, очень опасен, и я советую тебе поберечься. Его зовут Калле-Гадюка, и он очень ядовит.

– Вот это да, – сказал Пелле, – тогда я правильно сделал, что удрали. По правде сказать, он мне тоже показался каким-то подозрительным.

– Но ты даже не сказал мне, как тебя зовут, – напомнила Большая Стина.

– Меня зовут Пелле, – сказал Пелле скромно, – вообще-то полное имя – Бесхвостик Пелле, но оно мне не особенно нравится. Ничего приятного, когда всё время напоминают, что у тебя нет хвоста.

– По-моему, тут нечему огорчаться, – утешила его Большая Стина. – Подумай только: и что хорошего в хвосте? Его могут прищемить дверью, а противные мальчишки так и норовят дернуть тебя за него или наступить.

– А чем махать, если разозлишься? – упрямо спросил Пелле.

– А зачем тебе злиться? – весело сказала Большая Стина. – Не злись, и вопрос решится сам собой. Пойдём, я покажу наши места. Тебе не мешает немного освоиться в новой обстановке.

И они пустились в путь по тропке – Большая Стина впереди, а Пелле сзади. Большая Стина то и дело оборачивалась, чтобы убедиться, что Пелле следует за ней. Конечно, куда ему было деться – он бодро маршировал по её следам.

И тут Большая Стина, несмотря на свой почтенный возраст, хоп! – легко и элегантно запрыгнула на забор. Малыш Пелле присел, напряг все свои силы, прыгнул, но не допрыгнул, и приземлился на том же самом месте. Он сидел в траве, облизываясь и выглядел очень несчастным.

Но Большая Стина спрыгнула к нему.

– Прости старую тётку, – сказала она, – я думала, мы пройдёмся по забору для разнообразия, но я забыла, что ты ещё не такой большой. Ничего, пойдём по тропке. Скоро будет скотный двор – думаю, тебе будет там интересно.

Глава девятая

ПОГРЫЗКИНЫ И ДРАЗНИЛКА

Ах, какой это был скотный двор!

– Здесь мне нравится, – сказала Большая Стина, – я дружу с коровами и телятами, но сейчас они все на пастбище, то есть почти все. Вон Май-Роз, она осталась дома. У неё двое телят, Бринкеберг и Брункман, посмотри, они стоят в загоне и всё время бурчат.

– Кто из них Бринкеберг? – спросил Пелле.

– Вон тот, с чёрным пятном на лбу, – показала Большая Стина.

– Тогда этот, без чёрного пятна на лбу, – Брункман, – с достоинством сказал Пелле.

– Абсолютно верно! – воскликнула Большая Стина. – Ты просто умница! Но теперь мы должны посмотреть на крысиные норы.

– А что, здесь много крыс? – спросил Пелле.

– Масса! – сказала Большая Стина. – Вот, гляди, не надо далеко ходить – нора. Я её называю **БОЛЬШАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ НОРА**. Здесь можно хорошо поживиться, если не жалеть лап. Как-то раз я поймала тут пять маленьких славных крысок.

– Ну, я об этом могу только мечтать, – сказал Пелле.

– Подожди только, – утешила его Большая Стина. – Подрастёшь и станешь настоящим охотником. А вот ещё неплохая нора. Я называю её **АППЕТИТНАЯ НОРА ПОГРЫЗКИНЫХ**, потому что там живёт весьма аппетитная семья Погрызкиных, папа, мама и двадцать семь детей. Хотя нет, подожди... сегодня уже двадцать шесть, одного я встретила утром....

И Большая Стина облизнулась, вспомнив утреннюю трапезу.

– Ну что, пошли дальше? – спросила она. – Пока, Бринкеберг!

– Пока, Брункман! – сказал Пелле.

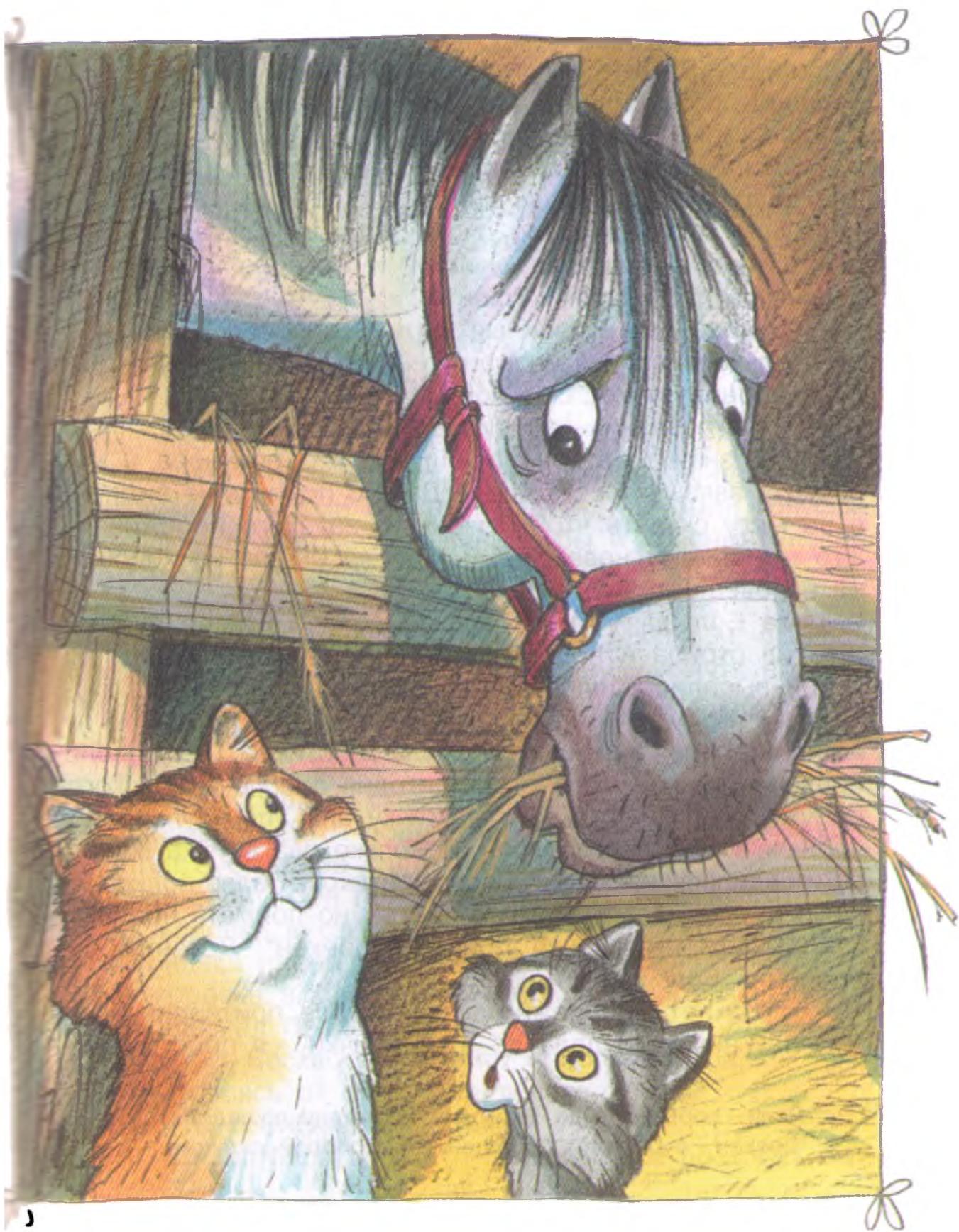
– Пока, Бринкеберг и Брункман! – сказали они вместе и двинулись в путь.

– Пойдём в свинарник? – спросила Большая Стина.

– Да ну его, – сказал Пелле. – Поросята такие грязнули, и потом они так по-дурацки хрюкают. Пошли лучше в конюшню. Лошади очень симпатичные. В городе я дружу с одной лошадью с пивоварни. Мы всегда обнюхиваем друг другу, когда встречаемся.

В конюшне стоял Старый Брюнте и бил копытом.

– Все лошади на прогулке, – сказала Большая Стина, –

и Старому Брюнте, понятно, скучно здесь одному. Но он недавно простудился, и его пока не выводят.

Тут Старый Брюнте заржал.

– Ой, какой у него голос хриплый, – сказал Пелле. – Но вид довольно добродушный.

– Он и в самом деле очень добрый, – сказала Большая Стина, запрыгнула в ясли* и потёрлась о мягкую верхнюю губу Старого Брюнте.

– А здесь есть крысиные норы? – спросил Пелле.

– Только одна, и я называю её ЛИЧНАЯ НОРА ЮНАСА, и её аборнирует кот с конюшни, Юнас.

– Что это значит – аборнирует? – спросил Пелле.

– Это значит, что он заявил, что это его нора, а мне неохота ввязываться в ссору. Да его почти и не видно. И я не могу сказать, чтобы очень из-за этого переживала. Это неуклюжий, невежливый кот. Его общество хорошим не назовёшь.

Пока Большая Стина рассказывала о Юнасе, они вышли из стойла и пошли по дороге, по обе стороны которой высились белоствольные берёзы.

Вдруг прямо перед носом Пелле на дорогу выпрыгнула чёрно-белая птичка и затряслася хвостиком. Пелле подобрался и решил, что обед на сегодня обеспечен. Но когда он уже был готов схватить птичку, она упорхнула, бодро чирикая. И так повторялось несколько раз. Птичка взлетала и садилась, нахально тряся хвостиком. Пелле подкрадывался к ней, делал стойку и прыгал, но поймать не мог.

– Ты что, пытаешься поймать фрекен** Дразнилку? – спросила Большая Стина.

– Я? Да нет, – небрежно сказал Пелле, притворяясь, что ему нет никакого дела до этой птички, – я просто поду-

* Ясли – корытце, куда засыпают корм для лошадей.

** Фрекен – в Швеции: обращение к молодой девушке.

мал, что неплохо немного попрыгать. Буду я гоняться за какой-то глупой птицей!

– Это правильно, – сказала Большая Стина, – за трясо-гузками гоняться не стоит. Они специально нас дразнят. Но я думаю, что хорошо бы поваляться на травке, а то я немного устала. Старость – не радость!

Глава десятая

БОЖЬЯ КОРОВА

Направо от дороги простирался широкий цветущий луг. Большая Стина и Пелле прилегли среди цветов, переливавшихся всеми цветами радуги. Там были голубые колокольчики, жёлтые ведьмины зубы и красный клевер с толстыми и мягкими головками.

Вдруг какое-то маленькое красное существо с чёрными пятнышками прилетело невесть откуда и уселось Пелле на нос. Пелле только собрался смахнуть его лапой, как крыльшки неизвестного создания разделились надвое, и оно улетело в голубое небо.

– Это что ещё такое? – спросил Пелле.

– Божья коровка, – сказала Большая Стина. Божьи коровки безвредные и добродушные, так что если им это нравится, пусть себе сидят на моём носу.

Пелле зевнул. Он понял, что очень устал. Но что это? Божья коровка, в сто раз больше, чем та, которая улетела, уселась перед ним и уставилась на него. «Это не божья коровка, а какая-то прямо божья корова», – испуганно подумал Пелле.

– Это ты – Бесхвостик Пелле? – зарычала она.

– Я, – трясясь от страха, пролепетал Пелле.

– Это ты собирался на травку?

– Я, – Пелле била дрожь от кончика носа до... чуть бы-

ло не сказал – до кончика хвоста, но хвоста, как вы помните, у него не было.

– На травку – значит, на травку! – проревела божья корова, схватила Пелле за шкирку и поднялась в воздух. Они летели над полями и лугами, над лесами и озерами, над домами и усадьбами. Но вот она начала постепенно снижаться, и приземлилась на большой лужайке. Между двумя берёзками был натянут плакат с огромной ярко-зелёной надписью «Травка», и мальчик в белом пиджаке бил в гонг и громко кричал: «Милссти прошшу к обеду! Милссти прошшу к обеду!»

– Пасись! – приказала божья корова. Пелле не посмел ослушаться и начал щипать травку. Тут он увидел, что ещё самое меньшее сто кошек занимаются тем же самым.

«Теперь-то и я буду коровой», – с грустью подумал Пелле. И не успел он об этом подумать, как громко замычал.

Тут ему на нос упала крупная холодная капля, другая на ухо – и вдруг обрушился сильный летний дождь!

«Это потому, что я ел траву, – подумал Пелле. – Фу, как мокро!»

И тут он проснулся! (Вы, конечно, поняли, что вся эта история ему просто приснилась.)

А мокро было потому, что Большая Стина начала его вылизывать изо всех сил. И нос, и спину.

– А где божья корова? – спросил спросонья Пелле.

– Не корова, а коровка, – поправила Большая Стина. – Давно улетела.

– А что это за лужайка, где написано «травка», и куда делись кошки?

– Ты просто задремал, малыш, – сказала Большая Стина. А теперь пора идти домой, чтобы успеть к вечернему молоку.

– Где ты пропадал? – с упрёком сказала Биргитта, когда Пелле пришёл домой. – Если бы ты знал, как мы волновались.

– Кажется, начинается дождь, – сказал папа. – Во всяком случае, мне на нос что-то капнуло.

– И мне, – сказал Улле.

И это была правда. Пошёл тихий летний дождик.

– Как хорошо, – сказал папа. – Это как раз то, что надо – и для цветов, и для посевов.

– А знаешь, папа, что я думаю? – спросила Биргитта. – Как ты считаешь, чем занимался Пелле, пока он пропадал?

– Понятия не имею, – пожал плечами папа.

– Я думаю, что он ел траву, и поэтому теперь идёт дождь. – И она повернулась к Пелле и спросила: – Ты что, пасся на травке?

– Мяу, – сказал Пелле.

Глава одиннадцатая **ПЕЛЛЕ ПОТЕРЯЛСЯ**

Какое это было лето! Пелле очень нравилось жить в деревне.

И, наверное, самое лучшее было, когда доили коров. Каждое утро и каждый вечер Большая Стина и Пелле провожали тётушку Хедду в стойло. Они стояли и смотрели, как та доит бурёнок и терпеливо дожидались момента, когда же, наконец, тётушка нальёт им молока в крышку от фляги. Парное молоко, свежий воздух, трава – всё это было просто замечательно. Большая Стина всегда жмурилась, когда ела, и Пелле это очень нравилось. Было так приятно – есть и жмуриться, и он тоже решил попробовать. Но, зажмурив глаза, он сунул нос

слишком глубоко, отчего чихнул три раза подряд, и молочные брызги полетели во все стороны. Сидевшая неподалёку сорока (её почему-то звали Конрад) презрительно расхохоталась.

– Не так-то это просто – есть из блюдца, – сказал Конрад насмешливо.

– Кто бы говорил, – хмыкнул Пелле. – Посмотрел бы я, как ты будешь лакать молоко из крышки со своим длинным носом.

– А я бы поглядел на тебя, как ты летаешь, – засмеялся Конрад, – и как рулишь хвостом!

И он, хохоча, полетел по своим делам.

Но лето кончалось. Листья на деревьях начали желтеть, в лесу повсюду торчали зонтики грибов, на кочках краснела брусника. Солнце с каждым днём всё больше торопилось спрятаться за лесом, и всё ленивее вставало по утрам. И семья Пелле начала собираться в город. Я имею в виду, понятно, семью, в которой Пелле жил, то есть папу, маму, Биргитту и Улле.

– Ну что ж, – сказал папа. – Завтра мы возвращаемся в город. Если я не ошибаюсь, в понедельник у Улле начинаются занятия.

– Начинаются, – кисло сказал Улле, – могли бы сделать физкультурный день в понедельник. И мы бы ещё денёк пожили в деревне.

– А во вторник можно сделать санитарный день, – предложила Биргитта, – и тогда можно остаться ещё на денёк.

«Хорошо бы они подошли к этому вопросу основательно, – подумал Пелле. – Школу надо хорошенко выскоблить, так что меньше чем парой дней не обойдёшься». Ему тоже страшно не хотелось уезжать из Эврабу.

На следующий день всё семейство уезжало, все садились в поезд. Большая Стина тоже пришла на вокзал и помахала им на прощанье. Ну, не то чтобы помахала по-настоящему, у кошек нет такого обычая, но если бы такой обычай у кошек был, то будьте уверены: Большая Стина долго махала бы на прощанье своей серой лапкой.

– Счастливого пути! – сказала Большая Стина. – До следующего лета!

– Обязательно! – кричал Пелле. – Уж тогда-то я точно прищучу Августа!

(Августом звали крысу на скотном дворе, и он дразнил Пелле всё лето. Пелле много раз пытался его поймать, но куда там.)

И тут поезд медленно двинулся. У папы, мамы, Биргитты, Улле и Пелле было отдельное купе. Поезд потряхивало, папа читал газету, мама достала крючки для вязания, Улле глазел в окно, а Биргитта ласкала Пелле, пристроившегося у неё на коленях. Пелле запустил свой мотор на полную мощ-

ность, как говорил Улле, когда Пелле начинал мурлыкать.

И вот поезд остановился на большой станции. Биргитта и Улле тут же начали приставать к папе, чтобы он дал им по двадцать пять эре на шоколадки – вы же знаете эти автоматы с шоколадками, они есть на каждой станции. Получив монетку, Биргитта сняла Пелле с колен и, приказав ему сидеть смирно, исчезла.

«Неплохо бы и мне прогуляться и поглядеть, что там делается, пока поезд стоит», – подумал Пелле и, никем не замеченный, выскользнул на перрон. Там стоял начальник станции и размахивал красным флагом.

«Наверное, у него день рождения, – подумал Пелле, – а то чего бы ему махать флагом. Надо его поздравить». И Пелле принял свою самую вежливую позу и сказал:

– Имею честь поздравить господина начальника станции с днём рождения!

Но тот не понял ни слова из того, что сказал Пелле. Он же не знал кошачьего языка. Вместо того чтобы сказать спасибо, он крикнул пробегавшему мимо закопчённому до ушей кочегару*:

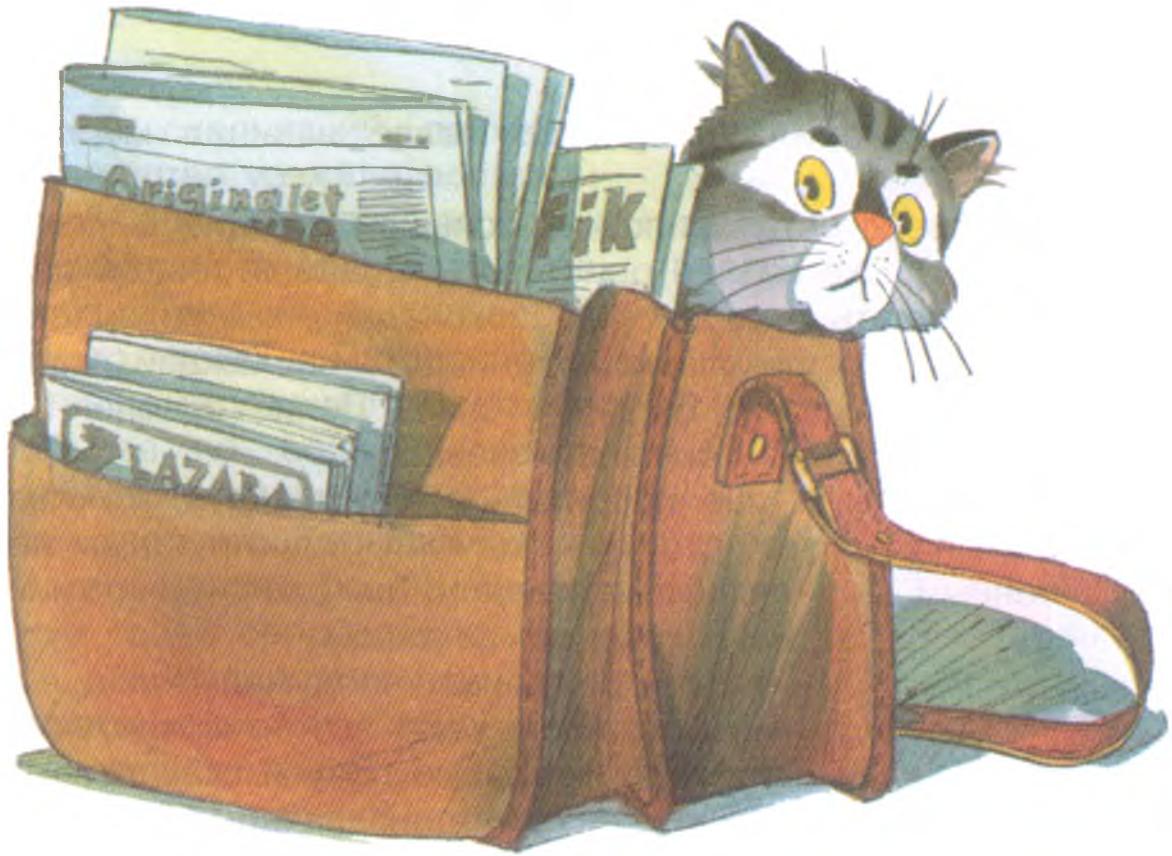
– Погляди-ка на кота без хвоста!

И глубоко уязвлённый Пелле побрёл дальше.

Но что это? Вдруг состав заскрипел и тронулся в путь! Пока Пелле догнал его, он уже набрал скорость, так что Пелле едва успел вскочить на площадку последнего вагона.

И только отдохнувшись, он обнаружил, что это был не тот поезд. Этот поезд двигался в противоположном направлении! Его поезд спокойно стоял на станции, и он даже успел увидеть промелькнувшего в окне Улле.

* Раньше локомотивы работали на угле. Рабочий, кидающий в топку уголь, назывался кочегаром.

Глава двенадцатая
ДЯДЮШКА КАРЛССОН

Пелле отправился навстречу неизвестности.
Навстречу неизвестности – один-одинёшенька на пло-
щадке последнего вагона огромного поезда!

Уже давно не было видно начальника станции с его именинным флагом. Пелле сидел с несчастным видом на площадке и облизывался. Прежде всего надо было спрятаться от ветра – на площадке ужасно дуло. Рядом с ним стояла огромная сумка с газетами. «А в сумке, на-
верное, тепло и не дует, – подумал Пелле, – почему бы мне в неё не залезть?»

Сказано – сделано. Но уже через несколько минут при-
шёл мальчик в зелёном костюмчике, схватил сумку и ку-
да-то её потащил. Он шёл по вагонам и кричал: «Свеж-
кие газеты, ежжендельники, книшки!»

– Мне, пожалуйста, «Вечерний листок», – попросил толстый дяденька. На голове у него не было ни единого волоска.

– «Вечерний листок» – пожаллста! – сказал мальчик, но не успел он выудить из сумки нужную газету, как оттуда показалась голова с большими перепуганными глазами.

Газетчик осталбенел. Он просто не мог поверить своим глазам. Но толстый дяденька совсем не испугался. Он осторожно вытащил Пелле из пакета, ласково погладил его и спросил:

– А ты кто такой, плутишка? Воскресное приложение к «Вечернему листку»?

– Мяу, – сказал Пелле.

– Ну что ж, воскресные приложения бывают и хуже. Во всяком случае, я никогда не видел приложения с таким симпатичным розовым язычком.

И Пелле старательно лизнул ему руку своим шершавым языком. Ему очень понравился этот толстый дяденька.

– Какое несчастье! – вдруг всполошился толстяк. – У меня нет с собой ни салаки, ни молока! (Вообще говоря, фамилия его была Карлссон, так что в дальнейшем мы будем называть его дядюшкой Карлссон.) У меня есть только сигары, но ты же не куришь?

– Н্�ьяу, – ответил Пелле.

– Я так и думал, – сказал дядюшкой Карлссон и похлопал себя по карманам. – Подожди-ка! – воскликнул он. – Могу предложить мятную лепёшку! – и он выудил из кармана коробочку с белыми таблетками.

Пелле понюхал таблетку и отвернулся.

– Значит, с едой придётся подождать, – вздохнул дядюшкой Карлссон. – Ничего другого предложить не могу. Да ты, может быть, и не так уж голоден?

Пелле совершенно не хотел есть, ни капельки. Слишком много всего случилось за последние полчаса, чтобы

он успел подумать о еде. С одной стороны, ему, конечно, повезло, что он встретил этого добродушного дяденьку. А с другой стороны, что будет с ним дальше? Возьмёт ли дядюшка Карлссон его с собой, или оставит в поезде? И вообще сумеет ли он когда-нибудь разыскать Биргитту?

– О чём задумался, малыш? – спросил его дядюшка Карлссон. – Скоро будет наша остановка, и мы пойдём с тобой домой есть салаку. А в чулане, всё может случиться, глядишь, найдутся и слишки.

Какой он был симпатичный, этот дядюшка Карлссон! Похоже, он и в самом деле собирался устроить для Пелле праздничный ужин.

Тут дядюшка Карлссон собрал все свои сумки, взял Пелле под мышку и вышел на перрон.

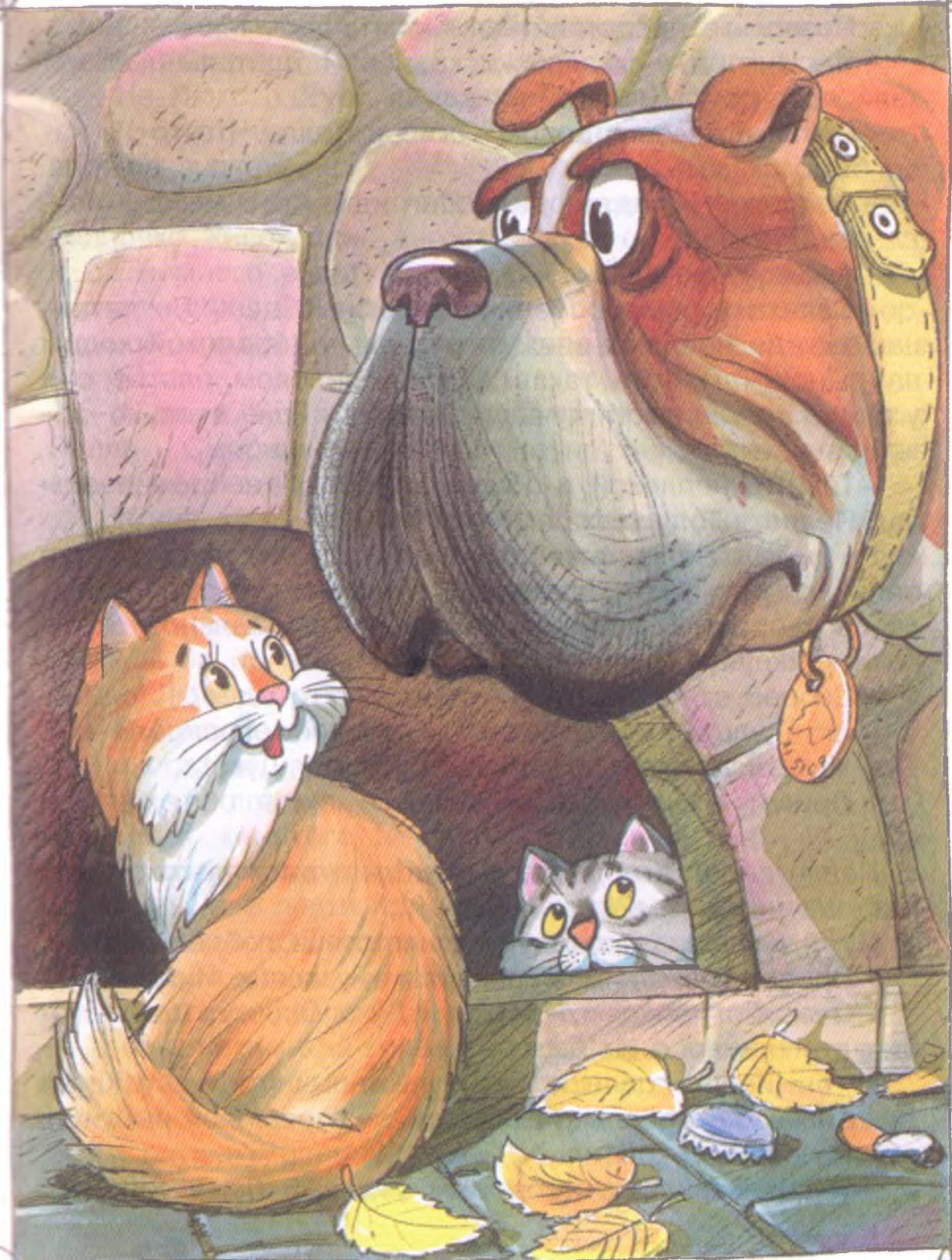
Но тут случилось нечто ужасное! Прямо на дядюшку Карлссона мчалась огромная, как телёнок, собака. Пелле настолько испугался, что вывернулся из-под руки дядюшки Карлсона и, как маленький вихрь, помчался в город, который начинался сразу за вокзалом. Он не мог остановиться, пока не очутился на тихой улочке, где было много маленьких подвальных окошек и, во всяком случае, было куда улизнуть в случае чего.

Глава тринадцатая

КИСКА ИНГРИД

Не успел Пелле отдохнуться, как вдруг из одного подвального окошка появилась совершенно очаровательная киска – пожалуй, самая очаровательная из всех, что Пелле когда-нибудь встречал.

«Надо привести себя в порядок», – подумал Пелле, тщательно умылся, а потом со всем доступным ему изяществом шагнул вперёд и сказал:

- Позвольте представиться. Меня зовут Пелле.
- Я – Ингрид, – сказала киска, и они тщательно обнюхали друг друга. Наступила долгая пауза.
- Славный у вас городок, – сказал Пелле. Что-то же надо было сказать.
- Неплохой, – подтвердила Ингрид. – Хотя мышей почти нет.
- А как у вас салака? – спросил Пелле.
- Салака хороша, особенно в рыбный день. По пятницам всегда продают свежую рыбу, и мы с мамой ходим на рынок. Там есть такая дама в лиловом платье, она угождает нас самой лучшей салакой. Ешь сколько хочешь.
- Так что неплохой, в общем, городок, – небрежно сказал Пелле. – Только собак многовато.

Не успел Пелле это произнести, как на перекрёстке появился пёс с устрашающей сморщенной мордой. Пелле со скоростью молнии скользнул в подвальное окошко и крикнул Ингрид:

- Скорее сюда! Ты что, не видишь, кто идёт?
- Ах, – улыбнулась Ингрид, – никакой опасности нет. Это всего-навсего старина Дукс. Привет, Дукс!
- Привет, – хмуро сказал Дукс и нехотя обнюхал Ингрид.

Пелле сидел в подвале у окошка и дрожал от страха. Как она не боится?!

Дукс, завершив процедуру приветствия, побрёл дальше.

– Привет Шарлотте! – крикнула ему вслед Ингрид.

– Спасибо, передам, – буркнул Дукс. Особого дружелюбия в его голосе не было.

И он пошёл дальше по булыжному тротуару. Когда Дукс был уже довольно далеко, Пелле решился высунуть нос из своего укрытия.

- И ты позволила, чтобы этот ужасный Люкс со своей

сморщенной мордой тебя обнюхивал? – спросил восхищённый Пелле.

– Не Люкс, а Дукс, – сказала Ингрид.

– Что это за имя – ДУКС? – спросил Пелле. – Что это вообще значит?

– Латынь, я думаю, – небрежно сказала Ингрид. – Здесь недалеко живёт один ангорский кот, его зовут Катилина, и он немного знает латынь. Я его как-то спросила, что значит – ДУКС. Он сказал, что это означает: « тот, со сморщенной мордой», но по-моему, он был не очень уверен в ответе.

– А по-моему, это имя ему вполне подходит, – сказал Пелле. – Сморщенный, это уж точно. Никогда в жизни не видел ничего подобного.

– Когда я была маленькой, – сказала Ингрид, – Дукс однажды на меня бросился, но мама на него прыгнула и оцарапала так, что он удрали с поджатым хвостом. Кстати, о хвосте – куда ты дел свой хвост?

– Мы не об этом говорим, – сказал Пелле, – мы говорим о Люксе.

– О Дуксе, – терпеливо поправила Ингрид. – С тех пор он никогда не нападает на кошек, и мы все об этом знаем, так что его никто не боится.

– Но я же этого не знал, – сказал Пелле. – И я бы очень хотел познакомиться с твоей мамой.

– А мы уже почти пришли, – сказала Ингрид. – Мы живём в четвёртом подвальном окошке, если считать от Родниковой улицы. Думаю, что мама дома.

Мама была дома. Она сидела в уютном кресле-качалке с наушниками на голове, когда Пелле, прячась от смущения за Ингрид, пролез в окошко.

– Добрый вечер, – сказала Ингрид. – Мы тебе не мешаем слушать радио?

– Да нет, – сказала мама, откладывая наушники, –

передают какую-то дурацкую лекцию «Как ловить мышей». Как будто я сама этого не знаю! А кто это с тобой?

– Пелле, – сказал Пелле и поклонился.

– Добро пожаловать! – сказала мама. – Ингрид, иди на кухню и поставь молочник.

(Дело в том, что кошки не пьют кофе, поэтому они никогда не ставят подогревать кофейник, да у них его, как правило, и нет; вместо этого они ставят на огонь молочник, чтобы молоко было тёплым, таким, как им больше всего нравится.)

Ингрид принесла три блюдечка, и они все втроём погли молока – Ингрид, её мама и Пелле. Потом они тщательно умылись, и мама Ингрид попросила Пелле рассказать о своих приключениях.

И Пелле начал свой рассказ.

Глава четырнадцатая

С ПЕЛЛЕ ВСЁ В ПОРЯДКЕ

Биргитта была просто в отчаянии, когда она, купив шоколадку, вернулась в купе и не нашла там Пелле. И Улле тоже расстроился, хотя старался этого не показать. Папа и мама тоже выглядели озабоченными.

– Я просто не могу этого понять, – сказал папа, – он только что сидел здесь.

– Мне даже кажется, что он всё время мурлыкал, – сказала мама.

Биргитта заплакала.

– Бедный мой маленький Пелле, – выговорила она сквозь слёзы. – Я его, наверное, никогда не увижу.

– Может быть, он зашёл в другое купе, – предположил папа.

Тут как раз подошёл кондуктор, и папа прошептал ему что-то на ухо. Это был добрый кондуктор, как, впрочем, и большинство кондукторов. Он дружелюбно засмеялся и пошёл по коридору, заглядывая в каждое купе и восклицая:

– Кто-нибудь тут видел бесхвостого кота?

Вообще-то кондукторы обычно кричат: «Предъявите билеты!», или «Следующая станция – Линчёпинг», или что-нибудь вроде этого, но этот кондуктор шёл по коридору и кричал:

– Кто-нибудь тут видел бесхвостого кота?

– Мы видели, – сказали двое мальчиков из соседнего вагона, – мы видели, как он запрыгнул в последний вагон другого поезда, который ушёл раньше нашего. Да ещё и в другую сторону. На вагонах было написано «Крильбу».

– Ну что ж, это, во всяком случае, зацепка, – сказал папа кондуктору, когда тот вернулся. – Не плачь, Биргитта, мы его найдём, вот увидишь. Мы завтра же дадим объявление.

– А нельзя объявить по радио? – спросил Улле.

– Не думаю, чтобы они там, на радио, на это пошли, – покачал головой папа. – Придётся нам довольствоваться объявлением в газетах. И, оказывается, как хорошо, что у него нет хвоста – прекрасный опознавательный знак!

И дядюшка Карлссон, который собирался пригласить Пелле на ужин, тоже был очень огорчён, когда Пелле, испугавшись собаки, удрал от него на станции.

– Какое несчастье! – горевал он. – Что же теперь будет с бедным заблудившимся котёнком?

Но можете себе представить его радость, когда на следующее же утро, во время своей, обычной утренней прогулки, он увидел своего вчерашнего знакомца прямо

посреди Родниковой улицы! Дядюшка Карлссон закричал: «Ур-ра!», да так, что сразу с десяток тётушек высунулось из окон, а полицейский Петерссон, который стоял в конце улицы с заложенными за спину руками, повернулся, чтобы пресечь нарушение порядка.

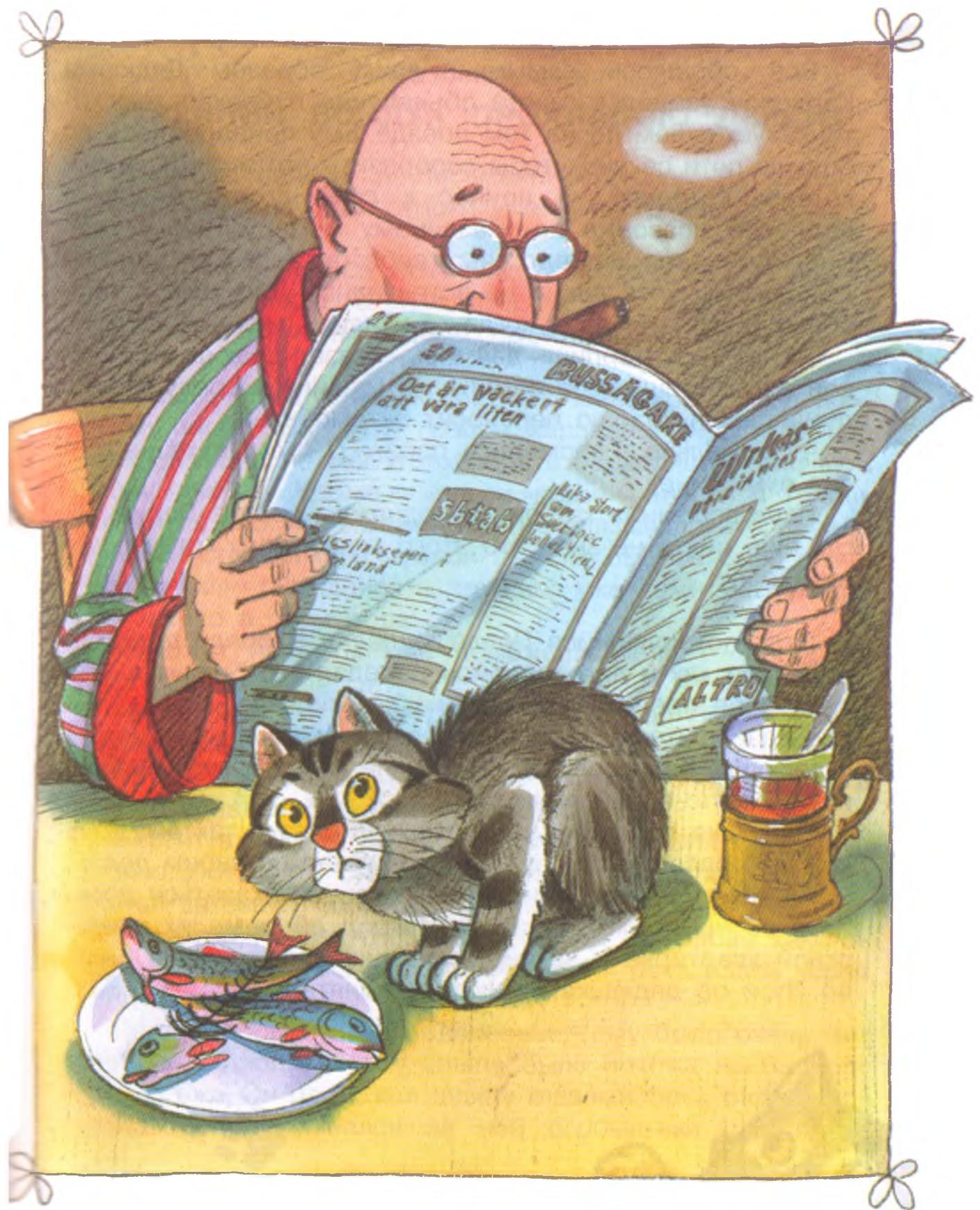
Пелле тут же подошёл и потёрся о ногу дядюшки Карлсона. Он сразу узнал этого доброго дяденьку с поезда, и дядюшка Карлссон взял Пелле на руки и пошёл с ним домой. Он тут же позвонил в рыбную лавку и заказал салаку, а у молочника – жирные сливки. Намечался настоящий праздник, и это в самом деле был праздник. Такой замечательный праздник, что Пелле даже придумал песенку о дядюшке Карлссоне:

*Дядя Карлссон,
Дядя Карлссон –
Благородный человек!
У него всегда запасы
Благородной рыбы хек!
Отказаться вы могли бы
От такой чудесной рыбы,
От волшебной рыбы хек?*

(Вообще говоря, Пелле получил салаку, но хек очень хорошо рифмовался со словом человек.)

*Дядя Карлссон,
Дядя Карлссон,
Он приветлив и не строг,
Он приветлив, он радущен,
Он к котам неравнодущен,
Он котам даёт творог!*

(И здесь Пелле тоже допустил неточность: ему дали сливки, а не творог; но поэзия, такая штука, что ради рифмы можно поступиться чем хочешь.)

Всё обошлось самым лучшим образом. Дядюшка Карлссон увидел в газете объявление о бесхвостом котёнке, уехавшем не на том поезде. Ему понадобилось не больше пяти секунд, чтобы сообразить, что это тот самый котёнок, которого он принёс к себе домой. Дядюшка Карлссон позвонил по указанному номеру. Трубку взял Биргиттин пapa, и представьте себе: оказывается, они были знакомы, хотя давно не встречались. Дядюшка Карлссон и Биргиттин пapa когда-то учились в одной школе.

– Если ты потерпишь два дня, – сказал дядюшка Карлссон, – я заброшу тебе котёнка на машине в среду. Как ты думаешь, он хорошо переносит автомобиль?

– Нормально, – засмеялся пapa. – Он уже путешествовал в машине.

Пapa вспомнил, как он сам однажды привёз Пелле, когда ёщё никто не знал, что этого маленького котёнка зовут Пелле.

Итак, потерявшись Пелле нашёлся. В среду дядюшка Карлссон, как и договорились, передал его Биргитте. Можете себе представить, как она его тискала.

– Разрешите также оставить вам эту вещь на память, – и дядюшка Карлссон подарил Пелле мячик, замечательный яркий жёлто-синий мячик.

Дядюшка Карлссон даже смахнул слезу – так ему жалко было расставаться с Пелле – и уехал по своим делам.

Ах, как хорошо и приятно было снова оказаться дома! Хотя он немножко скучал по Ингрид, её маме, их прелестной квартирке в четвёртом подвальном окошке налево. Ну, и по дядюшке Карлссону, понятно.

Глава пятнадцатая

УТРЕННИЙ ВОЗДУХ ПРОХЛАДОЮ ДЫШИТ

Биргитта сидела за письменным столом и сочиняла стихи про осень. Три строки уже были готовы:

*Кончилось лето, листва облетает,
В парке аллеи ковром укрывает,
Утренний воздух прохладою дышит...*

Дальше ничего не получалось. Нелёгкое это дело – стихи писать. Биргитта грызла карандаш и думала изо всех сил. Она не могла подобрать подходящую рифму к слову «дышит». Кроме «выше» и «крыши» ничего в голову не приходило. Но «выше» никак не увязывалось с предыдущими строчками, а «крыши»... если бы уже была зима, можно было бы написать, что снег уже лежит на крыше, или что-то в этом роде...

– Может быть, ты мне поможешь, Пелле? – спросила Биргитта.

«Я-то знаю, что бы я написал, – подумал Пелле, – я бы написал «лишь бы водились в погребе мыши»». Но вслух он этого не сказал, не желая портить впечатление, а только удивлённо склонил голову набок.

Биргитта грызла ручку и размышляла. Она поглядела в окно. Уже почти стемнело, но было видно, как осенние листья затевают свои бесконечные хороводы.

– Смотри, Пелле, – позвала девочка, – с головы какого-то господина ветром сдуло шляпу. Она покатилась через улицу.

Пелле запрыгнул на подоконник – ему было очень интересно. Отсюда, сверху, шляпа была похожа на быстрононого ежа. Он провожал шляпу глазами, пока она не исчезла. Господин гнался за ней огромными прыжками.

«Неплохо было бы спуститься вниз и поохотиться за этой дурацкой шляпой, – подумал Пелле, – до чего, наверное, весело!»

Но господин вовсе не считал, что это чересчур уж вело – гоняться за своей собственной шляпой. И знает, кто это был? Правильно, это был Биргиттин пapa, хотя ни Биргитта, ни Пелле не узнали его в темноте.

Спустя несколько минут пapa, отдуваясь, появился в прихожей. На голове у него ничего не было.

– Подумайте только, – сказал он, пыхтя, как паровоз, – подумайте только, ветер сдул с меня шляпу, и теперь она катится, должно быть, прямо в озеро Меларен.

– Теперь её найдут утки и совыют в ней гнездо, – сказала Биргитта.

Пелле это показалось очень смешным, и он рассмеялся. Его смеха, понятно, никто не слышал. Кошки никогда не смеются вслух, они просто выглядят чрезвычайно довольными.

– Жалко шляпу, – сказал пapa, – я её только что купил. Думал, на всю зиму хватит.

– А может, её кто-нибудь выудит? – предположила Биргитта.

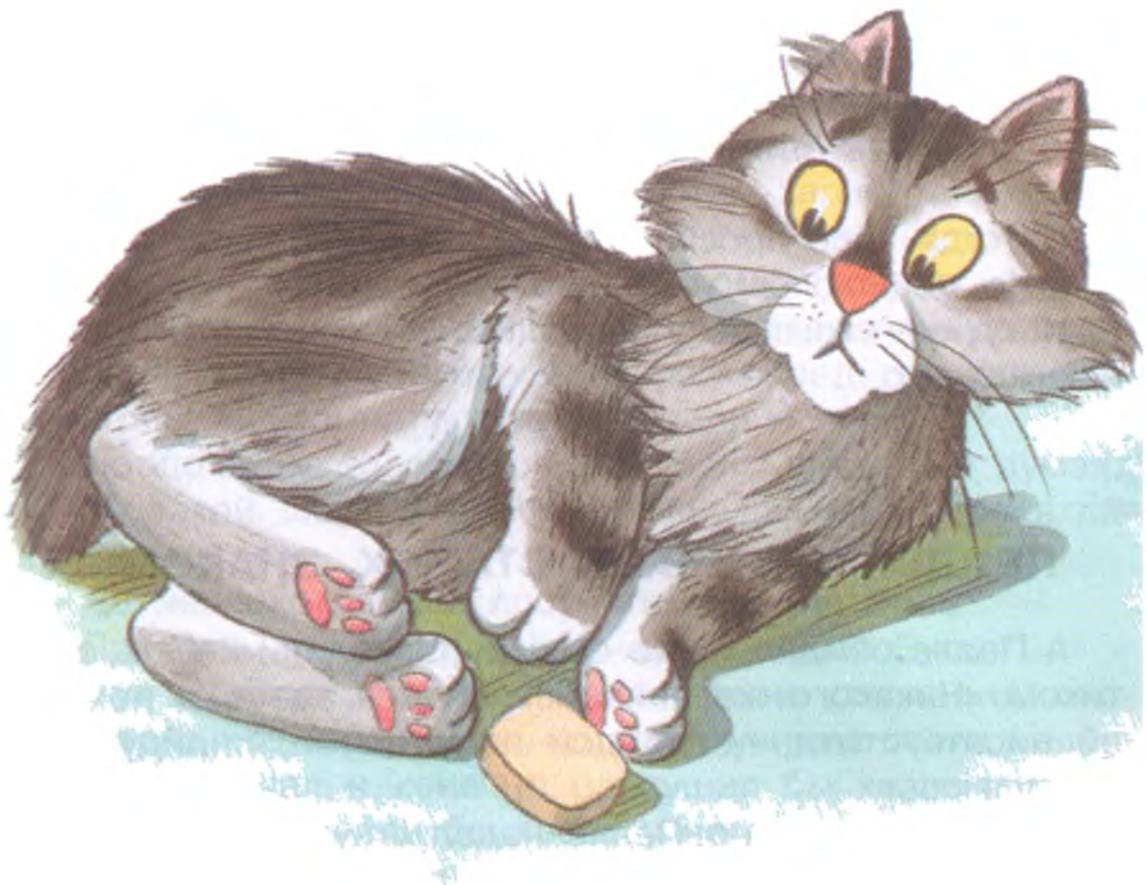
– Вряд ли, – сказал пapa. – Придётся покупать новую шляпу.

– Ты можешь занять деньги из моей копилки, – сказала Биргитта.

– Спасибо, моя девочка, – улыбнулся пapa, – но я думаю, у меня хватит денег. Я просто не знаю, что это за ураган такой! Хотя осенью такое случается, «когда бушует шторм», как поётся в песне.

И как только пapa это сказал, Биргитта вспомнила про свой неоконченный стих. Она вновь принялась грызть карандаш. Пелле запрыгнул на стол и уселся перед Биргиттой с самым невинным видом. Но тут взгляд его упал

на ластик. Он толкнул его лапкой, потом посильнее, и ластик покатился на пол. Пелле стрелой бросился за ним, но ластик отпрыгнул и оказался в другом конце комнаты. И тут Пелле начал гоняться за ластиком, он подбрасывал его, и кусал, и ворчал, как будто страшнее врага у него не было.

– Пелле, веди себя прилично, – наставительно сказала Биргитта. – Я пишу стихи, а ты мне мешаешь.

Дело в том, что завтра в школе у Биргитты должен был быть осенний праздник, и Биргитта собиралась пропеть там свои стихи.

И теперь она сидела и не могла придумать последнюю строчку. Она громко читала раз за разом:

Кончилось лето, листва облетает,
В парке аллеи ковром укрывает,
Утренний воздух прохладою дышит...

И тогда Улле просунул голову в дверь и сказал:
– Не мешало бы тебе быть ПОТИШЕ!
И тут же скрылся, справедливо опасаясь, что Биргитта
накажет его.

Глава шестнадцатая

ПЕЛЛЕ ВСТРЕЧАЕТ СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ

А Пелле обиделся, что ему не позволили играть с ластиком. «Никакого желания нет сидеть здесь и помогать ей писать стихи, – с обидой подумал он, – пойду лучше прогуляюсь».

Сказано – сделано. Пелле надел... чуть было не написал: надел пальто и шапочку, но нет, ничего он, конечно, не надевал. Он вышел на улицу и двинулся вдоль стены медленным изящным шагом.

И тут появился этот балбес Джим Петтерссон. Это был большой пёс. Он жил в семье по фамилии Петтерссон, и окрестные кошки поэтому называли его Джим Петтерссон, чтобы отличать от другого Джима, который вечно носился по улицам. Не то, чтобы Пелле очень испугался Джима Петтерссона, но всё же на всякий случай нырнул в ближайшее подвальное окошко.

В подвале было темно, как в мешке, но зрение у Пелле было превосходным, к тому же у него были роскошные усы, а усы у кошек, как вы, наверное, знаете, неплохо заменяют глаза. Пелле решил осмотреть подвал и вскоре наткнулся на приоткрытую дверь. Пелле сунул нос в щёлку и оказался в небольшой комнате, посреди кото-

рой стоял стол. А вокруг стола сидели трое старых знакомых – Монс, Биль и Буль. Знакомыми-то они были, но друзьями он их никак не мог назвать. Как вы помните, именно они сорвали с Пелле честно заработанную медаль только потому, что решили, что он задаётся.

А теперь коты сидели за столом, и перед каждым стояло блюдце с молоком. Они вели неторопливую беседу, прихлёбывая из блюдец. Как раз перед тем как Пелле заглянул в комнату, коты говорили о нём.

– Продолжает задаваться, – сказал Монс. – Он думает, что он такой важный, раз живёт в квартире, а не в сарае, как мы.

– Да, неплохо бы его проучить, – сказал Биль.

– Проучить его хорошо бы, – откликнулся Буль.

И тут в дверях появился Пелле. Он не слышал ни слова из того, что говорилось, но когда увидел своих недругов, он заворчал, и, конечно, распушил бы хвост и начал им помахивать – если бы хвост у него был.

Монс подмигнул Билю, а Биль подмигнул Булю. И Монс встал из-за стола, подошёл к Пелле и протянул ему лапу.

– Добро пожаловать, Пелле, – сказал он. – Присядешь с нами? Может быть, блюдечко молока?

– Хлебнуть молока никогда не помешает, – с притворной развязностью сказал Пелле, и сел за стол.

– Вот и осень наступила, – сказал Биль.

– Осень на дворе, – подтвердил Буль.

– Пойдёшь с нами на экскурсию? – спросил Монс.

– Не знаю, – сказал Пелле. – Что это за экскурсия?

– У нас такая традиция, – бодро сказал Монс. – Мы каждую осень устраиваем экскурсии. В этом году мы собираемся на озеро Меларен ловить салаку.

– Что такое? – спросил Биль.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Буль.

– Помолчите! – тихо зашипел на них Монс, а вслух продолжал: – Будем ловить салаку в озере. Её там так много, что просто бери лапой, и всё.

– Лапы намочишь, – сказал Пелле с сомнением.

– Чуть влажные лапы – большое дело! – сказал Монс. – Поверь, игра стоит свеч.

– Салаку я люблю, – сказал Пелле. Мысль отправиться на рыбалку казалась ему всё более привлекательной.

– Тогда завтра утром в восемь встречаемся у мусорного ящика в моём дворе.

– Отлично, – сказал Пелле. – Я приду.

– Вот и замечательно, – сказал Монс. – Я скажу Фрицу и Фриде, чтобы они тоже собирались.

– Фриц и Фрида... – Пелле задумался. – Это не та ли парочка с Дворцового Взвоза, которая только и делает, что царапается?

– Да что ты! – возмутился Монс. – Фриц и Фрида очень славные ребята, к тому же они живут в Коньковом переулке.

– На углу Дворцового Взвоза, – заметил Пелле, – но я всё равно приду завтра в восемь. А сейчас мне пора, уже поздно.

Когда Пелле ушёл, Монс захотел так, что даже подпрыгивал от смеха. Биль и Буль ничего не могли понять.

– В Меларене нет никакой салаки! – сказал Биль.

– Какая ещё салака в Меларене? – отозвался Буль. – Никакой салаки.

– Туповаты вы, ребята, – усмехнулся Монс. – Вы что, не поняли, что я всё это придумал, чтобы заманить его на озеро. А уж там-то мы его искупнём.

– Мы будем его купать? – спросил Биль.

– Смысл в том, чтобы его искупать? – повторил Буль.

– Конечно, – пожал плечами Монс, – мы столкнём его

в воду, может быть, перестанет задаваться. Я думаю, холодная ванна пойдёт ему на пользу.

- Конечно, пойдёт! – воскликнул Биль.
- Ещё как пойдёт, – добавил Буль.

Глава семнадцатая

ХОРОШО СМЕЁТСЯ ТОТ, КТО СМЕЁТСЯ ПОСЛЕДНИМ

На следующее утро они, как и договорились, встретились у мусорного ящика – Пелле, Монс, Биль и Буль, Фриц и Фрида.

– И помните, – наставлял Монс приятелей, пока Пелле ещё не появился, – мы притворяемся его друзьями. Чтобы никто даже не мяукнул, а то он заподозрит, что мы хотим над ним подшутить.

– Но царапнуть-то его хоть разок можно? – спросили в один голос Фриц и Фрида. – Хоть чуть-чуть?

– Нет, – твёрдо сказал Монс. – Никакого царапанья. Чтобы он ничего не заподозрил.

– А этого нельзя допустить, – сказал Биль.

– Ни в коем случае, – подтвердил Буль.

Они пошли к озеру, задрав свои пышные хвосты трубой, кроме Пелле, конечно, ему задирать трубой было нечего. Дорога шла через рощу.

На сосне сидела белка и цокала. Когда Пелле поглядел на неё, она перестала цокать и сказала:

*Что ты смотришь? Я не мышь,
Поищи свой хвост, малыш.*

Фриц и Фрида захихикали. Но Монс строго на них

поглядел и зашипел на белку. Та исчезла среди веток, только хвост мелькнул.

«Подумать только, каким славным стал Монс. Он не даёт меня в обиду. Похоже, неплохая получается экскурсия!» – подумал Пелле.

– Скоро придём? – спросил он вслух.

– Скоро, – сказал Монс. – А сколько воды в этом озере, уж будь уверен! – И он многозначительно улыбнулся Билю и Булью, отчего Фрида и Фриц прямо прыснули от смеха.

И вскоре они вышли на опушку рощи. Меларен лежал перед ним, сверкая в лучах утреннего солнца.

– Мы идём вон на те мостки, – сказал Монс. – Оттуда лучше всего видно салаку.

– Да, салаку оттуда хорошо видно, – сказал Биль.

– Салаку видно – как на ладони, – сказал Буль.

Фрида и Фриц подавили смешок.

Пелле очень хотелось поскорее посмотреть на салаку, и он запрыгнул на мостки первым. Тут Монс подмигнул Билю, Биль подмигнул Булью, Буль подмигнул Фрицу, Фриц подмигнул Фриде, и не успел Пелле сказать, что никакой салаки он не видит, как его столкнули с мостков.

Они ожидали услышать визг, плеск, увидеть, как Пелле барахтается в воде, но ничего подобного не произошло. Под мостками были проложены несколько брёвен, и Пелле в падении успел зацепиться за одно из них своими острыми коготками. Через секунду он благополучно забрался на бревно и отряхнулся.

А на мостках стояли Монс, Биль, Буль, Фрида и Фриц с вытянутыми физиономиями. Но долго обдумывать неудачу им не пришлось. Откуда ни возьмись появились две огромных страшных собаки, и не успели коты спрятаться, собаки уже влетели на мостки.

Славной компании ничего не оставалось делать, как прыгать в воду – всем пятерым!

И вот они плавали в ледяной воде, а собаки стояли на мостках, рычали и лаяли. Ещё повезло, что у них не возникло желания прыгать в холодную воду, иначе котам пришлось бы совсем плохо.

А Пелле спокойно пошёл по бревну и вскоре оказался на песке. И знаете, что он там увидел? Правильно, папину шляпу, ту самую, которая сбежала накануне. Волны тихонько покачивали её у самого берега. Вид у шляпы был довольно жалкий.

«Жалко, что я не дотащу её домой», – подумал Пелле и обнюхал шляпу. Потом он спокойно скрылся в лесу, так что собаки его даже не увидели, и скоро Пелле уже был дома с Биргиттой.

А собакам вскоре надоело стоять на мостках и рычать, и они отправились по своим делам. И только тогда коты смогли наконец вылезти на берег. Назквозь промокшие и продрогшие, поплелись они домой. Осенняя экскурсия закончилась не совсем так, как они предполагали. Но знаете, мне кажется, что они получили по заслугам.

Глава восемнадцатая

ПЕЛЛЕ И РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЁЛКА

Прошла осень, и наступило Рождество.

Надо сказать, да вы это уже и сами поняли, что Пелле был довольно отважным котёнком, но в канун Рождества он по-настоящему испугался: он лежал, как обычно, на своём любимом стуле, мурлыкал потихоньку, иногда облизывался, и думал, что жизнь его прекрасна. Но вдруг он услышал крик и грохот в прихожей. «Наверное, Биргитта и Улле явились, – подумал Пелле, – вечно они подымают ужасный шум». И он, не вставая с места, лизнул себя в плечо, поскольку делать ему было совершенно нечего.

Но в следующий же момент он увидел нечто совершенно непонятное и страшное. В дверях появилось что-то зелёное с колючими ветками. И у этого чудища было две ноги впереди и две сзади.

«Надо напугать это чудовище», – мелькнула мысль, и Пелле выгнулся спину и зашипел так устрашающе, как только умел.

Но ёлка (а это была ёлка) совершенно не испугалась. Она продолжала лезть в комнату, и Пелле ничего не оставалось делать, как скорее спрятаться под шкаф.

«А если ей вздумается вымести меня из-под шкафа, – с ужасом подумал Пелле, – эти иголки, наверное, очень колючие».

Но вскоре Пелле немного успокоился. Оказалось, что четыре ноги, которые он видел, принадлежали вовсе не ёлке, а двум мальчикам – их было почти не видно за пышными ветками. Верхушка оказалась под самым потолком. Тут появился папа с зелёным ведром. Он поставил ёлку в ведро, встал на колени и начал что-то прикручивать и прилаживать. При этом он ужасно кряхтел, так что Пелле заключил, что работа была нелёгкая. Страх его как рукой сняло. Он вылез из-под шкафа и с интересом наблюдал за происходящим.

Мальчишки получили заработанные деньги, поклонились и исчезли, а папа налил в ведро воды.

«Странный народ – люди, – подумал Пелле, – приволочь такое чучело в квартиру! Когда они собирают цветы и ставят их в вазу, это ещё куда ни шло. Но поставить огромную ёлку в ведро – это, по-моему, полное безумие».

Тут пришла Биргитта и захлопала в ладоши. Она начала прыгать и кричать:

– Какая красивая ёлка! И какая большая, да, папа? – Она увидела Пелле, схватила его за руки и стала тормошить:

– Тебе тоже нравится, а, Пелле?

– М-мяу, – сказал Пелле неуверенно, – правда, я не понимаю, почему огромная ёлка должна стоять в ведре в гостиной. – Эта последняя фраза была, конечно, сказана про себя. Но Биргитта как будто подслушала его мысли, потому что она тут же ответила на вопрос:

– Видишь ли, Пелле, – сказала она, – это рождествен-

ская ёлка. У нас всегда на Рождество бывает ёлка. Скоро мы её нарядим и увидишь, она будет ещё красивее.

Они будут её наряжать? Пелле был очень удивлён. Интересно, будет она в брюках или в юбке? Башмаков, понятно, не будет, раз она стоит в ведре. А что будет на верхушке? Что ж, это, во всяком случае, забавно! – и Пелле засмеялся, но никто его не услышал. Как вы помните, кошки смеются совершенно беззвучно.

– Наряжать будем завтра, – сообщила Биргитта. – Повесим карамельки, и коричные сердечки, и красные яблочки, и множество свечей, и две больших звезды на макушке.

– А что, одной не хватит? – спросил папа.

– Нет, папа, миленький, две звезды гораздо лучше. Ты ведь купишь нам две звезды? И бенгальские огни, ну пожалуйста!

Ночью Пелле приснилось, что ёлка пришла к нему в клетчатом пальто и костюме в полоску. Она вежливо приподняла широкополую шляпу и запрыгнула в ведро с водой, отчего брызги полетели во все стороны.

– А ноги не промочишь? – спросил Пелле, но тут он проснулся, не услышав ответа. Пелле был очень раздосадован – ему так хотелось услышать, нравится ли ёлке стоять в ведре с водой. Пелле подумал, что он, во всяком случае, не хотел бы быть рождественской ёлкой и стоять всё время в воде...

Глава девятнадцатая

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОДАРКИ

Итак, для Пелле наступило первое в его жизни Рождество. Ёлка стала и в самом деле очень красивой, когда её нарядили и зажгли свечи, но бенгальские огни ему

не понравились. Они трещали и разбрасывали искры самым пренеприятным образом. Пелле забился в уголок и размышлял:

«Эта штука не может быть полезной, – думал он. – Ёлка же может загореться, и что мне тогда – опять гасить пожар?»

Но ёлка, к счастью, не загорелась, несмотря на треск и искры.

Рождественский стол, по мнению Пелле, оставлял желать лучшего. Рисовую кашу он как-то заставил себя поесть, чтобы не огорчать Биргитту, но вяленую треску он просто не мог проглотить. «Странно, что это называется рыбой, – ворчал Пелле, – я-то думал, что знаю про рыбу всё. Но это... оно даже не пахнет рыбой – ни салакой, ни селёдкой, ни даже окунем или щукой. Нет уж, спасибо, это я есть не стану».

И тогда ему дали рождественскую салаку.

А потом раздавали подарки.

О рождественских подарках в доме говорили уже давно, и Пелле долго не мог понять, что значит слово «подарки». Вначале он думал, что на Рождество все соберутся во дворе под аркой. Раз под аркой – значит подарки. Ничего особенно праздничного он в этом не видел – он там бывал каждый день.

Но оказалось, что подарки – это то, что дарят. Подарки лежали в пакетах, перевязанных красной ленточкой, и на каждом пакете были написаны стихи. Подарки раздавал папа, и Пелле не мог понять, почему он надел для этого красный капюшон, приkleил большую белую бороду и надел шубу – в такую-то жару! И говорил он почему-то нарочито грубым голосом.

«Он что, воображает, что мы его не узнаем?» – подумал Пелле.

И, к его удивлению, похоже было, что Биргитта и в са-

мом деле не знает, кто это там в красном капюшоне раздаёт подарки. Во всяком случае, когда она получила свой пакет, она сказала: «Спасибо, добрый Гномик»*. Это было так глупо, что Пелле засмеялся. Но он подумал, что его смех может их огорчить, поэтому он сделал вид, что чихает.

– На здоровье, – сказал пapa, которого Биргитта только что назвала Гномиком. – А вот пакет для Пелле!

* В Швеции рождественские подарки раздает не Дед Мороз, а Рождественский Гномик.

И он прочитал надпись:

Пелле от Биргитты.

Он изготовился к прыжку
И закричал «Ку-ка-ре-ку!»

– Кто закричал «Ку-ка-ре-ку», Биргитта? – спросил Улле. – Пелле, что ли?

– Сейчас увидишь, – сказала Биргитта. И она открыла пакет.

Там лежал мячик, а на мячике был нарисован красивый яркий петух.

Это был чудесный подарок, и Пелле тут же начал гонять его по комнате. Самое замечательное было, что когда он поддевал его лапой, то воображал, что петуху тоже достаётся. Да, это был просто превосходный мяч.

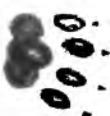
Но Пелле получил ещё один подарок. На пакете был написан стишок:

*Мой дорогой, любимый Пелле,
Следи, чтобы меня не съели!*

«Посмотрим, – подумал Пелле, – если это салака, то не могу ни за что ручаться!»

Но это была не салака. Это была мышь. Не настоящая, конечно, а игрушечная заводная мышь, которая пускалась наутёк, если завести её маленьkim ключиком. Поэтому мячик Пелле понравился больше.

Глава двадцатая

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО В КОНЬКОВОМ ПЕРЕУЛКЕ

В первый день Рождества Пелле встал рано и отправился на прогулку. На улицах было тихо-тихо, и повсюду лежал мягкий белый снег. Не было видно ни души. Но вдруг из подвального окошка появился старый знакомый – Монс.

После той знаменитой экскурсии Монс, когда он встречал Пелле, выглядел слегка обескураженно, хотя пытался делать вид, что ничего не произошло и держался довольно дружелюбно. Иногда он даже произносил несколько слов, например: «Неплохой снежок выпал ночью, а?» или «Вчера на базаре салаки было – завались», или что-нибудь в этом духе. Внешне это звучало вполне добродушно, но в действительности Монс был все еще зол на Пелле и охотно сделал бы ему какую-нибудь гадость, но не мог придумать, какую.

Сегодня Монс сказал:

– Тоже прогуливаешься? – и хотел было пойти дальше, но Пелле остановил его вопросом:

– А ты какие подарки получил на Рождество?

– Подарки? – Монс наморщил нос. – Это еще что за глупости?

– Я думал, ты знаешь, – сказал Пелле. – Это такие штуки, которые тебе дарят на Рождество. Мне, например, подарили мячик и мышь – игрушечную, понятно.

– Еще бы! – ехидно расхохотался Монс. – Еще бы тебе подарили живую мышь! Ты бы помер со страха, не знал бы, как ноги унести.

Пелле растерянно облизнулся. Он хотел бы ответить что-то язвительно-остроумное, чтобы сразить Монса наповал, но как назло, ничего не приходило в голову.

А Монса прямо распирало от ехидства.

– Чтобы поймать мышь, – крикнул он и двинулся дальше, – надо быть настоящим котом. Счастливого Рождества!

И только когда Монс уже почти ушёл, Пелле нашёл достойный ответ.

– А чтобы пожар погасить, надо быть очень настоящим котом! – крикнул он вслед Монсу.

А Монс прямой дорогой направился в старый сарай в Коньковом переулке. Там он встретил всю компанию: и Биля, и Буля, и Фрица, и Фриду. Они сидели и играли в карты. Игра называлась «Смешные семейки».

– Попрошу-ка юную Мышку-Полёвку, – сказал Фриц.

– А у меня её нет, – ответила Фрида. – Зато, как мне кажется, я вполне могу рассчитывать на пожилого господина Крота.

Фриц с неудовольствием отдал ей пожилого Крота. Теперь все четыре карты семейки Кротов были на руках у Фриды, и она довольно потягивалась.

Тут вошёл Монс.

– Бесхвостый Пелле, по-моему, вот-вот лопнет от злости, – сказал он.

Остальные настолько заинтересовались этим сообщением, что бросили играть, только Фрида никак не могла налюбоваться на своих Кротов.

– Ты что, встретил его? – спросил Биль.

– Повстречал ты его, что ли? – сказал Буль.

– Только что, на Дворцовом Взвозе, – мрачно сообщил Монс. – Он нёс какой-то бред о рождественских подарках, которые он якобы получил. Задавался, в общем, как всегда. И – хотите верьте, хотите нет, он по-прежнему хватает, что потушил пожар. Я уже не выдерживаю.

– Надо положить этому конец, – сказал Биль.

– Покончить с этим надо, – сказал Буль.

– Похоже, что придётся, – сказал Фриц. – Как ты думаешь, Фрида?

– О ком ты? О юном Кроте? – она была настолько поглощена картами, что вообще не слышала, о чём идёт речь.

– Я знаю, что делать, – вдруг сказал Монс.

– Что делать? – спросил Биль.

– Что делать-то будем? – повторил Буль.

– Мы устроим новогоднюю вечеринку, – сказал Монс, – и пригласим Пелле.

– И поцарапаем его! – воскликнул Фриц. Глаза его загорелись.

– Нет, не поцарапаем, а вот что, – сказал Монс внушительно. – Он хвастался своими рождественскими подарками, а от нас он получит новогодний подарок, да такой, что просто сгорит со стыда.

– А какой? – спросили все в один голос.

– Пока не скажу. Но посмеёмся мы вволю, это уж точно, – заверил Монс.

– Замечательно! – сказал Биль.

– Превосходно! – воскликнул Буль.

– Великолепно! – закричал Фриц. – Что скажешь, Фрида?

– Вы о ком? О старенькой госпоже Крот? – спросила Фрида.

Глава двадцать первая

ПЕЛЛЕ ПРАЗДНУЕТ НОВЫЙ ГОД

Несколько дней спустя, прямо перед Новым годом, Пелле и Монс опять встретились на улице.

«Что это с Монсом? – подумал Пелле. – Он просто светится».

И точно, можно было подумать, что Монс решил исправиться.

– Ты уж прости меня, Пелле, – сказал он, – если я тебя обидел тогда.

– Да ладно, – сказал Пелле, – я тоже вёл себя не так уж хорошо. Но я на тебя не сержусь.

– Ну вот и хорошо, – обрадовался Монс. – И ещё я хотел тебя спросить, нет ли у тебя желания прийти к нам на новогоднюю вечеринку, в этот, знаешь, большой сарай в Коньковом переулке. Закусим, как следует, и все получат подарки.

– Звучит неплохо, – сказал Пелле, – лишь бы вы не столкнули меня в озеро.

Монс засмеялся.

– Ты же знаешь, что в сарае нет никакого озера!

– И правда, нет, – сказал Пелле и засмеялся с облегчением. – Спасибо, я приду. А когда?

– В семь часов, – сказал Монс. – Одежда обычная.

И Монс зашагал дальше. Не так-то трудно было на-duty этого Пелле!

На вечеринку собралось несметное количество кошек. Кроме Монса, Биля, Буля, Фрица и Фриды – вы их уже знаете, – пришло ещё множество, которых Пелле никогда не видел. Тут были Большой Клаас и Маленький Клаас, и Рикард, и весёлые сестрички Хильда и Хульда, и даже был гость издалека, некий Мурре из Скугстибле, приехавший в город навестить своих родственников.

Праздник удался на славу. Мурре из Скугстибле рассказывал истории из сельской жизни. Рассказы его, может быть, были не так уж и забавны, но сам Мурре так заразительно фыркал и хохотал, что просто нельзя было не рассмеяться. Большой Клаас показывал фокусы, а Хильда и Хульда танцевали чечётку. И наконец настало

время подарков. Монс с важным видом раздавал пакеты. Фриц получил миску для молока, а Фрида – палочку для облизывания, которую она тут же начала лизать.

Настала очередь Пелле. Монс достал небольшую коробочку. Коты обступили Пелле – всем хотелось поглядеть на подарок.

В коробочке лежала медаль! Она была уродливой и неуклюжей, и на ней было написано: «Кот-задавака».

– Друзья мои! – воскликнул Монс. – Мы все знаем, как Бесхвостый Пелле любит медали, поэтому мы вручаем ему самую подходящую для него медаль. Дамы и господа! На медали написано «Кот-задавака», а на обратной стороне начертаны слова, которые кое-кому неплохо было бы зазубрить на всю жизнь. Здесь написано: «Лучшее украшение кота – хвост!»

Ох, какой поднялся хохот! Мурре из Скугстибле просто свалился со стула и катался по полу, обхватив живот передними лапами. Фриц и Фрида сделали от радости кульбит. Ничего смешнее в своей жизни они не видали.

– Сейчас мы наградим хвастунишку Пелле медалью, – торжественно сказал Монс. – Но где же он? Он что, сбежал?

Во всеобщей суматохе никто не заметил, как Пелле исчез.

Он медленно шёл домой, и в горле у него стоял комок.

– Почему они меня так ненавидят? – чуть не плача, вздыхал он. – Как будто я виноват, что у меня нет хвоста.

Но новогодний праздник закончился для Пелле всё-таки просто замечательно.

Когда он пришёл домой, его немного пожурили, что он в такой день ушёл из дома без позволения. Но потом Биргитта посадила его на высокую подставку для цветов, и пapa торжественно поднялся из-за стола. В руках

у него был красивый футляр. Он открыл его, и там на красном бархате лежала роскошная блестящая медаль. На ней было написано не «Кот-задавака», а «За примерные поступки». Биргиттин папа попросил тишины и произнёс следующее:

– Дорогой Пелле! Мы решили, что в первый день нового года ты получишь новую медаль вместо той, что ты потерял. Потому что ты очень хороший кот, ты заслужил медаль, и она у тебя будет. И эта медаль ещё красивее, чем та, поэтому я предлагаю, чтобы ты носил её не всегда, а только в торжественных случаях – на званом обеде, на свадьбе, ну и так далее. А так пусть она висит над твоей корзинкой. Да здравствует Пелле! Ура!

Да, это был настоящий новогодний праздник.

Единственное, о чём жалел Пелле, что Монс и все остальные коты этого не видели.

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕСХВОСТИКА ПЕЛЛЕ

Книга
2

Глава первая

ВСЕ ВЕСЕННИЕ ЦВЕТЫ

– Как вы думаете, чем хороша весна? – спросил как-то папа у Биргитты и Улле.

Было самое начало мая.

– Мороженщики появляются! – воскликнул Улле.

– Ты думаешь только о сладком! – сказала Биргитта. – А мне знаешь, что больше всего нравится в весне? Цветы! Мать-и-мачеха, и фиалки, и подснежники...

– Апетопе петороса, – сказал Улле. Он только что узнал, как называется подснежник по-латыни.

– А ты, Пелле? Тебе что больше всего нравится в весне?

Пелле сидел на подоконнике и наслаждался весенним солнышком. Если честно, он просто не знал, что ответить. Собственно говоря, ему нравились все времена года, лишь бы были салака и тёплое молоко.

– И всё-таки – мороженщики или цветы? – настаивала Биргитта.

– Мяу, – сказал Пелле.

– Слышали? – воскликнул Улле. – Конечно же, мороженщики. Ему больше всего нравятся мороженщики.

– Ничего подобного, – сказала Биргитта. – Я совершенно уверена, что он сказал «цветы». Достаточно поглядеть, как он блаженствует среди пеларгоний на подоконнике.

Тут солнечный зайчик попал Пелле на мордочку, и он чихнул.

– Слышали? – торжествующе воскликнула Биргитта. – Пелле чихнул, потому что он очень любит цветы. Папа, можно я возьму Пелле в лес собирать букет?

– Возьми, – сказал папа, – только помни, что подснежники нельзя срывать с корнями.

– Да, но с корнями они дольше стоят, – сказала Биргитта.

– Если все будут рвать подснежники с корнями, через несколько лет в лесу не останется ни одного подснежника. Так что если хочешь на следующий год опять собирать подснежники, оставляй корни в земле.

И Биргитта с Пелле отправились в лес. Только что прошёл дождь, и на дорогах повсюду стояли маленькие лужицы. Пелле остановился и полакал немножко из лужи. «Здорово придумано! – подумал он, облизываясь, – идёшь себе, вдруг захотелось пить – и вот, пожалуйста, вода прямо на дороге. Пей, сколько хочешь!»

В лесу Биргитта нашла полянку с подснежниками и принялась их собирать. Корни она оставляла в земле, как просил её пapa.

Тут же росли забавные мохнатые цветы. Они были фиолетовые, а пестик ярко-жёлтый. Пелле подумал, что они похожи на маленькие тюльпаны. Он понюхал один цветок – пахло очень приятно.

– Меня и зовут очень приятно, – шепнул цветок. – Меня зовут Пульсатилла.

– Смешное имя, – сказал Пелле.

– Меня ещё называют прострел, или сон-трава, но Пульсатилла, по-моему, звучит уютнее.

– Безусловно, – согласился Пелле. – Тильсапулла гораздо красивее.

– Подумай-ка, я даже не знаю, что это за цветок, – сказала Биргитта, – надо будет спросить у папы, когда придём.

«Вот так-то, – подумал Пелле, – язык цветов понимает не каждый».

И они пошли дальше. Вскоре они набрели на место, где было столько подснежников, что земля казалась совершенно белой. Биргитта срывала цветы для своего бу-

кета, а Пелле тем временем расспрашивал подснежники об их житье-бытье.

– Спасибо, всё было бы ничего, – сказал один подснежник, – если бы нас не топтали. Эх, если бы все умели ходить, как ты на своих мягких лапках. А вчера заявились двое мальчишек в отвратительных грубых сапогах, так они затоптали несколько сотен наших.

– Собаки тоже ходят очень неосторожно, – заметил Пелле, – не соображают, куда топают.

– О собаках либо хорошо, либо ничего, – сказал маленький голубой цветок поблизости, – если не хотите меня обидеть.

– А ты кто такой? – спросил Пелле нежданного собачьего защитника и подозрительно его обнюхал.

– Меня называют Собачьей фиалкой, благодарю за внимание, – томно сказал цветок, – и я, как видите, буду покрасивее, чем эти убогие лесные фиалки.

– Такой красавец и такое неприличное имя, – сказал Пелле, фыркнув. – Отныне ты будешь называться Кошачьей фиалкой. Это имя тебе подходит больше.

Подснежники захохотали, но тут Биргитта позвала Пелле, и он нехотя покинул весёлую компанию.

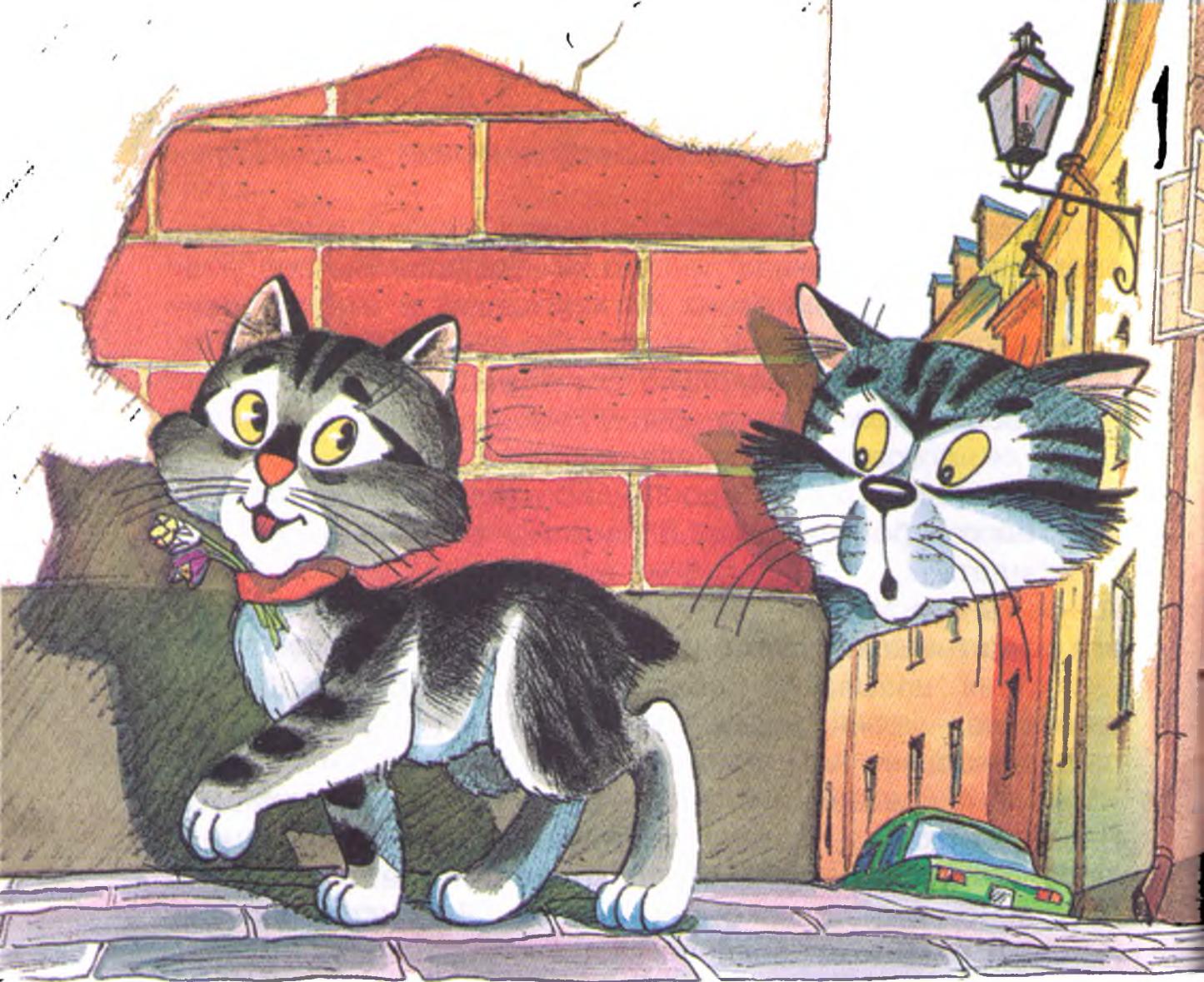
– Теперь надо бы найти что-нибудь жёлтенькое, – сказала Биргитта, – тогда букет будет – просто загляденье. Ты не видел здесь одуванчиков?

Но одуванчики ещё не появились, поэтому пришлось удовлетвориться несколькими цветочками гусиного лука. Теперь букет был готов.

– И тебе будет букетик, – сказала Биргитта. Она отобрала по одному цветочку каждого вида, связала их в букетик и привязала его к ленточке Пелле.

– Ты прекрасен, как юный князь весны, – сказала она Пелле, и они пошли домой.

Хотя Пелле и не знал, что князем весны в Швеции на

весеннем карнавале называют юношу в красивой одежде с венком на голове, который побеждает сурового зимнего князя, имя ему понравилось.

Когда Биригитта с Пелле вернулись в город, на углу Конькового переулка и Дворцового Взвоза им повстречался вредный кот Монс. Он злобно покосился на букетик у Пелле на шее.

– Добрый день, – сказал Пелле приветливо, – я теперь, как видишь, князь весны.

Монс ничего не ответил. Он просто злобно заворчал и

напустил на себя грозный вид. Проводив Пелле взгядом, он тут же направился в сарай в Коньковом переулке. Там уже сидела вся компания – Биль и Буль, и Рикард из Рикомберги, и Фриц, и Фрида, и ещё несколько кошек и котов.

– Это уж слишком! – выкрикнул Монс. Его глаза просто горели от злости.

– Что? – спросил Биль.

– Что – слишком? – откликнулся Буль.

– Пелле Бесхвостый, понятное дело, – буркнул Монс. –

Он становится всё хвастливее и хвастливее.

– Что, опять ходит с побрякушкой? – спросил Рикард.

– Нет, от побрякушек мы его, похоже, отучили, – сказал Монс. – Но теперь он нацепил на шею букет и называет себя князем весны. Я спрашиваю: можно это терпеть?

– Может быть, он просто пошутил, – сказала Фрида. Сердце у неё, в сущности, было довольно доброе.

– Помолчи! – оборвал её Монс. – Хвастун и задавака, вот он кто. И я повторяю свой вопрос: можно это терпеть?

– Нельзя! – сказал Биль.

– Ни в коем случае, – сказал Буль.

– Вот именно, – Монс ударил лапой по столу. – Мы должны что-то придумать.

– Поцарапать его, что ли? – осторожно сказал Фриц.

– Болван, – рявкнул Монс. – Ничего умнее, чем цариться, придумать не можешь. Нет, надо придумать что-то такое, чтобы навсегда отучить его задаваться.

– Это то, что нужно, – сказал Биль.

– Вот именно! – поддакнул Буль.

– У меня есть кое-какие соображения, – сказал Монс, – но мне надо всё обдумать в тишине и покое. Встретимся в семь. Пусть Фриц и Фрида раздобудут сливок, выпьем немного.

И они разошлись.

Тем временем Пелле и Биргитта добрались домой.

– Какой прелестный букет! – воскликнула мама. – А Пелле какой красавец!

– Мама, я хочу тебя спросить, – сказала Биргитта. – Ты не знаешь, что это за странный цветок – такой лиловый и немножко мохнатый?

– Рябчик шахматный, – блеснул папа знанием ботаники.

– Ничего подобного, – возразила мама. – Это сон-трава, или Пульсатилла. Со школы помню.

«А я уже знаю, – подумал Пелле самодовольно, – я уже давно знаю, что его зовут Тильсапулла».

Глава вторая

ИНГРИД ПРИГЛАШЕНА НА ВЕСЕННИЙ БАЛ

На следующее утро, когда Пелле как обычно гулял во дворе, неожиданно появились Монс, и Биль, и Буль, и Фриц, и Фрида. Они шли друг за другом. Монс, понятно, шёл первым, а Фрида замыкала шествие.

Пелле охотнее всего повернул бы назад, но тогда все решили бы, что он испугался, а он совершенно не испугался.

Поэтому он сказал приветливо:

– Доброе утро!

– Доброе утро, – ответил Монс, как ни странно, тоже вполне приветливо.

«Наверное, Монс вчера был просто не в настроении», – подумал Пелле. Вслух он сказал:

– Хорошая сегодня погода.

– Ещё бы, – сказал Монс, – весна пришла. У нас в следующую субботу весенний праздник. Придёшь?

– Не знаю, – сказал Пелле с сомнением. – А это весёлый праздник?

– А ты что, не знаешь? Это самый весёлый кошачий праздник в году. Просто лапы в потолок.

– А что вы там делаете? – спросил Пелле.

– Ну, начинается обычно с концерта Кошачьего Хорового Общества. Потом говорят речи, поют немного, а потом начинается большой бал. Но, конечно, чтобы повеселиться от души, неплохо бы тебе пригласить какую-нибудь симпатичную киску.

– Но я никого не знаю, – сказал Пелле и растерянно облизнулся.

– Подумай хорошенько, – ответил Монс. – Наверняка кто-нибудь найдётся.

– Жаль, что я занята, – ухмыльнулась Фрида, – я иду с Фрицем.

– Погоди-ка, – сказал Пелле, – кажется, я знаю одну киску... Но она далеко живёт...

– А поезда на что? – спросил Монс. – И как её зовут?

– Её зовут Ингрид, – сказал Пелле, – она живёт в Мутале.

– Это какая Ингрид? С радиостанции? – поинтересовался Монс.

– Нет, это Ингрид из четвёртого подвального окошка налево. Мы встречались летом, когда я там был, а теперь-то она меня, наверное, забыла.

– Разве тебя можно забыть? – воскликнул Монс. – Тебя, у которого нет хв... у которого нет... хвастливи, вот именно, хвастливи, я хочу сказать, тебя, такого симпатичного и скромного? Сейчас же напиши и пригласи её, и увидишь, она примчится как пуля. Это большая честь, когда тебя приглашают на весенний праздник. Пошли-ка со мной, у нас в сарае есть и ручка, и бумага, и конверт с маркой.

– Не знаю, не знаю, – продолжал сомневаться Пелле. – Я и танцую не особенно хорошо, так что балы не для меня.

— Пойди в школу танцев, — сказал Монс. — И запишись в Хоровое Общество, тогда ты тоже сможешь петь на концерте. Уверяю тебя, это произведёт на неё впечатление.

Они пошли в сарай, и Монс помог Пелле написать послание Ингрид. Они опустили письмо в кошачий почтовый ящик, и кошачий почтальон, Туссе фон Пост, пришёл и забрал конверт, так что в конце концов Ингрид получила приглашение.

Она так обрадовалась, что сделала кульбит, а потом подхватила свою старенькую маму и пустилась в пляс.

— Что с тобой, моя деточка? — спросила мама. — Что стряслось?

— Прочитай письмо! — пропела Ингрид.

— А куда ты опять дела мои очки? — ворчливо спросила мама.

— Они у тебя на носу! — засмеялась Ингрид.

— Ах да, — сказала мама и прочитала письмо от Пелле.

— Мья-а-а, — засомневалась она, — это неблизкий путь.

— А ты разве не хочешь поехать? — стала тормошить её Ингрид. — Ведь у нас там родственники. К тому же там ближе к северу, салака намного дешевле, чем у нас. Может быть, имеет смысл купить целый ящик.

— Мья-а-а, — опять сказала мама. — Мне надо подумать.

В конце концов она надумала поехать вместе с Ингрид. Так что, пока Ингрид сочиняла ответ Пелле, мама начала укладывать вещи. Путь был неблизкий, и надо было о многом позаботиться.

В Мутале все кошки просто позеленели от зависти, когда узнали, что Ингрид пригласили на весенний праздник.

— Подумать только, — судачили они. — Мы куда красивее этой Ингрид, а нас не пригласили. О чём они там только думают? Да ладно, в конце концов наверняка

это страшная скучища – их хвалёный весенний праздник.

А Ингрид мурлыкала и паковала свои самые красивые бантики и умывалась каждый день лишних пару раз, чтобы шёрстка к весеннему празднику была красивой и блестящей.

Глава третья

ВЕСЕННИЙ БАЛ В ПОДВАЛЕ

Пелле всё так и сделал, как ему сказал Монс. Он записался в Кошачье Хоровое Общество, и там выучил множество замечательных песен. Одна из них называлась «Каникулы салаки», другая – «Жалоба крысы», третья – «Я счастлив, как кот у блюдца». Самым привлекательным в занятиях хора, по мнению Пелле, было то, что там подавали великолепный овсяный суп, от него голос становился нежнее и чище.

«Какой, однако, молодец этот Монс, что посоветовал мне записаться в хор», – подумал Пелле.

Но у Монса были совсем иные замыслы. Вы не думайте, что он посоветовал Пелле записаться в хор потому, что вдруг решил сделать добрее дело. О нет, Монс, конечно же, имел свои коварные планы. А какие – скоро узнаете.

И вот наконец настал день бала. Это был чудесный субботний майский день, солнце сияло вовсю, и в кустах нахально щебетали птицы. Но, поскольку был праздник, коты решили оставить их в покое, и в этот день ни одна – подумайте только, ни одна! – птица не попала к ним в лапы.

В город прибыло множество очаровательных маленьких кошечек, и белых и чёрных, и серых и рыжих коше-

чек в жёлтых, красных и голубых бантиках. Пелле встретил Ингрид и её маму на станции. Они очень устали и пропылились во время долгого путешествия, и мама Ингрид сразу сказала:

– Прежде всего мы должны умыться. Просто невыносимо ощущать, что ты вся в пыли.

И они уселись прямо на лестнице и стали изо всех сил вылизывать свою шёрстку. Пелле помогал Ингрид умываться.

– Ну вот, теперь снова чувствуешь себя чистой, – сказала мама через четверть часа непрерывного вылизывания.

И они наняли извозчика и поехали к внучатой бабушке Ингрид, мадам Салакссон в Норном переулке, где они собирались остановиться.

– Добро пожаловать! – воскликнула мадам Салакссон. – Поглядите только на Ингрид – как она выросла! А какая красивая шёрстка! А это, наверное, Пелле, как же, как же, весьма наслышана. Добро пожаловать! Думаю, у меня найдётся кое-что лизнуть перед обедом!

Большой весенний концерт состоялся в погребе на Дворцовом Взвозе, и там было просто не протолкнуться от опрятных кошечек и их не менее тщательно прилизанных кавалеров. Когда на сцену вышел хор Кошачьего Хорового Общества, все зааплодировали. Когда аплодисменты стихли, хор исполнил все свои песни, и Пелле пел вместе со всеми и косился на Ингрид – та сидела среди публики рядом со своей мамой и выглядела очень довольной.

Когда хор спел всю свою программу, публика закричала:

– Бис! Что-нибудь на бис!

– И что они будут петь на бис? – шёпотом спросил Пелле у стоявшего поблизости Монса.

— Увидишь, — злобно осклабился Монс. — Сейчас начнётся настоящий мяузикл!

И не успел Пелле вымолвить и слова, хористы по знаку Монса встали в круг и начали водить хоровод вокруг Пелле, припевая:

*Поглядите на кота
без хвоста!
Кот бесхвостый —
это просто Срамота!*

Кот бесхвостый –
Смехота, а не кот,
Мы бесхвостых не берём
В хоровод!

Крысы держатся от кошек
за версту,
Подойти боятся крысы
к их хвосту,
До чего же ты, приятель,
глуп и прост,
Если крыса откусила
тебе хвост!
Кот бесхвостый –
Смехота, а не кот,
Мы бесхвостых не берём
В хоровод!

Конечно же, всё это затянул Монс. И можете себе представить, как он был доволен и как потирал лапы, глядя на растерянного Пелле и хохочущую публику.

– Вот так-то, – сказал Монс. – Теперь ты не будешь задаваться! Ингрид, понятно, укатит в свою Муталу. Не так-то весело будет на балу одному. Ха-ха!

Но как он ошибался! Ингрид была киска не из пугливых. Она вскочила со своего места и, выбежав на эстраду, подняла лапку и призвала всех к тишине. Когда кошачье общество угомонилось, Ингрид отчётливо сказала своим чистым голоском, который услышали в самых дальних углах подвала:

– По-моему, вы все дураки, что смеётесь над этой ерундой. Разве Пелле виноват, что у него нет хвоста? Всем вам должно быть стыдно! И больше всех – тут она указала на Монса – тебе, мошенник! Видно, что это твоя

затея. Я думаю, что Пелле – самый симпатичный кот в этом городе! Пелле – самый лучший среди вас!

И с этими словами она чмокнула Пелле прямо в нос.

– Девочка права! – послышался голос из публики. Это была Старушка Майя с колокольни. – Девочка права! Дураки мы, что смеёмся, смеяться не над чем!

– Правильно! – послышались голоса. – Пелле не виноват, что ему откусили хвост!

– Давайте поколотим Монса! – крикнул кто-то.

– Поколотим! – закричали все, повскакали со своих мест и набросились на Монса. Ох, и досталось же ему – будьте уверены!

А Пелле и Ингрид веселились вовсю на весеннем балу, и это был самый весёлый бал, какой можно только вообразить.

Глава четвёртая **СНОВА ЛЕТО!**

Снова наступило лето.

– Ты когда поедешь в деревню? – спросил Бесхвостик Пелле Монса, встретив его в Норном переулке.

– В деревню? – подозрительно спросил Монс. – Это ещё что за глупости?

– Никакие не глупости, – сказал Пелле. – Мы завтра едем в деревню – Биргитта, Улле, их папа с мамой и я. Мы поедем на поезде, и мне придётся несколько часов лежать на подушечке в корзинке. Кстати, ты видел мою подушечку? На ней вышита жирнющая салака!

Монс впился глазами в Пелле.

– Тебе не надоело хвастаться? – прошипел он.

– Что, опять? – спросил Биль, высунувшийся из подвального окошка.

– Снова хвастается? – ещё один розовый нос появился в окошке. Это был Буль.

– Хуже, чем когда бы то ни было, – сказал Монс. – Теперь он, видите ли, поедет в деревню и будет валяться на подушечке с вышитой салакой. Лучше бы они тебе хвост вышили на этой подушечке. Просто, чтобы напомнить кое-кому, чего у него не хватает.

Теперь захотели Биль и Буль. Они просто хватались за животы от хохота, Монс был очень доволен. Пелле смущённо облизнулся.

– Я тебе вот что скажу, – продолжил Монс, – настоящий кот не шляется туда-сюда, не ездит в деревню и не выпендривается, как ты. Я, например, всегда жил в сарае в Коньковом переулке, и можешь быть уверен, ничто не заставит меня тащиться в какую-то деревню – потому что я городской кот, а городские коты должны жить в городе. Можешь записать это в свою записную книжку, если она у тебя есть.

Закончив эту тираду, Монс огляделся, чтобы проверить, какое впечатление она произвела на окружающих. Биль и Буль смотрели на него с восхищением.

– Нет у него книжки! – сказал Биль и посмотрел на Буля.

– Откуда книжка-то? – сказал Буль.

– Так пускай он запомнит эти слова, раз у него нет записной книжки, – назидательно сказал Биль.

– Он просто должен выучить их наизусть, – сказал Буль.

– Как же вы не понимаете, – сказал Пелле, глотая слёзы, – если вся семья едет в деревню, я не могу остаться один в квартире! К тому же я соскучился по Большой Стине. Она куда симпатичнее, чем вы.

И Пелле ушёл. А Монс, Биль и Буль завопили ему вслед:

– Поглядите на кота без хвоста...

Эврабу совсем не изменился с прошлого лета. И добрая старая Большая Стина тоже не изменилась, хотя усы её немного поседели.

– Старею, – вздохнула она. – Подумай только, вчера я упустила этого негодного Фабиана у прачечной! Раньше-то мне ничего не стоило прищучить эту мерзкую крысу. А как твои дела, Пелле? Научился ловить мышей? Да ты, должно быть, уже специалист!

– Мъэ-э-э, – с сомнением сказал Пелле, – в городе не очень-то потренируешься. И потом, там так много салаки, что о крысах даже думать не хочется. Так что я мышей не ловлю, да по правде сказать, их там почти и нет. Не то что здесь, у вас. У нас мыши только в подвале, да и то не мыши, а какие-то огромные крысы, к ним даже подойти страшно. А здесь у вас – выбирай на любой вкус.

– Это так, – подтвердила Большая Стина. – Особенно славятся наши полевые мыши. Их не стыдно подать на обед самому кошачьему королю.

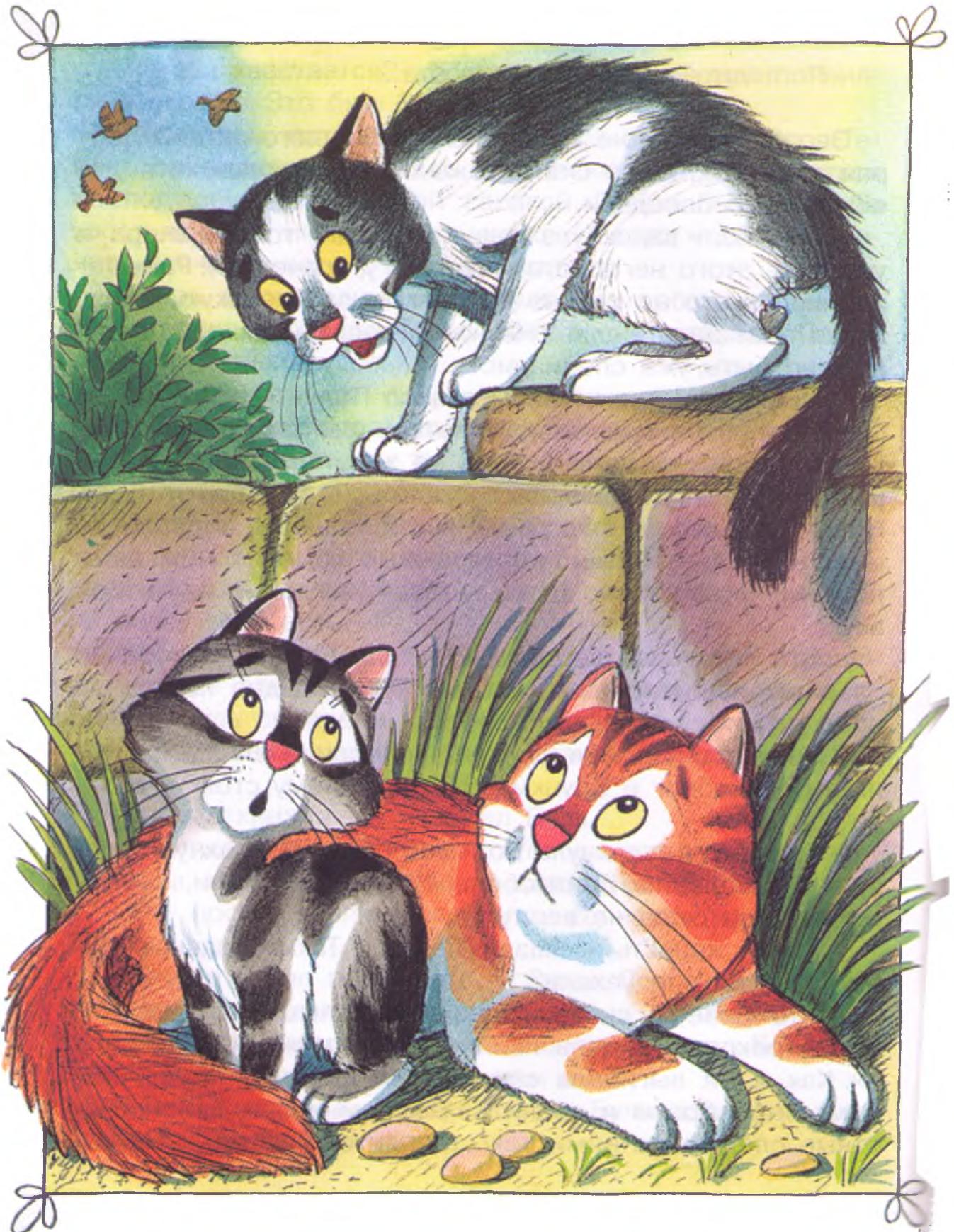
– А как наши старые друзья? – спросил Пелле. – Где телята Бринкеберг и Брункман? По-прежнему стоят в стойле?

– Если бы, – вздохнула Большая Стина и смахнула слезу. – К сожалению, Бринкеберг и Брукман уехали, и никогда больше сюда не вернутся.

– Какая жалость, – сказал Пелле. – Такие славные ребята. А куда они уехали?

– Кто знает, – снова вздохнула Большая Стина. – В один прекрасный день явились двое мужчин и забрали их. Как я ни выгибала спину и ни шипела на них – не помогло. Забрали и увеличили. Как вспомню, как эти несчастные плелись за ними, так становится грустно... Не по-

нимают, мне, наверное, что-то попало в глаз, – вдруг сказала она.

– Что-то летает в воздухе, – сказал Пелле. – Мне тоже что-то в глаз попало.

И он начал яростно тереть глаза лапой.

В этот момент по каменному забору шёл конюшенный кот Юнас.

– Вы что, здесь стоите и ревёте? – спросил Юнас. – Вот смеху-то!

– Ревём? – сказал Пелле. – Как бы не так! Будем мы стоять и реветь среди бела дня! Ты, похоже, сошёл с ума, Юнас! Если у нас слёзы на глазах, так это потому, что в воздухе летает какая-то дрянь, мог бы и сам сообразить!

– Как же, как же, – сказал Юнас с издёвкой, – чего тут не понять. Только летает никакая не дрянь, а отменные воробыши, и вы расплакались, что не можете их поймать. Ну, пока. Пойду раздобуду что-нибудь на обед.

– Юнас так же глуп, как и Монс, который там, у нас дома, – сказал Пелле.

– Юнас необразован, – сказала Большая Стина. – Впрочем, чего можно ждать от кота, который живёт на конюшне!

Глава пятая

ПЕЛЛЕ – КОРАБЕЛЬНЫЙ КОТ

Как-то раз Улле, младший брат Биргитты, нашёл на чердаке старинную книгу под названием «Необитаемый остров». Это была страшно интересная книга, и Улле «проглотил» её от корки до корки за один день. В книге шла речь о корабле, потерпевшем кораблекрушение в открытом море. Весь экипаж погиб, в бушующих волнах – все, кроме двоих моряков и корабельного кота, ко-

торым удалось спастись в крошечной шлюпке. Волны много дней носили их по морю, пока утлое судёнышко не выбросило на необитаемый остров, где росли кокосовые пальмы и с деревьев свисали толстые лианы. Моряки построили себе хижину и жили в ней со своим котом несколько лет среди обезьян, ядовитых змей и огромных ящеров – остров просто кишел разными чудовищными хищниками. Много страшных приключений пережили моряки.

Улле не мог оторваться от книжки. Он прочитал её от первой до последней страницы, потом ещё раз и ещё – у него даже глаза покраснели от чтения. И его двоюродный брат Ниссе, приехавший погостить в Эврабу, тоже прочитал книгу. Целыми днями мальчики не могли ни о чём другом говорить, как об этой книге.

– И что, – сказал Ниссе, – тебе ничего не приходит в голову?

– О чём ты? – спросил Улле.

– А ты как думаешь? Мы с тобой вполне могли бы стать этими моряками. И кот корабельный у нас есть – Бесхвостик Пелле. На озере полно островов, и лодка стоит на причале. Так что мы в любой момент можем поиграть в «Необитаемый остров».

– Не думаю, что Пелле любит воду, – с сомнением сказал Улле.

– Полюбит, куда он денется, – решительно заявил Ниссе. – Я вообще считаю, что вы чересчур носитесь с этим бесхвостым котёнком. Он ничем не лучше других.

– Неправда, – сказал Улле. – Этот бесхвостый котёнок как-то потушил пожар у нас дома.

– Ну, раз он совершил такой подвиг, значит, и воды ему бояться нечего, – засмеялся Ниссе. – Он просто прирождённый корабельный кот.

– Тогда мы должны всё это сделать тайно, чтобы ни-

кто ничего не знал, – сказал Улле. – Если Биргитта проведает, что мы собирались с Пелле на озеро, она нам устроит весёлую жизнь.

– По-моему, твои родители собирались завтра в город? – спросил Ниссе.

– Собирались, – сказал Улле. – И что из этого?

– Завтра и отправимся, – сказал Ниссе и сделал страшные глаза. – С корабельным котом Пелле. На необитаемый остров.

Так оно и вышло – на следующий день родители Улле уехали в город.

– Пожалуйста, не вытворяйте тут ничего такого, – сказал пapa, прощаясь. – Вечером мы вернёмся и привезём вам что-нибудь интересное. Что тебе привезти, Пелле?

Пелле склонил голову набок и ничего не сказал.

– Леденец? – спросил пapa. – Его можно лизать.

– Мяу, – сказал Пелле. «Если я скажу нет, – подумал он, – пapa огорчится». Вообще говоря, Пелле не особенно любил леденцы. По его мнению, гораздо вкуснее было бы полизать салаку.

– А ты-то читала «Необитаемый остров»? – спросил Улле Биргитту, когда родители уехали.

– Не-а, – фыркнула Биргитта, – стану я читать ваши дурацкие мальчишеские книжки.

– Не скажи, – сказал Улле. – До того интересно! Советую начать немедленно.

И Биргитта начала читать, книжка её захватила, так же, как и мальчиков. На это Улле и рассчитывал! Биргитта читала и ничего вокруг себя не замечала, а ребята потихоньку улизнули к озеру, позвав с собой Пелле. В рюкзаке у них был кусок ветчины, батон и несколько сухарей – всё, что им удалось найти на кухне.

Пелле провожал их к озеру. Но когда пришли на берег, он посчитал, что выполнил свой долг, и хотел было повернуть назад.

– Мы гребём к острову, – сказал Улле, – и ты, Пелле, будешь нашим корабельным котом.

«Ну и ну», – подумал Пелле. Вид у него был крайне озабоченный, но Ниссе, не обращая внимания на его сомнения, взял Пелле за шкирку и посадил на нос малень-

кой гребной лодочки. Ребята, оттолкнув лодку, запрыгнули в неё, взяли каждый по веслу и погребли в открытое море. Конечно, это было никакое не море, а просто маленькое озеро, но ребята воображали, что вокруг них бушует морская стихия. Они представляли себе, что они – жертвы кораблекрушения, точно как в книжке, и волны несут их на необитаемый остров вместе с их ветчиной, батоном и сухарями.

И с корабельным котом.

Глава шестая

НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Корабельному коту всё это очень не нравилось. Дул свежий ветер, и холодные брызги летели прямо на него. В этом не было ничего приятного.

«Не стану я сидеть на носу, – подумал Пелле. – Может быть, корабельные коты и сидят всё время на носу, но мне-то что за дело. Я вовсе не хочу промокнуть до последней шерстинки».

И Пелле спрыгнул с носа и удобно устроился на дне лодки.

– Погляди на кота! – закричал Ниссе. – Он боится сидеть на носу! Это не корабельный кот.

– Странная история с этими кошками, – сказал Улле. – Самые чистоплотные звери в мире, а воды боятся.

«Очень глупо, – подумал Пелле. – Как будто бы для того, чтобы быть чистоплотным, обязательно нужна вода. А язык на что?»

Озеро было довольно большим, с множеством заливов и островов. Примерно через час Улле начал уставать.

– Может быть, причалим вон там, у холма? – спросил он.

«Дельное предложение, – подумал Пелле, – мне всё это тоже надоело». Но Ниссе хотел плыть дальше.

– Пока гребём, – сказал он. – И потом, погляди – там же хижина. А остров должен быть необитаемым.

– Можем притвориться, что он необитаемый, – сказал Улле. – Мы же притворяемся, что потерпели кораблекрушение.

«Ещё одна разумная мысль», – подумал Пелле.

– Если тебе слабо грести, я справлюсь один.

Чтобы Улле уступал в чём-то Ниссе? Такого быть не могло, и Улле сжал зубы и сделал сильный гребок.

Они гребли ещё с час. Наконец Ниссе сказал:

– Что ж, теперь можно подумать и о том, чтобы причалить. Посмотри-ка, вон тот лесистый островок выглядит совсем неплохо!

Вдруг в камыше что-то блеснуло.

– Ты видел? – спросил Улле. – Крокодил!

«Ну что за глупости, – подумал Пелле. – Котёнку ясно, что это щука».

– А коты умеют выслеживать добычу? – спросил Улле.

– А на что они ещё нужны? – спросил Ниссе. – У котов замечательное обоняние. В книге корабельный кот выследил огромного ящера, так что, я думаю, и Пелле сейчас займётся тем же самым.

«Что за чепуху они мелют? – подумал Пелле с беспокойством. – Куда я попал?».

Мальчики подгребли к берегу и привязали лодку у большого камня. Бесхвостик Пелле спрыгнул на берег первым. Как чудесно было ощутить под ногами твёрдую землю! И если здесь найдётся какая-нибудь неуклюжая крыса, которую можно будет без труда поймать, день, несмотря ни на что, можно будет считать удавшимся.

– Ну что, мой друг, что ты можешь сказать о нашем необитаемом острове? – спросил Ниссе. – Я зверски голоден. Интересно, есть ли здесь кокосовые пальмы?

– Мы должны обследовать остров, – сказал Улле. – Лишь бы здесь был источник пресной воды. Солёная морская вода непригодна для питья. (Именно такую фразу сказал старый морской волк Джон в книжке.)

Остров был не такой уж маленький, он весь порос густым лесом. В основном это, конечно, были сосны и ели, но при желании можно было легко вообразить, что это кокосовые пальмы и апельсиновые деревья.

– Обезьяна! – вдруг сказал Ниссе почему-то шёпотом и схватил Улле за локоть.

– Это павиан, – сказал Улле уверенно.

Пелле с опаской оглянулся, но не увидел ничего, кроме мирно сидевшей на суку белки.

«Что-то с ними сегодня не так, – подумал Пелле. – Надо же, обычную белку приняли за павиана!»

– Привет, Курре, – крикнул он белке. – И как здесь, на острове?

– Скверно, – с горечью сказала белка. – Орехов нет, одни еловые шишки. Зимой, когда озеро замёрзнет, надо отсюда сматываться. А ты-то кто такой? Я раньше здесь кошек не видела..

– Я корабельный кот Пелле, – сказал Пелле с достоинством. – Мы решили покататься на лодке и обследовать озеро. Надо же знать, что здесь за острова.

– Останетесь надолго? – спросила белка.

– Да нет, думаю, скоро назад. Похоже, с крысами тут неважно.

– Похвалиться нечем, – мрачно подтвердила Курре. – С хвостом у тебя тоже, похоже, неважно.

– Ну, пока! – торопливо сказал Пелле и они пошли дальше.

Глава седьмая

СТРАШНЫЙ ПЁС АЛИ

Улле, Ниссе и Пелле довольно долго бродили по острову и наконец к полному своему восторгу, наткнулись на старый шалаш.

– Остров не такой уж необитаемый, – прошептал Улле. – Здесь, наверное, живёт какой-нибудь вооружённый до зубов дикарь!

Они, соблюдая все меры предосторожности, заглянули в шалаш. Там никого не было.

– А что, приятель, не настало ли время заняться корабельным провиантом? – спросил Ниссе.

Улле очень понравилось это предложение. Как и Ниссе, он успел сильно проголодаться. Батон и сухари с ветчиной оказались просто превосходными.

Пелле тоже проголодался. Ему дали немного ветчины. Он не особенно любил ветчину, но это всё же было лучше, чем ничего. Потом Пелле увидел на листьях росу, и за неимением молока, утолил жажду росой. И когда Пелле, как обычно после еды, занялся умыванием, он почувствовал себя превосходно.

Настало время возвращаться домой. Ребята в сопровождении Пелле направились к тому месту, где они оставили свою лодку.

– Вражеский корабль! – закричал Ниссе.

И в самом деле, к острову приближалась моторная

лодка. В ней сидел мужчина, а на носу, к ужасу Пелле, стояла собака. Пелле выгнул спину и зашипел изо всех сил, но пёс не обратил на это ни малейшего внимания. Он выскоцил на берег и со злобным лаем погнался за Пелле.

– Только очень быстрый шаг
Помогает от собак! –

философски заметила белка, сидя высоко на дереве.

Погоня продолжалась до тех пор, пока Пелле не догадался вскарабкаться на дерево. Он выбрал подходящую сосну и через секунду был уже на верхушке. Пёс внизу лаял и рычал, он даже попытался влезть на дерево, но из этого, понятно, ничего не вышло.

– Можешь вопить, сколько влезет! – крикнул Пелле. – Сюда тебе всё равно не забраться.

Хозяин лодки тоже не проявлял особенного дружелюбия. Он сказал, что это его остров, и он вовсе не желает, чтобы там кто-то шлялся.

– Убирайтесь немедленно! – угрожающе закричал он.

– Сейчас мы уедем, – сказали ребята. – Мы же не знали, что это ваш остров. Конечно, мы сейчас же уедем.

– Вот так-то, – буркнул лодочник. – И лучше, если я возьму вас на буксир, потому что в Голубом заливе волна разыгралась порядком.

– Мы должны захватить кота, – сказал Улле.

Тут прибежал пёс. Он всё ещё не мог отдохнуть после охоты, пасть была открыта, и красный язык свисал между устрашающими клыками.

– Надеюсь, он не сожрал Пелле, – сказал Улле печально, – вид у него такой, будто сожрал.

– Глупости, – сказал лодочник. – Кот сидит где-нибудь

на дереве, и не слезет, покуда Али на острове. Завтра приедете и заберёте его.

– Да, но... – Улле попытался возражать, но хозяин лодки не стал его слушать.

– Дело к непогоде, – сказал он. – Ждать больше нельзя, надо немедленно отправляться, если хотите успеть домой до дождя. Быстро в лодку. Кота найдёте завтра.

Глава восьмая **НОЧЬ В ЛЕСУ**

Бесхвостик Пелле остался один на необитаемом острове.

Когда он решился, наконец, слезть со своей сосны, то первым делом помчался к берегу, надеясь, что мальчики с лодкой всё ещё там. Но на берегу никого не было. Ребята бесследно исчезли. Пелле приуныл.

«Никуда не денутся, – подумал Бесхвостик, – надо сохранять спокойствие». Ему удалось поймать большого жука, отчего настроение немного улучшилось. Пелле даже помурлыкал. Он обнюхал окрестности, пошуршал сухими листьями и пару раз в прыжке попытался поймать комара.

Но уже наступил вечер, а мальчиков всё ещё не было. Становилось всё темнее, вдали погромыхивал гром, в вершинах деревьев завывал ветер.

Пелле сел на камушек и всплакнул. Он вспомнил об Эврабу, Биргитте и Большой Стине.

Вдруг над ним пронеслась какая-то большая и страшная тень. Что-то ухало прямо над головой – что это? Пелле съёжился в комочек. Это была сова.

Ветер усиливался. Всё вокруг трещало, хрустело, свистело и выло. Нечего удивляться, что Пелле испугался.

Наконец он закрыл мордочку передними лапами и уснул под завывания ветра и раскаты грома.

Но всё, к счастью, закончилось благополучно.

Улле и Ниссе, когда явились домой, получили изрядную и, надо признать, справедливую выволочку.

А наутро Биргитта и её пapa отправились на моторной лодке на остров и нашли своего любимого кота. Пелле мурлыкал и тёрся, тёрся и мурлыкал, а сливки, предусмотрительно захваченные Биргиттой, пришлись очень кстати – он слизнул их за одну секунду.

Единственное, что омрачало его счастье – это рычание мотора в лодке.

«А впрочем, почему бы и нет, – подумал Пелле, – лодка, наверное, тоже рада, вот и мурлычет, хотя могла бы это делать и тише».

Глава девятая

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В КОНЬКОВОМ ПЕРЕУЛКЕ

Как-то раз, уже ближе к осени, вредный кот Монс отмечал день своего рождения в сарае в Коньковом переулке. В гостях были Биль и Буль, Фриц и Фрида, Рикард из Рикомберги, Мурре из Скугстибле тоже был – он приехал в город на автобусе, не в автобусе, а именно на автобусе – он устроился на крыше, так что водитель понятия не имел, что везёт бесплатного пассажира. Бесхвостика Пелле, понятно, не пригласили, но он послал телеграмму на кошачьем художественном бланке №5 – две крысы запряжены в украшенную цветами коляску. В коляске сидит довольный кот с золотыми вожжами в лапах. Подпись под рисунком гласила:

С днём рождения, любезный,
Крыса — тоже зверь полезный!

И подпись — Пелле.

— Он не меняется, — рявкнул Монс. — Бесхвостый вечно пытается острить. Надо было бы послать ему ответную телеграмму — «На себя погляди!» — но дороговато обойдётся.

— Да, телеграмма обходится дорого, — сказал Биль.

— Недёшево это — телеграммы слать, — согласился Буль.

— Нет уж, телеграмму я посыпать не буду, но он своё получит, — сказал Монс, откусывая голову у салаки.

— Шикарная салака, — сказал Рикард из Рикомберги. — Сегодня ты просто превзошёл самого себя, Монс!

— Никогда не видала таких деликатесов, — сказала Фрида и пару раз облизнулась. — Думаю, даже королевские коты не отказались бы от такого угощения.

Монс был очень доволен, хотя вида не показывал.

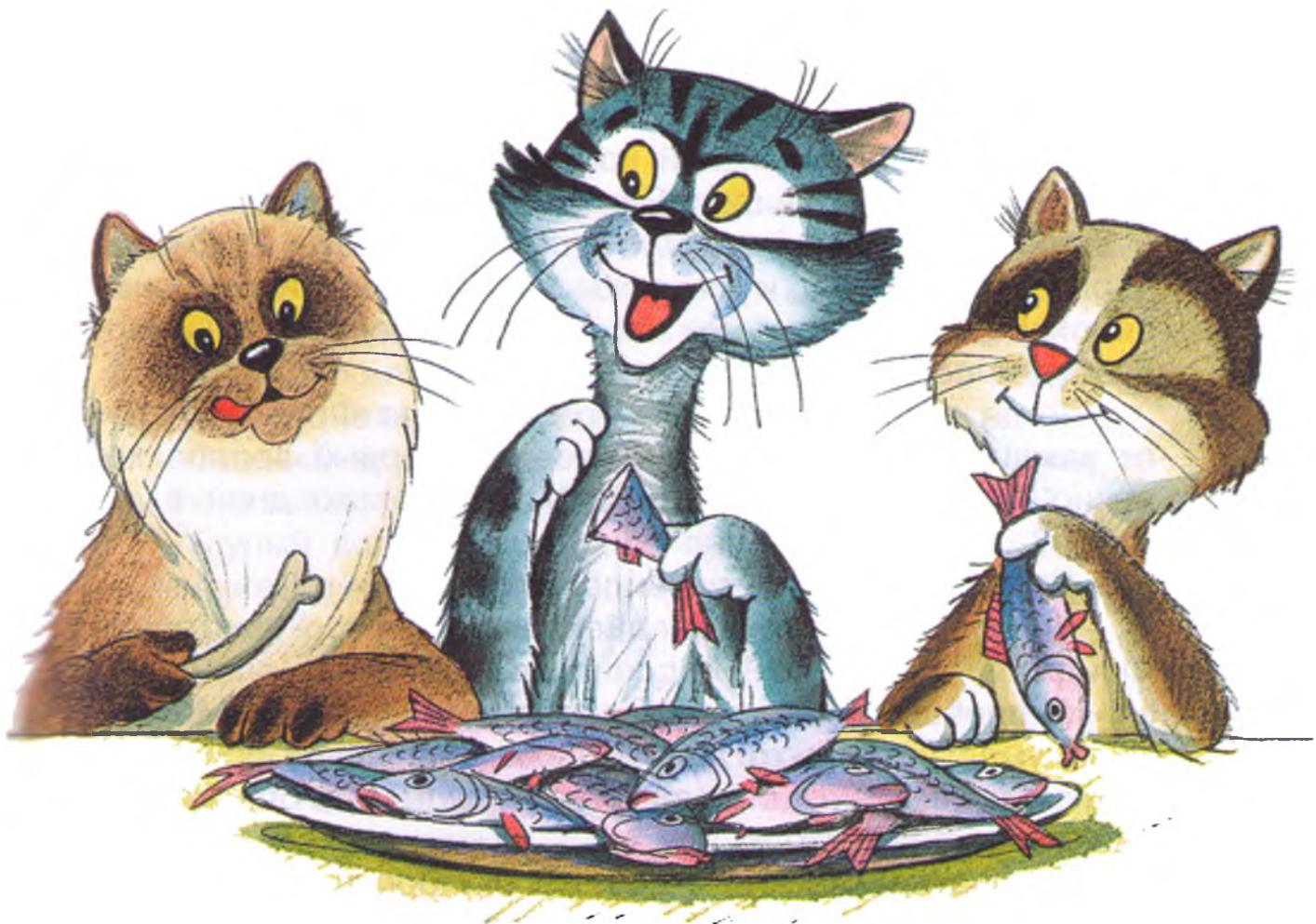
— Эта косточка от свиной котлеты — просто мечта, — добавила Фрида и зажмурилась.

Монса распирало от гордости. Что-что, а уж угостить друзей на свой день рождения — это он умеет.

Когда коты наелись и старательно умылись, все стали по очереди предлагать, чем бы заняться.

— Я мог бы рассказать массу историй про скотный двор в Скугстиббе, — сказал Мурре. — Вы не слышали, например, как Май-Роз лягнула молочную флягу, и всё молоко вылилось...

— Мурре, дорогой, — прервал его Рикард, — ты рассказываешь эту историю каждый раз, когда мы встречаемся, так что сегодня, я думаю, мы можем обойтись без неё.

– Ну что ж, нет так нет, – сказал Мурре из Скугстиббе, и было видно, что он немного обиделся. – Конечно, мои деревенские истории не подходят такому изысканному обществу, и я не из тех, кто будет навязываться. Даже не подумаю! Можете сами рассказывать свои истории.

– Я знаю, – вдруг сказал Фриц. – Давайте играть в вопросы и ответы!

– Обязательно, – отозвалась Фрида, – какой же праздник без вопросов?

– Хорошая мысль, – сказал Монс. – Будем играть в викторину. Две команды – город и деревня.

– Очень справедливо, – буркнул Мурре. – Значит, я буду один против вас всех?

– Ну почему, – успокоил его Монс. – Рикард из Рикомберги тоже в деревенской команде.

– Вот как? – удивился Рикард. – Спасибо, конечно, но будьте так любезны зарубить себе на носу, что Рикомберги – тоже город, и мы, коты из Рикомберги, относимся к городским котам. Так что, боюсь, деревенская команда будет состоять из одного Мурре.

– Тогда не надо команд, – прощебетала Фрида. – Играет каждый за себя, так ещё веселее. Первый вопрос, конечно, к имениннику. Скажи-ка, Монс, сколько дней в октябре?

– Что ты сказала? – удивился Монс.

– Я спросила, сколько дней в октябре, – повторила Фрида.

– Я вообще-то не собирался играть, – сказал Монс. – Я подумал, что кто-то должен пожертвовать собой и судить игру. Так что спроси кого-нибудь другого. Рикард наверняка знает ответ.

– Тридцать, – сказал Рикард. – В октябре тридцать дней.

– Это у вас там, в Рикомберге, – сказала Фрида. – Здесь, в городе, мы привыкли считать, что в октябре тридцать один день.

– Так себе вопрос, – сказал Рикард. – А у меня вопрос очень простой: сколько пальцев у крысы?

– Восемнадцать! – быстро крикнул Монс.

– Вообще-то правильно, – сказал Рикард. – Но ты же сказал, что не играешь! Ты не должен был отвечать.

– Ты прав, – сказал Монс. – Это я так, не удержался. Но как бы то ни было, положение такое: у меня одно очко. Ни у кого другого очков нет.

– У меня есть хороший вопрос, – сказал Мурре. – Сколько яслей в стойле?

– Спросил тоже, – хмыкнул Фриц. – Откуда нам это знать?

– Четырнадцать, – сказал Мурре. – Господин судья, прошу засчитать мне очко!

– Несправедливо, – сказал Фриц. – Ты хочешь получить очко за то, что ответил на свой собственный вопрос.

– Тогда и мне очко за октябрь! – крикнула Фрида.

– Очки никому не присуждаются, – веско сказал Монс. – Положение по-прежнему такое: у меня одно очко, у всех остальных – ноль. Следующий вопрос!

– Сколько времени на моих часах, когда соборные часы показывают семь? – спросил Фриц.

– Глупый вопрос! – сказал Монс.

– Тоже семь, естественно, – сказал Рикард.

– Само собой, – сказал Биль.

– Ясно, как день, – подтвердил Буль.

– А вот и нет! Мои часы остановились на четверть пятого. Год назад, – сказал Фриц. – Так и стоят!

Фрида громко фыркнула, но остальные разозлились.

– Кто же это может знать, кроме тебя? – спросил Рикард.

– Итак, у меня очко, у остальных – ноль, – заявил Монс с важной миной.

– Монс лидирует, – сказал Биль.

– Один-ноль, – подтвердил Буль.

– А у меня возникла отличная идея, – сказал Монс.

– Какая идея?

– Я придумал способ проучить этого бесхвостого хвастуна Пелле. Мы устроим большую официальную викторину и пригласим его участвовать.

– А если он окажется умнее нас? – спросил Фриц.

– А если он выиграет? – добавила Фрида.

– Небольшое будет удовольствие от такой викторины, – сказал Рикард из Рикомберги, приглаживая шерсть.

– Можете не беспокоиться, я сделаю так, чтобы он не выиграл, – сказал Монс со злобной улыбкой. – Уж можете мне поверить!

– А что ты собираешься предпринять? – спросил Мурре.

– Прежде всего я буду ведущим викторины и судьёй. Это даже обсуждению не подлежит.

– Конечно, не подлежит, – сказал Биль.

– Только этого не хватало! Обсуждать! – воскликнул Буль.

– Вот так-то, – сказал Монс. – Следующий вопрос – кто будет участвовать? Я предлагаю вот что: кроме Пелле, играть будут Фриц и Фрида, а также Рикард и Мурре.

– Да, – сказал Мурре из Скугстибле, – но я ещё не знаю, подвернётся ли мне подходящий автобус, чтобы приехать.

– А Буль и я? – спросил Биль. – Нам нельзя участвовать?

– А как же со мной и Билем? – сказал Буль.

– Нельзя, – жёстко сказал Монс. – Вы слишком глупы для этого.

– Пожалуй, верно, – сказал Биль. – Слишком мы глупы.

– Дураки мы, вот кто мы такие, – решительно подтвердил Буль.

– И этого у вас не отнять, – сказал Монс. – Так вот, я думаю сделать так, что Пелле достанутся самые трудные вопросы, на которые он ни за что не ответит. А вы для безопасности получите ответы на ваши вопросы заранее. И Пелле опозорится – пусть не хвастает, что он знает всё на свете!

– Ох, и повеселимся мы! – сказал Рикард из Рикомберги.

– Только найди для него и в самом деле трудные вопросы! – сказал Мурре из Скугстибле.

Глава десятая

САЛАКА – ЭТО ПТИЦА!

Бесхвостик Пелле очень обрадовался. Ему польстило, что Монс пришёл сам и пригласил его на большую викторину в старом сарае на Дворцовом Взвозе.

– Это очень благородно с твоей стороны, что ты обо мне вспомнил, – сказал он.

– Ещё бы, – ответил Монс.

– А вопросы не слишком трудные?

– Да нет, – сказал Монс. – Ты так хорошо подкован, что ответишь на все без труда. Ну что ж, увидимся во вторник. А после викторины приглашаю к себе домой на салаку.

Монс ушёл очень довольный собой – подумать только, как легко провести этого Пелле!

* * *

И вот настал день большой викторины. В серый сарай на Дворцовом Взвозе группами шли коты и кошки: из Конькового переулка и из Ямского переулка, с Кладбищенской улицы и из Одисслунда. Приплелась даже Старушка Майя из часовни, а из Скугстибле приехали чуть ли не все родственники Мурре.

Одним словом, сарай был набит битком, и вот участники викторины, свежеумытые и красивые, вышли на сцену. Это были Пелле, Фриц и Фрида, Рикард из Рикомберги и Мурре из Скугстибле. Публика аплодировала во всю, хотя аплодисментов почти не было слышно – ведь у кошек такие мягкие лапки! Слух у кошек, правда, тоже не плохой, так что они-то прекрасно слышали, как публика аплодирует, но если бы там случайно оказался человек, он не услышал бы ни звука.

На сцену вышел Монс и поклонился.

– Дамы и господа, – сказал Монс. – Итак, мы начинаем нашу небольшую викторину, или соревнование, называйте это как хотите. Пять котов и кошек выразили желание принять участие, причём один из них – без хвоста.

По залу прокатились смешки.

– Вот у меня здесь стопка карточек с вопросами, – продолжил Монс. – Никто, кроме меня, не знает, что за вопрос на карточке (тут Фрида закашлялась). Я раскладываю карточки на столе, вот так... и буду выбирать наугад, чтобы всё было честно.

– Отлично! – воскликнула старушка Майя. – Главное – справедливость!

– Именно! Именно справедливость! Поэтому я буду самым тщательным образом следить, чтобы всё шло справедливо и по закону. Если кто-то даст неправильный ответ, это будет сопровождаться особым звуком. Вот так это будет звучать, когда имеющие хвост кот или кошка ошибётся или не сумеет ответить.

Монс перевернул маленькую баночку, и раздался звук, похожий на крик попугая.

– А такой звук раздастся, если неудача постигнет бесхвостого кота.

Монс перевернул другую банку, и всем показалось, что заблеяла овца.

Публика засмеялась.

– А почему это меня постигнет неудача? – прошептал Пелле.

– Не твоё дело, – тихо зашипел Монс.

– Итак, дамы и господа, – громко продолжил он и улыбнулся публике заговорщической улыбкой. – Пора за дело. Дамам, как всегда, почёт, поэтому я приглашаю Фриду. Наугад выбираем карточку..., что здесь стоит... ага! «Что такое салака – птица, рыба или фрукт?»

Фрида уже несколько дней ходила и учила наизусть, что салака не что иное, как рыба, но сейчас она совершенно растерялась, глупышка, и выпалила:

– Салака – это птица!

Какой тут раздался хохот! Родственники Мурре из Скугстибле, которые имели очень смутное представление о том, как следует себя вести в приличном обществе, дружно перевернулись через голову. Монс разозлился.

– Думай, что говоришь, – прошипел он Фриде. – Если уж ты знала вопрос заранее, могла бы ответить и правильно. Садись, балда!

Бедная Фрида села и смущённо облизнулась.

– Теперь очередь Фрица. – Монс взял карточку: – Что в доме напоминает тебе о кошках?

– Окошки, – быстро сказал Фриц.

Публика зааплодировала, а Монс довольно ухмыльнулся.

– Очко Фрицу! – сказал он. – Теперь очередь Пелле.

– А могу я сам выбрать карточку? – робко спросил Пелле.

– Ну нет, – отрезал Монс. – Здесь выбираю я. Вот твой вопрос: «Что является главным украшением кота?»

Глава одиннадцатая

ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ГЛАВНЫМ УКРАШЕНИЕМ КОТА?

Кое-кто в публике захихикал.

– Ну? – спросил Монс. – Что является главным украшением кота?

Пелле помолчал немного, наклонив голову набок. Он обдумывал вопрос. Потом он сказал:

– Я не знаю, что является твоим главным украшением, Монс. А мое главное украшение – красный бантик.

– Очень неглупый ответ! – воскликнула Старушка Майя и начала аплодировать.

– Ответ неправильный, – зло сказал Монс. – Правильный ответ – хвост. Хвост является главным украшением кота. Это же все знают. Ноль очков у Пелле.

– Пелле заслужил очко! – воскликнула Майя и стукнула лапой по голове сидящей впереди Муськи из Аркадии.

– Очко у Пелле! – закричали все. – Отличный ответ!

– Судью на мыло! – кричали отовсюду.

– Хорошо, хорошо, у Пелле одно очко, – раздражённо прошипел Монс. – Хотя это неправильно, – добавил он про себя.

— Следующий! Следующий участник — Рикард из Рикомберги. У него, — он поднял карточку, — музыкальный вопрос. Сейчас Крестик из Эриксунда сыграет нам мелодию, а Рикард должен будет её угадать.

Всем стало интересно. На сцену вышел Крестик из Эриксунда, поклонился и сел за пианино. Он сыграл «Белая корова, дай мне молока». Он играл только одной лапой; можно играть и двумя, но Крестик этого ещё не умел.

— Мальчик прекрасно играет на рояле! — закричала Старушка Майя. Она просто не могла сидеть молча.

— У нас в роду все очень музыкальны, — сказал Крест, пapa Крестика, и зааплодировал. Все тоже захлопали.

— Итак, — спросил Монс, — что это за песня?

– «Продавец салаки живёт недалеко», – уверенно сказал Рикард.

– Правильно, – подтвердил Монс.

Но тут публика зашумела. Майя поднялась, снова хлопнула Муську по голове и закричала:

– Неправильно! Судья судит неправильно! Это была «Белая корова, дай мне молока»!

Крестик и в самом деле сыграл «Белая корова, дай мне молока»! А получилось так, что Монс и Крестик заранее договорились, что Крестик сыграет две песенки, сначала «Продавец салаки живёт недалеко», а потом «Белая корова, дай мне молока»! Рикард и другие в их шайке зазубрили это наизусть. Но Крестик просто-напросто забыл порядок, в котором он должен играть, и начал с «Белой коровы». Но Рикард-то думал, что это «Продавец салаки» и тут же брякнул заученный ответ.

– Здесь какая-то ошибка, – сказал Монс. Видно было, что ему не по себе. – Ну что ж, продолжим. Следующий участник – Мурре из Скугстибле.

– Мур-ре, Мур-ре, Мур-ре, – начали скандировать его родственники из Скугстибле.

– Что ж, посмотрим, – проворчала Старушка Майя из часовни.

– На этой карточке, – сказал с притворным ужасом Монс, – очень неприятный вопрос. Вот что здесь написано: «Назови собачью породу».

Многие начали фыркать и выгибать спины. Биля и Буля даже пришлось вывести.

Но Мурре ответил:

– Овечка!

– Ты имеешь в виду – овчарка, – сказал Монс. – Правильно. Очко Мурре.

– Ну нет, – вновь подала голос прыткая Старушка

Майя. – Собака называется овчарка, а вовсе не овечка.
Прошу не жульничать, господа!

– Не допустим жульничества! – поддержала её публика.
– А ещё есть пудели, – сказала Муська из Аркадии. –
И таксы.

Ей очень хотелось показать, что и она тоже кое-что
знает.

– Первый раунд закончен, – сказал Монс и ударил в
гонг. Он был в очень плохом настроении.

– Скажи, какой счёт! – крикнула Майя.
– Сейчас, – сказал Монс. – У Фрица очко, но больше ни
у кого.

– Обман, – сказала Майя, – у Пелле тоже очко!

– Ему очень идёт его красный бантик, – сказала Мусь-
ка из Аркадии.

Глава двенадцатая

РАЗОБЛАЧЕНИЕ МОНСА

– Начинаем второй раунд, – сказал Монс и громко уда-
рил в гонг. – Снова приглашаем Фриду!

Все с интересом ждали вопроса.

– Как пишется слово «молоко»?

Бедная Фрида опять занервничала и совершенно рас-
терялась.

– М-а-л..., – начала она, запнувшись и начала снова. –
М-а-л-а-к-о...

– Тупица, – презрительно сказал Монс. – Целую неделю
я пытался тебе вдолбить, что «молоко» пишется через
два «О»...

– Что такое?! – закричала Старушка Майя. – Господин
ведущий сообщил некоторым участникам их вопросы за-
ранее?!

– Нет, конечно же, нет, – сказал Монс, пытаясь сохранить самообладание. – Я имел в виду, она же учила в школе, как пишется слово «молоко»... Теперь снова Фриц. Крестик из Эрикслунда, сыграй, пожалуйста, другую мелодию.

И Крестик снова подошёл к пианино и сыграл «Продавец салаки живёт недалеко» в переложении для одной лапы.

– Ага, – сказал Фриц, – теперь-то это точно «Белая корова, дай мне молока».

– Ничего подобного! – заревела публика. – Нет! Неправильно!

– Но это же должен быть «Продавец салаки»? – сказал Фриц, вопросительно глядя на Монса.

– Заткнись! – прошипел Монс.

– Ты сам сказал, что «Продавец салаки» будет сначала, а «Белая корова» – потом.

– Что-то тут не так, – сказала Старушка Майя.

Но Монс поторопился вызвать на сцену Пелле, взял карточку и прочитал:

– «Назови десять городов в Гондурасе и десять рек в Гватемале». Бедняга Пелле выглядел совершенно несчастным. На этот вопрос ответить было невозможно.

– Ну что? – сказал Монс со злобной усмешкой. – Мы ждём ответа. У тебя есть ещё десять секунд.

Но знаете, что было дальше? Так и есть – Старушка Майя из часовни просто подпрыгнула от ярости и снова влепила подзатыльник ни в чём не повинной Муське из Аркадии. Она прохромала на сцену и уставилась в глаза Монсу.

– Жульничество! – прошипела она.

– Жульничество? – переспросил Монс. – Как тут можно жульничать? Все карточки лежат лицом вниз, и я выбираю их наугад.

- Нау... что? – спросила Майя.
- Наугад, – повторил Монс.
- Ха-ха! – воскликнула Майя. – Наугад! Дай-ка мне посмотреть на карточку, которая досталась Пелле... Ага, как

раз то, о чём я думала. Я хочу сказать, что здесь происходит грубейшее попрание справедливости! Монс заранее пометил карточки для Пелле, вот здесь, с обратной стороны, и на этих карточках написал самые трудные вопросы. Как этот, например, про десять городов в Гватемале...

– Гондурасе, – сказал Пелле.

– ...и десяти реках в Гондурасе.

– Гватемале, – снова поправил Пелле.

– И потом, это же понятно, что другие участники узнали свои вопросы и ответы заранее. Но они настолько глупы и бестолковы, что не смогли ответить на самые простые вопросы.

– Судью на мыло! – завопила Муська из Аркадии.

– На мыло судью! – закричали все, кроме, правда, родственников Мурре из Скугстибле.

Те были довольно скучны и поэтому закричали совсем другое:

– Деньги назад!

Положение было настолько угрожающим, что судья предпочёл смыться. Одним огромным прыжком он перескакнул сцену и помчался по Дворцовому Взвозу, а за ним бежали Фриц и Фрида, и Рикард из Рикомберги, и Мурре из Скугстибле.

А старая Майя из часовни взяла Пелле за лапку, подняла её и сказала:

– Вот стоит истинный победитель викторины! Да здравствует Пелле!

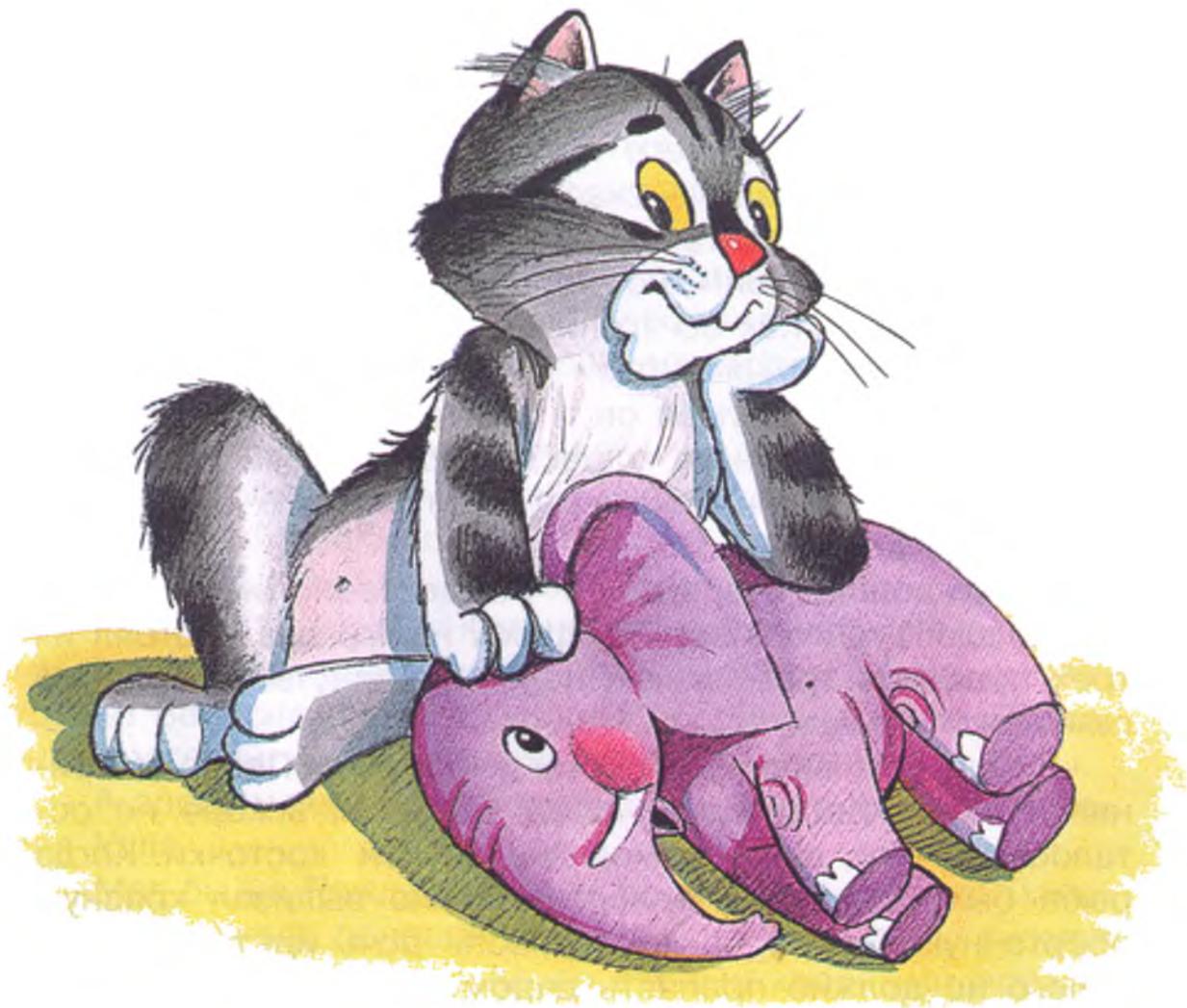
И все закричали ура. Все, кроме родственников Мурре из Скугстибле, которые продолжали вопить:

– Деньги назад!

Глава тринадцатая
ПЕЛЛЕ И СЕМЬ ГНОМОВ

И снова настало Рождество.

Пелле получил три подарка. Во-первых, слона. Не настоящего слона, понятно, настоящий был бы великоват, а такого сравнительно небольшого игрушечного слона. Биргитта играла с ним, когда была маленькой. Он выглядел очень забавно – глаза, как зёрнышки перца, огромные уши, длинный хобот и правый клык (левый давно отломался). Но

самое интересное, что этого слона можно было завести маленьким ключиком, и тогда он начинал ходить тяжёлым переваливающимся шагом, совсем как настоящий слон.

Пелле очень понравился рождественский подарок. Правда, когда Биргитта завела слона и пустила по полу, Пелле стукнул его лапой. Слон упал на бок и стал дрыгать ногами. Пелле это очень понравилось. Он смотрел на слона, который лежал, двигал ногами и не мог сдвинуться с места, как перевёрнутый на спину жук.

Постепенно слон перестал дрыгаться. Тогда Пелле осторожно потрогал его ногу, и тот ещё подрыгался немножко, а потом стих – теперь уже окончательно. Пелле потрогал уши, хобот – слон лежал неподвижно. Тогда Биргитта снова завела его.

– Зачем ты валишь его на пол, Пелле? Гораздо интереснее, когда он ходит, – сказала она.

Пелле хотел сказать: «Я извиняюсь, но слон ведь теперь мой, а не твой!», но не сказал – посчитал это не очень вежливым. Как бы то ни было, он не мог удержаться и свалил слона ещё раз.

«Интересно, – подумал он и замурлыкал от удовольствия, – много ли на свете кошек, которым посчастливилось свалить слона». Слон, похоже, тоже мурлыкал – он жужжал и ноги его двигались.

Потом дошла очередь до рождественского подарка номер два. Строго говоря, подарок номер два состоял из трёх подарков: трёх свежих салак, завёрнутых в красную глянцевую бумагу.

«Лучше, чем вяленая треска», – подумал Пелле и принялся за рождественский обед. От салак вскоре не осталось ничего, даже самой маленькой косточки. Когда рыба была съедена, Пелле тщательно вылизал красную обёрточную бумагу – а как же, если, речь идёт о салаке, ничего не должно пропасть даром.

Но я должен рассказать о третьем подарке, который получил Пелле. Это был довольно большой пакет, и на нём было написано:

*Это Пелле от Биргитты:
Поскорее посмотри ты,
Поскорее посмотри,
Что же это там, внутри?*

Пелле действительно обрадовался. В пакете оказалась картина, нарисованная Биргиттой, причём она не пожалела самых красивых красок. В сказочном лесу, на изумрудно-зелёной траве расположились семь гномов, а среди них восседал не кто иной, как Бесхвостик Пелле в синей бархатной курточке и жёлтых бархатных штанишках. Его можно было сразу узнать, поскольку хвост из штанишек не торчал.

Пелле наклонил голову набок и внимательно смотрел на картину. Потом он подошёл поближе и осторожно посмотрел, нет ли чего на обратной стороне – но там ничего интересного не было.

– Очень хорошо нарисовано, – сказал Биргиттин папа и нацепил очки, чтобы лучше рассмотреть картину.

– Гномиков я срисовала, – честно сказала Биргитта.

– И котёнка тоже, – вставил Улле.

– Ничего подобного! Котёнка я нарисовала сама. Почему это во всех книжках с гномами рядом вечно рисуют только Белоснежку? Я и решила посадить с ними Пелле, и он, погляди-ка, очень неплохо себя чувствует.

– А здесь у тебя синяя краска потекла в жёлтую, – сказал Улле.

– Мог бы на Рождество быть подобрее, – сказала мама.

Пелле очень понравилась картина. Эти семь гномов выглядели так добродушно со своими красными носами

и щеками. Один, правда, хмурился, но было ясно, что он тоже очень добрый. И лес был красивым, и хижина на заднем плане выглядела очень располагающе. «В таких старых хижинах обычно полно мышей», – подумал Пелле и дважды облизнулся.

– Хочешь послушать сказку о Белоснежке и семи гномах? – спросила Биргитта у Пелле вечером.

– Мяу, – сказал Пелле. Он посчитал невежливым сказать «нет». Он не особенно любил сказки, но прилежно слушал, как Биргитта рассказывала ему про принцессу Белоснежку, которая поселилась в хижине с семью гномами, и о злой королеве, которая хотела быть самой красивой на свете. Эта злая королева превратилась в старуху и обманом заставила Белоснежку съесть отравленное яблоко. Но, к счастью, явился принц и пробудил Белоснежку от вечного сна, а королева понесла заслуженное наказание. Биргитте было немножко жаль гномиков – они уже привыкли, что Белоснежка печёт для них пироги с крыжовником, а теперь они вновь остались одни в своей хижине. Правда, Белоснежка обещала навещать гномов каждый год.

– Надеюсь, Белоснежка сдержала своё обещание, – сказала Биргитта. – Как ты думаешь, Пелле?

Но Пелле уже сладко спал, положив мордочку на колени своей хозяйки.

Глава четырнадцатая

В ЧУЛАНЕ НОМЕР ДВЕНАДЦАТЬ

Наутро, в день Рождества, не успел Пелле выйти на прогулку, пошёл снег – хлопья были такими крупными, что застревали в усах, и он то и дело останавливался, чтобы их стряхнуть. Очень неприятно и к тому же очень щекотно, когда у тебя в усах застrevают снежинки.

«Конечно, снег всё же лучше, чем дождь, – думал Пелле, – но и под снегом изрядно промокаешь». Поэтому, проходя мимо подвального окошка, где жили Фриц и Фрида, он скользнул туда. «Очень уместно, – сказал он себе, – зайти и поздравить приятелей с Рождеством, а тем временем, может быть, весь снег уже выпадет». Фриц и Фрида, в сущности, были не такими злыми, как большинство в компании Монса; конечно, они любили дразниться и царапаться, но сердца у них были добрыми. Пелле не раз это замечал.

В подвале было темно, но Пелле хорошо видел в темноте и целеустремлённо направился к чулану номер пять, где жили Фриц и Фрида. Но там не было ни души. Пелле обнюхал стены. Это было странно.

– Привет, кто это там? – услышал он голос с другого конца подвала.

– Привет! – ответил Пелле и пошёл на голос.

Это был голос Фрица.

– Проходи, проходи! – сказал Фриц. – Мы тут!

– Вы переехали? Вы же жили в другом конце, – сказал Пелле.

– В чулан номер двенадцать, – сказал Фриц. – Здесь побольше места, к тому же Фрида говорит, что там сквозняки, нет тёплых труб, ну и так далее. Так что теперь мы живём в двенадцатом. Заходи, заходи. У Фриды, по-моему, есть в запасе немного молока.

В чулане номер двенадцать было очень уютно, и Фрида была довольно приветлива, если не считать того, что она не смогла удержаться и слегка царапнула Пелле, когда он подал ей лапку.

– Я только хотел заглянуть и поздравить вас с Рождеством, – сказал Пелле, – а заодно и подождать, пока весь снег выпадет.

– Спасибо, – поблагодарил Фриц, – Так вот оно что – сегодня Рождество... Погляди-ка – Монс!

Пелле даже подскочил. В дверях стоял его старинный враг Монс. Глаза его сверкали.

Монс подошёл не торопясь и обнюхал Пелле.

– Похоже, господа, к нам пожаловали, – сказал Монс Фрицу.

Тот промолчал.

– Как я понимаю, ты зашёл рассказать нам о своих рождественских подарках.

– Конечно, на Рождество дарят кое-что, – сказал Пелле.

– А как же, а как же... Ну, говори, что ты получил!

– Только обещайте не завидовать! – сказал Пелле доверчиво.

– Да говори уже! – сказал Монс, а Фриц и Фрида фыркнули.

– Ну, во-первых, мне подарили слона, – сказал Пелле.

– Чего-чего? – переспросила Фрида.

– Слушай внимательнее, – сказал Фриц. – Он сказал – слона. Это такой странный зверь с горбами. Он живёт в пустыне.

– Ты перепутал слона с верблюдом! – засмеялся Пелле. – У слона – хобот. Он может поливать им сад. И ещё у него есть бивни. Из них делают рояли.

– По крайней мере, клавиши для роялей, – ехидно поправил Монс.

– Правда, у моего слона только один бивень, – честно признался Пелле.

– А хвост у него есть? – спросил Монс. – Есть ли у него хвост, главное украшение любого нормального зверя?

– Я и другие подарки получил, – быстро сказал Пелле. Ему вовсе не хотелось продолжать разговор о хвостах.

– Какие? – спросил Фриц.

– Может быть, как раз такого верблюда, который живёт в пустыне? – спросила Фрида.

– Верблюда, – поправил её Пелле. – Нет, мне подарили картину, и не просто картину, уж вы мне поверьте.

– Никогда не интересовалась искусством, – зевнув, сказала Фрида.

– Но это очень красивая картина, – сказал Пелле. – На ней нарисован я в окружении семи гномов в сказочном лесу.

– Вот оно что! – воскликнул Монс, и глаза его ещё больше засияли. – Те самые семь гномов из сказки о Белоснежке, как же, как же, слышал эту сказку, её рассказывал Мюрре из Скугстибле. Так ты там один из семи гномов? Дурачок, наверное?

– Ничего подобного. На картине я не один из семи гномов, а один с семью гномами.

– Я хочу пошутить, – сказал Фриц.

– Шути, – сказал Пелле.

– Я хочу сказать, что на картине должен был быть изображён Пелле, но не с семью гномами, а с семью хвостами.

Ох, как смеялись Монс и Фрида! Но больше всех смеялся сам Фриц. Он смеялся и с видом победителя осматривался – все ли смеются над его шуткой.

Но Пелле воспользовался моментом, чтобы улизнуть. Через весь подвал, на Верхнюю Дворцовую, домой. Снег налип ему на усы, но он не обращал на это внимания. Лучше уж снег в усах, чем насмешки Монса, Фрица и Фриды.

Глава пятнадцатая

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, КОТЁНОК!

Чем занимаются люди на Рождество? Сидят дома, читают подаренные книжки, едят финики и грызут орехи,

зажигают свечки на ёлке... Так всё и было в доме у Бесхвостика Пелле.

Но после обеда Биргиттина мама вдруг сказала:

– Нет, так не пойдёт. Вы что, так и собираетесь всё Рождество продремать над своими книжками и газетами? Надо придумать какую-нибудь общую игру.

– По-моему, и так неплохо, – сказал пapa, поудобнее устраиваясь в кресле, – но я могу с вами поиграть, лишь бы это не было чересчур утомительно.

– Тогда вспомни, как звали всех белоснежкиных гномов! – сказала Биргитта.

– Ну что же, – сказал пapa, – ну, во-первых, Весельчак. Потом Умник и Дурачок. Потом... ага, я вижу, как Пелле зевает в своей корзинке – значит, ещё Соня... Всё, больше не помню.

– Ещё Ворчун и Скромник, – добавила Биргитта. – А кто же седьмой?

Тут Бесхвостик Пелле чихнул.

– Здоровяк! – одновременно воскликнули пapa и Биргитта.

Но у Пелле уже слипались глаза. Он лежал на мягкой подушке в своей корзинке, косясь на замечательную картину, которую ему подарила Биргитта. Да, это была превосходная картина. Зелень деревьев была яркой и сочной, и сквозь неё кое-где проглядывали аппетитные жёлтые фрукты. В мягкой траве кое-где торчали крепкие грибы, и цветы были всех цветов радуги. Божья коровка сидела на голубом колокольчике; вдруг неведомо откуда появилась улитка и наставила на Пелле свои рожки. Пелле не то чтобы испугался, нет, он просто подумал, что улитка могла бы держаться подальше. Бесчисленные птицы порхали с дерева на дерево, и что-то распевали... Вдруг Пелле услышал песенку, а в песенке – своё имя.

*Соня, Умник, Весельчак,
И Ворчун, и Здоровяк,
Дурачок и Скромник –
Самый милый гномик,
Жили на опушке
В маленькой избушке,
Жили – не тужили,
В общем, славно жили,
Пили, спали, пели
Ежевику ели...
Вдруг, откуда ни возьмись,
Появился – кис-кис-кис –
Сам Бесхвостик Пелле!
Гномы – вежливый народ,
Гномы сняли шапки
И пожали в свой черёд
Все четыре лапки,
«Заходи скорей, дружок,
Погрызи орешки,
К нам никто не заходил
После Белоснежки!»*

*Глава шестнадцатая
В СКАЗОЧНОМ ЛЕСУ*

– Ну что ж, – сказал Умник, поглаживая свою белую бороду, – приятно тебя повидать, Пелле!

– А не мог бы ты рассказать нам какую-нибудь весёлую кошачью сказку? – спросил Весельчак.

– Расскажи, Пелле, а мы полежим и отдохнём, – сказал Соня и зевнул.

– А не мог бы ты рассказать нам об этой... об этой

преле... прелестной кошечке Ингрид? – спросил Скромник и покраснел до ушей.

– Что за чепуха! – сердито покосился на него Ворчун.

А Дурачок ничего не сказал. Он просто добродушно улыбался. Но вдруг Здоровяк чихнул, и Бесхвостик Пелле от неожиданности взвился на самую верхушку дерева. К своему удивлению он обнаружил, что это было апельсиновое дерево – во всяком случае, на ветках висели апельсины. Дятел воткнул свой острый клюв в апельсин, и сладкий апельсиновый сок потёк прямо в рот неизвестно откуда взявшейся под деревом косули. Рядом с ней весело прыгал её детёныш.

– Разреши представиться, – сказал дятел, – меня зовут Эфраим. Спасибо. И не надо звать меня господин Эфраим – мы здесь, в сказочном лесу, не употребляем титулов. Мы с этой косулей работаем на пару. Я протыкаю апельсины и добываю для неё сок. Здесь такие сочные апельсины, что даже давить не надо – сок сам течёт. А она раскусывает для меня ёлочные шишки. Я их так люблю!

– Эй там, наверху! – крикнула косуля. – Хватит болтать. Займись лучше следующим апельсином.

– ОК, – сказал Эфраим (у него была родня в Америке, поэтому он сказал ОК, что произносится как о'кей и означает «ладно»). – Смотри-ка, у неё совсем нет терпения, – шепнул он Пелле. – Чуть задержишься – с ума сходит.

И он проткнул ещё один апельсин. Косуля предусмотрительно перешла на другое место, и сок снова потёк ей в рот.

– Что же она не даст немного сока своему малышу? – спросил Пелле. – Бедняга стоит и облизывается, да и вид у него голодный.

– Она говорит, что апельсиновый сок вреден для детского желудка, – сообщил Эфраим.

– Может быть, она и права, – сказал Пелле. – Молоко наверняка полезнее.

– Пелле! – закричали гномы, – спускайся вниз! Мы идём домой!

– Иду! – сказал Пелле и соскользнул с дерева, пожав по пути лапку добродушному бельчонку. Косуля обнюхала его своим холодным и влажным носом и облизала большим шершавым языком.

«Котята лижут лучше, – подумал Пелле, – но ведь она облизала меня с самыми добрыми намерениями». Он вежливо поклонился косуле и побежал догонять гномов, которые дружным строем с Умником во главе направлялись в свою хижину.

– Вот и наш домик, – сказал Умник, – неплохо, а?

– Очень неплохо, – подтвердил Пелле, склонив голову набок. – А мышиные норы есть?

– Есть парочка, – сказал Умник, – но ты уж, пожалуйста, будь поаккуратнее. Мыши нам очень помогают. Они подметают паутину по субботам.

– Подметать мог бы кто-то другой, – сказал Пелле, – а не такая полезная для желудка публика.

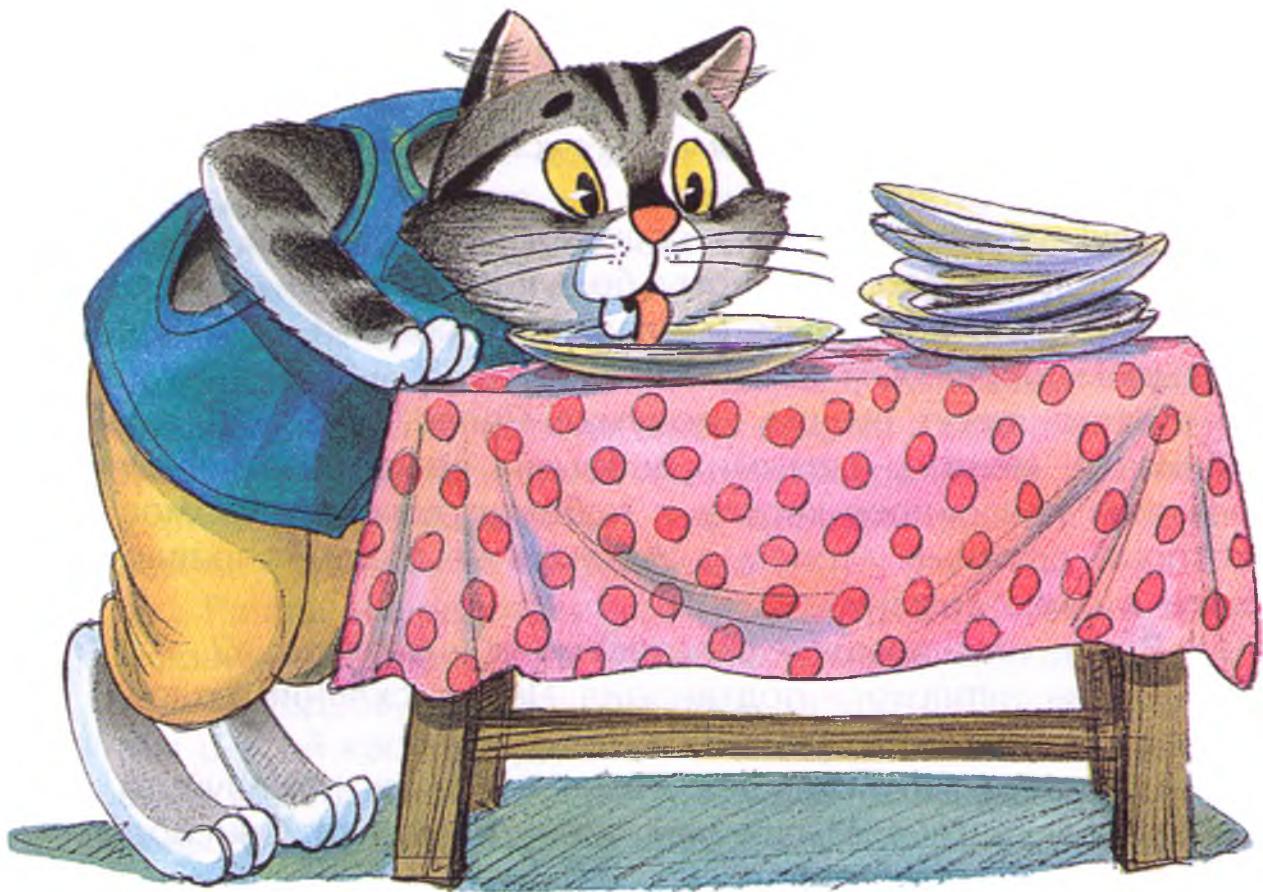
– У нас по субботам большая уборка, – продолжал Умник. – Это ёщё Белоснежка завела такой порядок. Видел бы ты, как белки подметают пол своими хвостами – удовольствие поглядеть! У кошек тоже неплохие хвосты, вполне могли бы... ой, хм... извини, хм... я не подумал... – забормотал Умник.

– А куда делся его хвост? – тихо спросил Соня у Здоровяка, но Пелле услышал.

– А кто моет посуду? – спросил он, чтобы перевести разговор в другое русло.

– Ну, таких много, – сказал Умник.

– Довольно много, – сказал Весельчак. Ему тоже захотелось вставить словцо.

– Косули, например, – продолжил Умник, – у них совершенно выдающиеся способности вылизывать тарелки до чиста.

– С посудой и я бы мог помочь, – сказал Пелле, – у кошек тоже неплохие языки.

– Там на плите стоят несколько немытых блюдцец. Можешь попробовать, если хочешь, – сказал Умник.

– А вы случайно не салаку ели? – с надеждой спросил Пелле.

– Пирог с крыжовником, – сказал Умник.

– Точно, пирог с крыжовником, – подтвердил Весельчак. – А я и забыл.

«Жаль, – подумал Пелле. – Я ничего плохого не хочу сказать про пирог с крыжовником, но салака была бы лучше».

И Пелле вылизал до блеска все семь блюдец.

Но как раз, когда он заканчивал вылизывать последнее блюдце, внезапно стемнело и загремел гром. Пеллеглянулся в окно – и кого же он увидел? Конечно же, вредного кота Монса с зелёными глазами и злобной ухмылкой.

Глава семнадцатая

МОНС НАРУШАЕТ ПОКОЙ

Все семь гномов, не отличавшихся особым мужеством, быстро-быстро попрятались кто куда – за шкаф, под диван, за занавеску... Пелле остался стоять посредине комнаты.

– Ага, это ты? – сказал Монс сладким голосом. – Хорошо, что я тебя нашёл. Знаешь, что у меня есть?

– Не-ет, – промямлил Пелле. Он почему-то отчаянно трусил.

– Корзинка, – сказал Монс, – а в корзинке – салака, отборная салака, лучшая салака, пойманная по спецзаказу для меня и моих друзей.

– Салака – это хорошо, – сказал Пелле.

– Никаких сомнений, – подтвердил Монс. – И сейчас ты получишь самую лучшую из лучших, самую нежную и самую жирную.

– Не делай этого, Пелле, – шепнул Умник с кухонной полки, – не ешь! Салака отравлена!

– Не ешь, Пелле, – прошептал Весельчак из-за помойного ведра.

– Не делай этого, Пелле! – зашипели остальные.

– Ешь! – заревел Монс и сунул роскошную салаку прямо под нос Пелле.

Вновь раздался ужасный раскат грома...

– Странная история, – сказал пapa. – Улле, ты уже второй раз роняешь книгу на пол. Тебе что, трудно держать её в руках?

– Это потому, что она такая интересная, – сказал Улле. – Постараюсь больше не ронять.

Пелле растерянно огляделся.

Что это? Он лежал в своей корзинке, на мягкой подушечке, дома, в хорошо знакомой комнате. И перед ним стояла картина, изображающая его самого и семерых гномов.

Подумать только, всё это ему приснилось.

«А что, неплохой рождественский сон, – подумал Пелле. – Гномы очень симпатичные. Жаль только, что явился Монс и всё испортил».

«Типично для Монса», – сказал Пелле про себя и начал умываться.

Глава восемнадцатая

ПРИВРАТНИЦА КРИСТИНА

Все знают, как весело разбирать новогоднюю ёлку. Но в этом году у Биргитты и Улле Праздник Прощания с ёлкой не состоялся. Биргитта на Новый год заболела, а когда поправилась, ёлки уже не было. Вместо этого они решили устроить себе праздник в феврале. Непонятно было только, как этот праздник назвать.

– Я предлагаю название – Котлетный Вторник с молоком, – сказал Улле.

«Неплохая идея насчёт молока», – подумал Пелле. Он лежал в своей корзинке и прислушивался к разговору ребят.

– Тебе бы только поесть, – сказала Биргитта. – Нет, я хочу устроить маскарад, чтобы все были в смешных костюмах.

– Ну и глупо, – сказал Улле.

– Ничего не глупо, – возразила Биргитта. – Знаешь, как весело, когда на всех забавные костюмы и каждый старается угадать – кто же он такой и никто никого не узнаёт?

– Ну, положим, каждый и так знает, кто он такой.

– Очень остроумно. Ясно, что речь идёт о других. Но это же страшно весело. Ты, например, можешь одеться трубочистом – во всяком случае, не надо будет мыться.

В конце концов ребята решили устроить маскарад – как правило, всегда выходило так, как хотела Биргитта. Было

очень весело. Биргитта была в костюме Робинзона Крузо, а Улле и в самом деле оделся трубочистом. На маскараде были и шут, и почтальон, и старая ведьма, и Белоснежка, и носатая Помперипосса* и многие, многие другие.

Пелле было очень весело. Вначале он, правда, был немного обеспокоен, потому что все гости пили апельсиновый сок, а он – ничего. Но потом ему выдали целую миску сливок, и ему очень понравился маскарад.

– Слышите – где-то летит вертолёт, – сказала старая ведьма.

Но это был не вертолёт – это был Пелле, который сидел у себя в уголке и громко мурлыкал!

Через пару дней, когда Пелле вышел на свою обычную прогулку в Коньковом переулке, он решил, что не плохо было бы навестить Фрица и Фриду. Он не видел их с самого Рождества.

Он нырнул в знакомое подвальное окошко на Дворцовом Взвозе.

Но там не было ни Фрица, ни Фриды.

– Есть здесь кто-нибудь? – крикнул Пелле.

В темноте блеснула пара зелёных глаз. Это была большая статная кошка – Пелле никогда её раньше не видел.

– Ты кто? – спросила она.

– Меня зовут Пелле, – вежливо представился Бесхвостик. – С кем имею честь?

– Жена привратника, – сказала кошка. – Меня зовут Привратница Кристина. Ты хочешь снять квартиру? Чулан номер двенадцать как раз свободен. Красивый и современный, три мышиных норы и вода из водосточной тру-

* Помперипосса – волшебница из сказки факира Фальстафа (псевдоним шведского писателя Акселя Валленгрена). После каждого волшебства нос у неё становился длиннее.

бы, если идёт дождь. В самом центре, никаких собак, по пятницам семья на втором этаже всегда ест салаку, так что головы салаки в неограниченном количестве. Ну как, берёшь?

– Спасибо, у меня и так неплохая квартира, – сказал Пелле. – Я живу в семье.

– Во-от оно что, – протянула Привратница Кристина. – А хвост ты что, дома забыл? В семье?

– Не понимаю, – поспешил Пелле сменить тему, – ты сказала, что чулан номер двенадцать свободен? Но ведь туда недавно въехали Фриц и Фрида?

– Они снова переехали, – сообщила Привратница Кристина. – Скорее, их выселили. Фридольф очень уж кричал по ночам, и эта ведьма Лотта в соседнем чулане начала протестовать. Впрочем, она уже старушка, что с неё взять. Весной исполнится четырнадцать. Одно из двух, сказала она – либо переезжает семья Фрица, либо я. А Фриц сказал, что они всё равно собирались менять квартиру. Вот они и съехали – Фриц, Фрида и Фридольф.

– Фридольф, – сказал Пелле. – А я и не знал, что у них появился малыш.

– А как же, – сказала Привратница Кристина с удовольствием, – ещё какой разбойник!

– И какой же он? – спросил Пелле. – Вот такой?

И он отмерил лапкой примерно длину спичечного коробка.

– Побольше, побольше, – сказала Привратница Кристина. – Навести их и сам погляди.

– А где они теперь живут?

– В амбаре на окраине, почти на опушке леса.

– Тогда они соседи с Рикардом из Рикомберги, – сказал Пелле.

– Не совсем, – возразила Привратница Кристина. – Это другая опушка. Надо идти по ограде Ботанического са-

да. Но будь осторожен, если встретишь ангорского кота Лоренцо – он царапается.

– Спасибо, – сказал Пелле. – Ну, я пошёл. Желаю удачно сдать чулан, Привратница Кристина!

– Пока. И если встретишь какого-нибудь достойного и спокойного кота, которому нужна квартира, посытай его ко мне.

– Обязательно, – пообещал Пелле.

И пустился в путь. Не успел он пройти и нескольких шагов по стене Ботанического сада, как на пути его встал огромный белый ангорский кот Лоренцо. Он встал на пути Пелле, так что обойти его было невозможно.

– Это моя стена, – сказал Лоренцо. Лоренцо был настоящий, чистопородный ангорский кот. Он даже говорил с турецким акцентом.

– Это моя стена, – повторил он, – и я бы тебе посоветовал идти по земле. Иначе, предупреждаю заранее, тебе придётся попробовать моих когтей, а это, будь уверен, настоящие ангорские когти!

Пелле вовсе не хотелось ссориться с Лоренцо, поэтому он спрыгнул со стены. Лоренцо был явно раздосадован и зашипел ему вслед – это было настоящее ангорское шипение.

Вскоре Пелле нашёл амбар Фрица и Фриды на опушке. Внутри кто-то мяукал – должно быть, это был Фридольф.

Глава девятнадцатая

ФРИЦ, ФРИДА И ФРИДОЛЬФ

Так оно и оказалось! Пелле заглянул в амбар и увидел, что Фрида вылизывает маленького котёнка, точь-вточь похожего на неё. У котёнка были совершенно голу-

бые глаза. Конечно же, это был Фридольф. Он протестовал против утреннего умывания и отчаянно мяукал, особенно когда Фрида вылизывала мордочку – это ему совсем не нравилось.

– Добрый день! – сказал Пелле. – Вот, решил зайти приведать вас на вашей опушке.

– Добро пожаловать! – ответила Фрида и оставила котёнка в покое. – Рады тебя видеть!

– Давно не виделись, – сказал Фриц, вынырнув из-за коробки из-под сахара.

– Поздравляю с Фридольфом, – протянул лапу Пелле.

– Спасибо, – ответил Фриц и добавил с гордостью. – Вылитый отец, не так ли? И нос, и подушечки на лапах – один к одному!

– А он уже умеет ловить мышей? – поинтересовался Пелле.

– Нет, конечно, – засмеялся Фриц, – но скоро я начну давать ему уроки.

– Так вы опять переехали? – спросил Пелле.

– Там стало тесновато, на Дворцовом Взвозе, – сказал Фриц, – так что пришлось искать что-нибудь попросторнее.

– Нам тут так нравится, – защебетала Фрида, – мышей сколько хочешь, а молоко мы берём у соседей.

– Мы хотим устроить пирушку в субботу, – сказал Фриц. – Обязательно приходи!

– Спасибо, с удовольствием, – обрадовался Пелле. – А кто будет?

– Ну, Монс, конечно. Биль и Буль. Это же наши друзья.

– Ну, тогда я, наверное, не приду, – засомневался Пелле.

– Приходи, приходи, – сказала Фрида. – Будут и Хильда с Хульдой, и Муська из Аркадии.

– Тогда приду, – согласился Пелле.

– Только мы не знаем, что бы такое придумать, чтобы было весело, – сказала Фрида.

– У меня есть идея, – сказал Пелле. – Я думаю, хорошо бы устроить маскарад. Маскарад – это очень весело.

– Что ещё за маскарад? – спросил Фриц.

– Что-нибудь с москитами? – насторожилась Фрида.

– Да нет, москиты ни при чём. Не москерад, а маскарад. Все маскируются. Переодеваются, надевают на морды всякие штуки, так что никто никого не узнаёт. И потом надо угадывать, кто есть кто, и если не угадал, то все очень смеются.

– Замечательно! – воскликнула Фрида и восторженно сложила лапки. – Конечно, маскарад! А во что надо переодеваться?

– Это уж надо самому придумать, – сказал Пелле. – Можно переодеться индейцем. Или принцессой, или клоуном. Или собакой.

– Фу! – закричала Фрида, а Фридольф, уже успевший выучить слово «собака», зашипел изо всех сил.

– В общем, найдёте, во что переодеться, – сказал Пелле. – И скажите всем, кто придёт, чтобы придумали какие-нибудь костюмы. Важно, чтобы никто никого не узнавал.

– Наверняка будет весело, – солидно сказал Фриц.

– Я оденусь принцессой! – воскликнула Фрида.

– Молчи! – сказал Фриц. – Это же должен быть сюрприз!

– Да, правда, – смущаясь сказала Фрида. – Я не подумала.

* * *

На следующий день, воспользовавшись тем, что Фридольф уснул после обеда, Фриц и Фрида направились в город. В старом сарае в Коньковом переулке они нашли Монса, Биля и Буля.

– Значит, дело обстоит так, – сказал Фриц. – Мы собираемся устроить новоселье.

– Мы приглашаем вас всех на маскарад! – закричала Фрида.

– Фрида имеет в виду маскарад, – сказал Фриц. – Добро пожаловать на маскарад в нашу новую квартиру в субботу в пять часов.

– Маскарад – это ещё что за новости? – сердито прорвorchал Монс.

– А ты не знаешь, что такое маскарад? – удивилась Фрида.

– Маскарад, – снова поправил Фриц.

– Ну, маскарад, – нетерпеливо поправилась Фрида. – Это такой праздник, когда все переодеваются и надевают на морды всякие штуки, а потом все угадывают, что это за штуки, то есть, я имею в виду, что это за морды, и никто не знает, кто переоделся и почему, и все угадывают неправильно, и всем очень весело! – выпалила она одним духом.

– По-моему, глупо, – фыркнул Монс и наморщил нос.

– Фрида, как всегда, всё запутала, – сказал Фриц. – Главное, чтобы все переоделись и никто друг друга не узнавал.

– А для чего это? – спросил Монс.

– Ну ты же понимаешь, – сказал Фриц менее уверенно, – это же очень весело, когда никто никого не узнаёт.

– Ну ладно, – ответил Монс, – а кого вы ещё пригласили?

– Мы хотели пригласить Хильду и Хульду, и Рикарда из Рикомберги, и Муську из Аркадии. И Пелле Бесхвостика. Его мы, впрочем, уже пригласили.

Монс нахмурился, но потом злобно ухмыльнулся.

– Вот оно что, – протянул он. – И Пелле придёт! Что ж, наверное, это будет и в самом деле весёлый маскарад.

- Очень даже весёлый, – сказал Биль.
- Очень точно сказано – весёлый, – подтвердил Буль.
- Мы придём, – сказал Монс. – Все трое.

Глава двадцатая

МАСКАРАД НА ОПУШКЕ

Наконец, наступила суббота. Фриц и Фрида наводили последний лоск в своём амбаре на опушке. Фриц раздобыл шесть салак, три свиных косточки и молоко. Он даже притащил откуда-то банку со сливками. «Но это на крайний случай», – решил Фриц и спрятал сливки за занавеской.

Фриц оделся индейцем – очень пригодились найденные в лесу сорочьи перья. Фрида задрапировалась в цветастое покрывало, найденное когда-то в чулане, а на голове у неё сияла золотая бумажная корона. Теперь это была уже не Фрида, а принцесса Фридеборг. Она была совершенно уверена в своей неузнаваемости.

Первым пришёл моряк в бескозырке.

– Добро пожаловать! – вежливо сказала Фрида.

Но Фриц зашипел ей в ухо:

– Какая ты балда! Как ты не понимаешь, что если ты будешь говорить «добро пожаловать», все сразу поймут, что ты Фрида.

– Ой, конечно, конечно... – растерялась Фрида. – Не добро и не пожаловать! Я только хотела сказать, что мы с Фрицем...

– Мы с индейцем, – поправил Фриц.

– Ну да, да, конечно, мы с индейцем считаем, что приятно увидеть моряка здесь у нас на опушке, – быстро сказала Фрида. – А кто это? – прошептала она Фрицу.

– Ты же видишь, что это Муська из Аркадии, – сказал

Фриц. – Но делай вид, что ты её не узнаёшь, иначе маскарад теряет смысл.

Пришла Красная Шапочка. На ней было красное платье и такой большой капюшон, что мордочки совсем не было видно. Но в капюшоне были дырочки для глаз, так что Рикард, во всяком случае, мог что-то видеть. Конечно же, это был Рикард из Рикомберги, переодевшийся в Красную Шапочку.

Следующий гость был в длинном чёрном плаще, высокой шляпе и в очках.

– Уважаемые дамы и господа, – поклонился он. – Я – Кот, Который Знает Всё. Я даже знаю, например, что Фрида – внучка двоюродной тётки Рикарда из Рикомберги.

«У него хороший костюм, – подумал Рикард, – но запах скотного двора ни с чем не спутаешь. Конечно же, это Мурре из Скугстибле».

Появился клоун в ярком клетчатом костюме. Он прыгал, делал кульбиты, танцевал чечётку и вообще кривлялся изо всех сил. Вместе с клоуном пришла скрюченная старушка в сером платке. Она спотыкалась и хромала, но иногда тоже вдруг принималась отбивать чечётку.

– Странно, правда? – шепнул Рикард из Рикомберги Фрицу. – Хильду и Хульду хлебом не корми, дай только пройтись в чечётке.

– Тише ты, – прошипел Фриц. – Нельзя показывать, что ты кого-то узнал.

Следующим явился Пелле в костюме белого медведя, сделанном из куска белого меха.

Последними пришли три полицейских в настоящих мундирах кошачьей полиции. Один из полицейских был намного больше двух других.

– Я – начальник королевской кошачьей полиции, – сказал большой. – А это – мои полицейские.

– Вот именно, полицейские, – сказал один.

– Полицейские – вот мы кто, – подтвердил другой.

– Теперь, когда все собрались, я прочитаю стихотворение. Я его сама сочинила, никто не помогал, – сказала Фрида. И она продекламировала:

*Я Фридеборг, прекрасная принцесса,
Живу в амбаре на опушке леса,
Добро пожаловать, и стар, и мал,
На наш весёлый маскарад!*

Фриц ущипнул Фриду.

– Надо было сначала мне показать твои стихи, – прошипел он. – Ты опять сказала «маскарад»!

– А тогда не рифмуется со «стар и мал», – оправдывалась Фрида.

– Друзья мои! – воскликнул Фриц. – Фрида, то есть, я

хочу сказать, принцесса Фридеборг, хотела сказать вот что:

*Я Фридеборг, прекрасная принцесса,
Живу в амбаре на опушке леса,
Добро пожаловать, и стар, и млад,
На наш весёлый маскарад!*

– А угощение будет? – с издёвкой спросил начальник полиции. – А то всё стихи да стихи.

– Конечно, конечно, – защебетала принцесса Фридериксбург. – Сейчас будут и салака, и молоко, и свиные косточки!

Глава двадцать первая

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ И ПОЛИЦЕЙСКИЕ

Хозяева накрыли на стол, и начальник полиции тут же ухватил самую крупную салаку и самую сочную свиную косточку.

– Это вы хорошо придумали – маскарад, – сказал Риккард из Рикомберги.

– А когда будем угадывать, кто есть кто? – спросил Мурре из Скугстибле. – И потом я расскажу очень весёлую историю, которая случилась у нас на скотном дворе.

– А я хочу сказать вот что, – сказал начальник полиции, – маскарад действительно замечательный, и у всех замечательные костюмы – кроме одного. И этому одному нас не обмануть, как бы он ни старался. Вы, конечно, поняли, дамы и господа, что я имею в виду Бесхвостого Пелле. Только у него нет хвоста, и поэтому нетрудно догадаться, где у нас Пелле. Привет, белый медведь – ты разоблачён! У тебя нет хвоста! Пелле разоблачён!

– Так сказать, выведен на чистую воду, – сказал один из полицейских.

– Разоблачён, – и всё тут, – сказал второй.

И все засмеялись.

Пелле вначале огорчился, но быстро собрался с духом.

– По-моему, совершенно ясно, что у белого медведя не может быть хвоста. Нет ничего глупее, чем белый медведь с хвостом. Представьте себе – белый медведь, а у него длинный хвост. Непонятно, над чем вы смеётесь.

– Он прав, – сказала Муська из Аркадии. – Хвостов у белых медведей нет.

– Так, кнопка какая-то, – подтвердил Рикард. – А это что за явление, позвольте спросить?

Это было не явление, это был Фридольф. Нос у него был совершенно белый, и с усов свисали большие белые капли. Нетрудно было догадаться, что он без разрешения пробрался за занавеску и вылакал сливки.

– Фридольф! – зашипела Фрида. – Иди сейчас же в постель! Маленькие котята не гуляют так поздно. Уже шесть часов!

Но Фридольф уселся на пол и показал лапкой начальника полиции.

– Это же дядя Монс!

Все засмеялись, а Монс вскипал.

– Что это ещё за глупости! – сказал Монс. – Стал бы я наряжаться полицейским, то есть, я имею в виду, стал бы полицейский наряжаться мной, или, что я говорю, стали бы мы с полицейским...

– А это дядя Биль и дядя Буль, – сказал Фридольф.

– Пожалуй, так оно и есть, – сказал один полицейский.

– В его рассуждениях есть здоровое зерно, – сказал второй.

– Дураки! – зашипел на них Монс. – Что вы, не понимаете, что не должны сознаваться?

– Но мы же Биль и Буль! – сказал Биль.

– Буль и Биль – это же мы! – подтвердил Буль.

Все засмеялись, а Монс побледнел от злости. Тут Рикард из Рикомберги хлопнул в ладоши и воскликнул:

– А давайте все признаемся, кто есть кто! И так ведь все друг друга узнали!

– Это тётя Муська из Аркадии, – показал лапкой Фридольф на моряка.

– Вот видите, – сказал Рикард, – раз уж даже несмышлёныш Фридольф нас узнал, неужели мы сами себя не узнаем?

– Конечно, узнаем, – пожала плечами Муська, – вот этот клоун, к примеру – Хильда.

– А старушка в платке – Хульда! – сказал Мурре из Скугстибле.

Все смеялись до упаду.

– Но я должна признаться, – отсмеявшись, сказала Фрида, – я не могу понять, кто этот Кот, Который Знает Всё. Не могу угадать.

– А ты что, с ним не танцевала? – спросил Рикард. – Запах скотного двора такой, что...

– Так это Рикард из Рикомберги! – обрадовалась Фрида.

Теперь смеялись все, кроме Рикарда.

– Давайте веселиться, – предложил Фриц. – Можем сыграть во что-нибудь. Или водить хоровод, или... ну, что-то в этом духе.

– Нет ничего глупее маскарадов, – заявил Монс. – Пошли, Биль и Буль! Эти младенческие забавы не для нас.

– Совершенно младенческие! – воскликнул Биль.

– Даже не детские, именно младенческие, – согласился Буль.

И весь полицейский отряд замаршировал к выходу.

Никто особенно не огорчился.

– Никогда не любил кошачью полицию, – сказал Пелле. – У людей полиция получше. Я знаю одного полицейского, он вечно топчется на Дворцовом Взвозе...

И праздник продолжался. Всем было очень весело – кроме Монса, Биля и Буля, которые сидели и дулись в своём сарае в Коньковом переулке.

И пусть себе сидят и дуются!

БЕСХВОСТИК ПЕЛЛЕ В АМЕРИКЕ

Книга
3

Глава первая

В АМЕРИКУ!

Есть в мире, далеко-далеко отсюда, такая страна, которая называется Америка – я почти уверен, что и вы не раз слышали об этой стране. Это большая и могущественная страна со множеством автомобилей и огромными домами – небоскрёбами, и мороженщики в Америке есть на каждом углу, потому что люди там просто жить не могут без мороженого.

Вышло так, что папа Биргитты и Улле собрался ехать в Америку на выставку, на огромную всемирную выставку в Нью-Йорке, самом большом американском городе. (Нью-Йорк произносится не совсем так, как пишется, так что если кто-то хочет блеснуть в обществе, то он говорит: Нью-Йоок, и тогда люди думают, что он тоже был в Америке.) И надо же случиться, что папа выиграл довольно приличную сумму в лотерею. Поэтому он решил, что может себе позволить взять в Америку всю семью – и Биргитту, и Улле, и их маму. И Бесхвостика Пелле.

Вредный кот Монс просто кипел от злости, когда услышал, что Пелле собирается в Америку. Он тут же призвал Биля и Буля в сарай в Коньковом переулке. Вскоре там же появились Фриц и Фрида. Монс взгромоздился на перевёрнутый ящик из-под сахара и произнёс:

– Это просто скандал. Бесхвостый Пелле собрался в Америку!

- Что, правда? – спросил Биль.
- Не может быть, – откликнулся Буль.
- Ещё как может быть! – сказал Монс. – Я встретил его утром на Кладбищенской, и он так хвастался, что меня чуть не стошило. Они едут через пару месяцев в Америку всей семьёй, и берут с собой этого урода. Это на-

стоящий скандал! Подумайте только – бесхвостый заморыш будет представлять в Америке шведских котов! Что они там о нас подумают? Они же решат, что мы тут все так ходим, без хвостов!

- Настоящий скандал, – сказал Биль.
- Скандальней не бывает, – подтвердил Буль.
- А вы что скажете? – Монс зло уставился на Фрица и Фриду. – У вас же тоже есть своё мнение.
- Да, – сказал Фриц, немного помедлив, – это можно назвать скандалом.
- Что до меня, – сказала Фрида, – пусть едет на здоровье. Я не завидую.
- «Не завидую», – передразнил её Монс. – Кто говорит про зависть? Ты что, думаешь – я завидую? Я только рад, что мне не надо ехать в эту жаркую страну. Но я думаю о репутации шведских котов! Наша репутация – вот что меня волнует!
- Репутация, – сказал Биль. – Вот верное слово.
- Речь идёт только о репутации, – подтвердил Буль.
- И вот я подумал, – злобно ухмыльнулся Монс, – что ему перед поездкой неплохо бы узнать кое-что об Америке, чтобы он не особенно задавался.

Монс облизнулся. Он обдумывал, что именно следует узнать Пелле об Америке, и вид у него был очень довольный.

- А что узнать? – одновременно спросили Биль и Буль.
- Довольно много, – сказал Монс. – Ну, например, что в Америке коты каждый день купаются в Ниагаре. В подземке гибнут десятки тысяч кошек.
- Ой, – испугалась Фрида. – Неужели правда?
- Конечно, нет, – успокоил её Монс, – но задача в том, чтобы испугать Пелле. Я сейчас скажу каждому реплику об Америке, которую он должен произнести Пелле. Ты,

Биль, скажешь: «В Америке постоянно стоит жара не меньше тысячи градусов». Повтори!

– В Америке жара не меньше тысячи градусов, – сказал Биль.

– Там тысячеградусная жара, – сказал Буль.

– А ты, Буль, молчи, – нахмурился Монс. – Ты скажешь, что в Америке всех бесхвостых котов бросают в море. Фриц! Ты намекнёшь, что в Америке в каждом подвальном окне сидит по собаке, а Фрида предупредит, что молоко в Америке кончилось в 1897 году, что там совершенно нет мышей, зато больше миллиона собак. Запомнили?

Все дружно закивали головами. Монс был очень доволен своей выдумкой.

И какая удача! Выходя из сарай, они наткнулись на Бесхвостика Пелле, который, ничего не подозревая, гулял по Дворцовому Взвозу.

– Только не шипите на него, – прошептал Монс. – Мы должны быть очень любезными.

– Привет! – громко сказал Монс. – Ты ещё не уехал в Америку?

– Нет ещё, – сказал Пелле и притворно зевнул. – Мы едем в пятницу.

– Говорят, там такая страшная жара, – продолжал Монс. – Умирает семь кошек в секунду.

– Это же я должен был сказать, – шепнул ему Биль.

– Балда! – прошипел Монс в ответ.

– Я хочу сказать, – совсем растерялся Биль, – что в Америке всех котов бросают в море... кроме тех, у кого нет хвостов... Ой, что я говорю!.. То есть ни одного кота... я имею в виду, без хвоста... в озеро не бросают... то есть всех поголовно, кто с хвостами, бросают в озеро, а без хвостов – нет!

– Думай, что говоришь, – рассердился Монс. – Всё наоборот!

— Будь осторожен, — вступила в разговор Фрида, — с 1897 года Америка не знала перебоев с молоком. Там целый миллион мышей и ни одной собаки!

Бедняжка, у неё была такая плохая память.

— Похоже, неплохая страна, — сказал Пелле. — Надеюсь, поездка будет приятной.

И он пошёл своей дорогой.

Монс просто кипел от ярости и упрекал всех — как же они не сумели запомнить самых простых вещей об Америке.

* * *

А Пелле пошёл себе дальше. И вскоре наткнулся на Старушку Майю из часовни. Она двигалась очень медленно и осторожно — давал о себе знать ревматизм задней левой лапы.

— Ага, вот кто здесь гуляет! — сказала Старушка Майя.

— Да так, знаешь... — скромно сказал Пелле. — Хочу осмотреться немного перед заграничной поездкой.

— Вот оно что! А куда ты едешь?

— В Америку. Фрида только что сказала, что там миллионы мышей и ни одной собаки.

— О, Боже! — покачала головой Майя. — Но знаешь, что? В Америке ты должен обязательно зайти к Филадельфии-Филле. Это мой племянник. Он уехал в Америку го-да два назад. У него одно ухо чёрное, другое — белое. И вообще это очень живая и весёлая личность.

— Обязательно! — сказал Пелле. — Даже не сомневайся — я к нему зайду.

Потом он направился на улицу Святого Ларса попрощаться с Муськой из Аркадии. Та сидела в саду и умывалась, судя по всему, только что отобедав.

— Послезавтра еду в Америку, — сообщил Пелле, — так

что теперь не скоро увидимся. Но я обязательно пошлю тебе открытку с Ниагары.

– А ты не можешь привезти мне американского зяблика? – спросила Муська. – Я слышала, они намного вкуснее наших, шведских.

– Попробую, – сказал Пелле. – Не зяблика, так что-нибудь другое. Если хочешь сделать подарок, всегда можно что-то найти. Пока, Муська! Еду в Америку.

– Давай-давай! – сказала Муська.

Глава вторая

ТРИ КОРАБЕЛЬНЫХ КОТА

Огромный пароход отплывал в Америку из Гётеборга. Он был действительно огромный – Пелле стоял на верхней палубе, смотрел на бурлящую далеко внизу воду и думал, что никогда раньше он не чувствовал себя таким маленьким. Время от времени пароход принимался устрашающе реветь, и маленькие кораблики вокруг не хотели отставать: тоже пытались реветь, но у них выходил какой-то хриплый писк.

Гётеборг исчез из виду, и повсюду на корабле начали бить склянки – это означало, что пришло время обеда.

«Неплохо бы скушать свиную котлетку», – подумал Пелле и направился вниз.

На трапе с верхней палубы он вдруг наткнулся на другого кота. Кот был ярко-рыжий. На голове у него была бескозырка, а на шее красовалась жёлто-голубая шёлковая лента. Он преградил Пелле дорогу.

– Извините, – сказал Пелле вежливо, – я хотел бы пройти вниз.

– А ты кто такой? – спросил кот. Его голос не предвещал ничего хорошего.

- Я Пелле. – Так вышло, что я еду в Америку.
- Так вышло! – передразнил кот. – Никто не едет в Америку, потому что «так вышло». Где твой билет?
- Думаю, что он там, внизу.
- Внизу? В третьем классе?
- Именно! – радостно подтвердил Пелле. – Именно там!
- Тогда не смей появляться здесь, в первом классе!
Марш отсюда, пока я не выкинул тебя в море!
- Вы, наверное, родственник Монса? – спросил Пелле.
- Я корабельный кот первого класса! И мне поручено следить, чтобы всякие неизвестно откуда взявшиеся бродяги не болтались по нашей палубе! Чтобы духу твоего здесь не было!
- Должно быть, двоюродный брат Монса, – сказал Пелле, спускаясь по трапу.
- Теперь он очутился на другой палубе, где двое мужчин кидали друг другу кольцо через сетку. Это было довольно забавно, поэтому Пелле уселся и стал водить головой из стороны в сторону, следя за полётом кольца.

– Привет, малыш! – сказал один из игроков. – Хочешь поиграть с нами в палубный теннис?

«Э-э-э... – подумал Пелле, – ваше кольцо для меня, пожалуй, великовато...»

Но тут появился другой кот, совершенно чёрный. На нём тоже была бескозырка и узкая жёлто-голубая лента на шее.

– Ты кто такой? – спросил он.

– Я – Пелле, плыву в Америку.

– Балда, – сказал кот. – Мы все плывём в Америку. А билет у тебя есть?

– Он, наверное, там, внизу.

– Внизу? То есть в третьем классе?

– Именно там.

– Тогда тебе нечего делать в туристском классе.

– Вот оно что! – сказал Пелле. – Так ты корабельный кот туристского класса?

– Можешь записать это в записной книжке. Хотя у тебя её нет, разумеется.

– Записной книжки у меня и правда нет, – сознался Пелле. – А скажи мне, сколько классов на этом корабле?

– Есть туристский класс, совершенно замечательный. Есть третий класс, это ты там едешь, бедняга. Ну, есть ещё и первый класс, но я там не бываю. А теперь отправляйся отсюда, пока не попробовал моих когтей.

Бедный Пелле прямо-таки скатился с трапа и очутился на нижней палубе.

И надо же – здесь был ещё один кот. И у него на голове тоже была бескозырка, и на шее жёлто-голубая ленточка, хотя и не шёлковая.

– Смотри-ка! – восхитился кот в бескозырке. – А это ещё кто такой? Я корабельный кот третьего класса, и должен сказать, что почти никого, кроме людей, здесь нет. Ничего плохого не хочу сказать о людях, но коты всё же лучше.

– Но ты же встречаешь котов первого и туристского класса? – поинтересовался Пелле.

– Мы не общаемся, – рявкнул кот. – А как, кстати, тебя зовут?

– Пелле.

– А я – Калле. Обычно меня называют Калле-Моряк, но это не обязательно.

– А меня иногда называют Пелле Бесхвостик, – сказал Пелле, хотя говорить это было тоже не обязательно.

– А ты что, хвост в Гётеборге забыл?

– А мыши есть на борту? – спросил Пелле, меняя тему разговора.

– К сожалению, я съел последнюю три года назад, – сказал Калле. – Но в Нью-Йорке, будь уверен, такие мыши! У меня есть одна норка на Сорок Второй улице, я там обычно обедаю. Мы всегда стоим на рейде в Нью-Йорке несколько дней, так что можно кое-что успеть до отъезда назад в Швецию. А правда, где твой хвост?

– А как тут с молоком?

– Молока сколько хочешь. И сливок. Здесь живёшь, как принц. И ни одной – можешь себе представить, ни одной! – собаки. Это кое-чего стоит, не так ли?

– А не страшно, когда шторм? – спросил Пелле.

– Ничуть, – пожал плечами Калле. – Мне даже нравится, когда качает. Но, конечно, надо соблюдать осторожность, чтобы не намокнуть, когда вода заливает палубу.

Глава третья

МАНХЭТТЕН-ДЖИМ И МЕРИ

Десять дней и десять ночей плыл Бесхвостик Пелле по огромному, нескончаемому океану. Иногда начинался шторм, но Пелле не страдал морской болезнью. Ни в коем случае! Не мог же он быть хуже, чем Калле-Моряк!

Как бы то ни было, Пелле всё же устал от долгого

плавания, но в один прекрасный день, в морском тумане он увидел нью-йоркские небоскрёбы.

— Вот и Америка, — сказал Калле-Моряк. Они стояли с Пелле на носу корабля.

Было очень жарко, солнце пекло что есть сил, над ними носились чайки и что-то оглушительно кричали. Но кричали они по-американски, и Пелле их не понимал.

— Вон та здоровенная зелёная тётка и есть Статуя Свободы, — объяснил Калле. — Она охраняет вход в гавань. А вон там, справа — небоскрёбы, в некоторых больше ста этажей.

— Не очень-то удобно в них жить, — сказал Пелле, — особенно на верхних этажах. Час пройдёт, пока доберёшься до подвала с мышами.

– А лифты на что? – сказал Калле снисходительно. – Там лифты раз в десять быстрее, чем наши, шведские.

– Смотри, сколько кораблей в гавани! – удивился Пелле. – И какие смешные! Вон те особенно – и спереди, и сзади башенка.

– Это паромы, – пояснил Калле, – и это не башенки, а рубки. Паромы ходят через залив и обратно, а чтобы каждый раз не разворачиваться, капитан просто переходит из одной рубки в другую. Но смотри, вот и наш мол! Мол Шведско-Американской линии!

– Мол? – спросил Пелле. – А что такое мол? Там молоко дают?

– Глупости какие, – сказал Калле. – Причём тут молоко? Мол – это причал. Смотри, сколько там народу!

– И кто-то машет шведским флагом.

– А вон мои друзья, – обрадовался Калле. – Мне кажется, это Манхэттен-Джим и Мери.

– Манхэттен-Джим, – повторил Пелле, – какое-то гангстерское имя.

– Никакой он не гангстер, – возразил Калле. – Очень симпатичный кот, он наверняка тебе понравится.

– А Мери? – спросил Пелле.

– И Мери славная, – сказал Калле, – хотя она очень плохо говорит по-шведски. Она, видишь ли, родилась в Америке. Но Манхэттен-Джим из Швеции, его вообще-то зовут Юхан. Он из Хускварны. Но в Америке Хускварна-Юхан звучало бы довольно глупо, поэтому он называет себя Манхэттен-Джим. Вообще говоря, Манхэттен – это большой остров. На нём расположен самый центр Нью-Йорка.

Корабль загудел. Два маленьких буксира помогли ему пристать к молу. Это продолжалось довольно долго. Наконец, пассажиры начали выходить на берег.

– Я должен найти своих, – сказал Пелле. – Мы ещё увидимся?

– Встретимся на таможне, – сказал Калле.

На таможне всех пассажиров попросили открыть свои чемоданы. Большой серый кот с важным видом подошёл к Пелле и что-то сказал по-американски. Пелле ничего не понял.

– Что ты сказал? – спросил он.

Но тот говорил только по-американски. Тут на помощь подоспел Калле-Моряк.

– Это таможенный кот, мистер Смит, – сказал Калле. – Он спрашивает, не везёшь ли ты с собой салаку или канареек. Если да, ты должен заплатить таможенную пошлину.

– Нет у меня ни салаки, ни канареек, хотя неплохо было бы, если бы они были, – сказал Пелле. – Мышей у меня, кстати, тоже нет.

– Мыши не облагаются пошлиной, – сказал Калле, – так что можешь ввозить мышей сколько хочешь, не платя ни цента.

Калле сказал несколько слов по-американски мистеру Смиту, и тот отдал честь. Пелле тоже попытался отдать честь, но получилось так себе – как будто он почесал за ухом.

К ним подошли с поднятыми хвостами Манхэттен-Джим и Мери.

– Разрешите представить, – сказал Калле, – моего друга Пелле из Швеции. А это Манхэттен-Джим, а это Мери.

– Хелло, бой, – громко сказал Манхэттен-Джим, – добро пожаловать в Америку! Как там наша старушка Суиден? Да-да, Суиден, это значит Швеция по-американски. Я вообще-то из Хускварны. Какие там были мышки-полёвки! Но мыши на Сорок Второй улице тоже ничего.

— А как в Америке салака? — спросил Пелле. — Ничего?

— О ноу, ноу, — сказал Манхэттен-Джим. — Здесь вообще нет салаки. Я так тоскую по настоящей шведской салаке. Но другая рыба, понятно, есть. Тоже неплохая.

— О, йес, — сказала крошка Мери. Она поняла, что речь идёт о рыбе.

— Мы должны показать Пелле город, — сказал Калле-Моряк. — Давайте где-нибудь встретимся вечером часиков в семь?

— А где? — спросил Пелле.

— Я предлагаю угол Сорок Второй улицы и Шестой авеню, — сказал Калле, — там и до мышек недалеко.

— О, йес, хорошо придумано! — воскликнул Манхэттен-Джим.

— Я не уверен, что найду, — обеспокоенно сказал Пелле.

— А где ты будешь жить? — спросил Манхэттен-Джим.

— Они говорили что-то про гостиницу на Пятьдесят Второй.

— Замечательно! — воскликнул Манхэттен-Джим. — Идёшь тринадцать блоков вниз, и ты на Пятьдесят Второй. По-шведски — квартал, а по-американски — блок. Должен сказать, что в Нью-Йорке ориентироваться очень легко. Самый простой город в мире!

— Я приду в семь, — сказал Пелле.

Глава четвёртая **НА СОРОК ВТОРОЙ УЛИЦЕ**

— Иди сюда, Пелле, — сказала Биргитта. — Лучше я тебя понесу, чтобы ты не потерялся в этом огромном городе.

Она взяла его на руки, и они, выйдя на улицу, сели в

такси. Машина была ярко-жёлтой, и радио в ней играло так громко, что она, казалось, вздрогивала.

– Итак, мы в Нью-Йорке, – сказал папа. – Это гигантский город. И дома, поглядите, какие высокие дома!

Они проезжали мимо огромного дома. Он был такой высокий, что крыши не было видно.

– А машины? Вы видели когда-нибудь столько машин? Никто, конечно, не видел.

– Ну, Пелле, как тебе Америка? – спросила Биргитта.

– Мяу, – сказал Пелле. Он обычно не произносил ничего иного, когда разговаривал с людьми.

* * *

Гостиница и в самом деле была на Пятьдесят Второй улице.

«Надеюсь, они не держат собаку», – войдя в вестибюль, подумал Пелле и беспокойно принюхался. Нет, к счастью, собаками не пахло.

Их номер был на двадцать шестом этаже. В Биргиттиной комнате для Пелле поставили корзинку с голубой подушечкой.

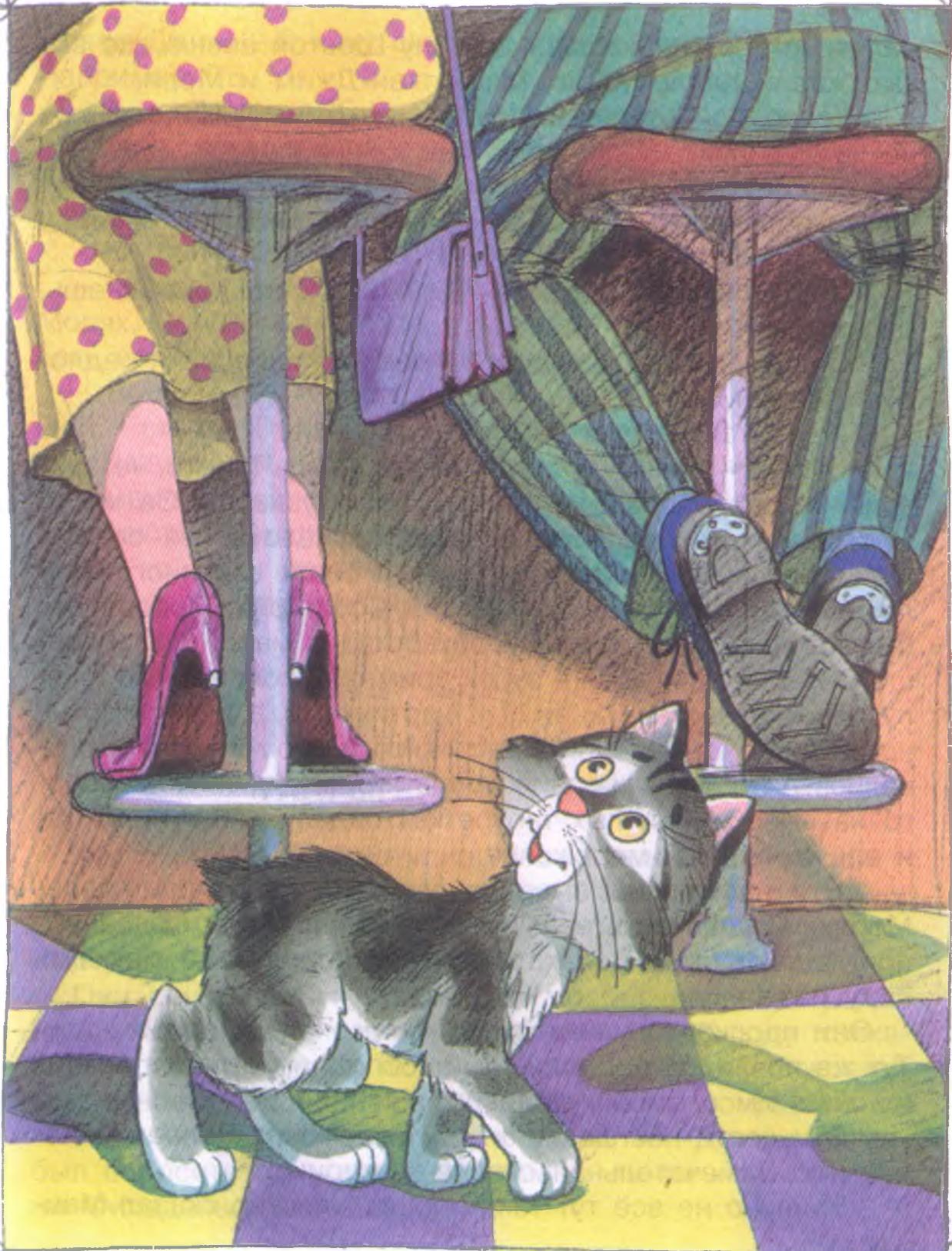
«Здесь определённо неплохо», – решил Пелле.

В полседьмого он потихоньку улизнул на улицу – не забывайте, что в семь у него была назначена встреча.

Пелле потихоньку бежал по Пятой авеню, которая была намного шире, чем любая шведская улица. По ней мчались машины и автобусы, причём автобусы были двухэтажные, похожие на дома.

«Неплохо бы прокатиться в таком автобусе», – подумал Пелле и мысленно взвесил, стоит ли прыгнуть в автобус, но всё-таки решил, что пешком надёжнее.

Наконец, он добрался до Сорок Второй улицы, свернув

налево и вскоре оказался на углу Шестой авеню, где его уже ждали Калле-Моряк, Манхэттен-Джим и Мери.

– Хелло, бой! – завопил Манхэттен-Джим. – Надеюсь, ты не заблудился?

– Я же соображаю, что к чему, – сказал Пелле. – Хотя улицы переходить не так-то просто. Уж слишком много у вас тут машин.

– Йес, – сказал Манхэттен-Джим. – Скоро привыкнешь. Какие планы?

– Сначала зайдём в драг и поедим сливок, – предложил Калле-Моряк.

– А что такое «драг»? – спросил Пелле.

– О, бой, – удивился Манхэттен-Джим. – Ты что, не знаешь, что такое драг? Ну ничего, скоро узнаешь. За мной!

Умирая от любопытства, Пелле последовал за остальными. Они вошли в магазин – ничего более странного Пелле не видел за всю свою жизнь. Собственно говоря, это была аптека. Тут продавали лекарства и массу других вещей. Старик с сигарой в зубах примерял соломенную шляпу, девочка листала книжку с картинками, а две пожилые негритянки хотели купить кастрюлю и громогласно торговались. А посреди магазина стоял прилавок, около которого на высоких круглых табуретках сидели люди, пили сок и ели яичницу и мороженое.

– Это настоящий американский драг, – сказал Калле-Моряк. – Здесь есть всё, что пожелаешь, и нас частенько приглашают сюда полакать сливки. Надо толькомяукнуть пару раз.

Они проскользнули в кухню, сели рядком и замяукали. Тут же появился добродушный господин, поглядел на них и налил им в мисочку сливок.

– Эти драги – неплохая штука, – заключил Пелле, облизнув нос. Замечательная страна – Америка.

– Уэлл, но не всё тут так хорошо, – честно сказал Ман-

хэттен-Джим. – Я хочу сказать, есть и неприятные вещи. Например, Г.Б.

– А что такое – Г.Б.? – спросил Пелле.

– Гангстерская Банда, – пояснил Джим. – Это банда котов здесь в округе. Они грабят, затевают ссоры и вообще, приносят массу хлопот.

«Ну точно, как Монс, Биль и Буль», – подумал Пелле.

– Ты должен остерегаться этой банды, – сказал Калле-Моряк, – они занимаются, в частности, киснеппингом – то есть похищают котов и заставляют их ловить мышей.

– Вообще-то говоря, не так уж плохо – ловить мышей, – сказал Пелле и снова облизнулся.

– Разумеется, – сказал Калле, – но только их пленники не имеют права сами есть этих мышей. У них их сразу отбирают. И Гангстерская Банда сидит и ест мышей, которых поймали другие. Это несправедливо.

– О, йес, – сказала Мери. Надо же было и ей что-нибудь сказать.

Глава пятая

ГАНГСТЕРСКАЯ БАНДА

Когда они вышли на улицу, Манхэттен-Джим сказал:

– А теперь спустимся вниз и поглядим на подземку. Это одна из тех вещей, которые просто нельзя не посмотреть, если уж ты в Америке.

Они спускались и спускались по бесчисленным лестницам, казалось, в самое чрево земли. Повсюду толкались сотни и тысячи людей. Наконец с жутким скрежетом и воем подошёл поезд. Пелле это не понравилось.

– Да, – обратился он вдруг к Манхэттен-Джиму, – я забыл спросить одну вещь. Не знаешь ли ты кота по имени Филадельфия-Филле?

— Филадельфия-Филле, а кто это? — спросил Манхэттен-Джим.

— У нас на колокольне живёт его тётка, Старушка Майя, — пояснил Пелле. — У него одно ухо чёрное, другое — белое.

— Нет, такого я не знаю, — сказал Джим.

— Жаль, — сказал Пелле. — Старушка Майя просила обязательно его навестить.

— Скорее всего, если судить по имени, он живёт не в Нью-Йорке, а в Филадельфии, а это довольно далеко.

Как я уже сказал, под землёй было очень много народа, и Пелле немного отстал. Он только собирался потянуть носом и определить, куда же делись остальные, но тут откуда ни возьмись появился ещё один кот. Он был совершенно чёрный — нет, впрочем, не совершенно: одно ухо было белое! А вдруг это Филадельфия-Филле — надо же, какое везение!

— Ты, случайно, не Филадельфия-Филле? — спросил Пелле, пристально уставившись на незнакомца.

— О, йес, конечно, это я и есть, — ответил кот. — Пошли со мной, поговорим.

— Я, можно сказать, привёз тебе привет от тётки, — сказал Пелле.

— О, йес, понятно. Только пошли отсюда, здесь не проткнуться.

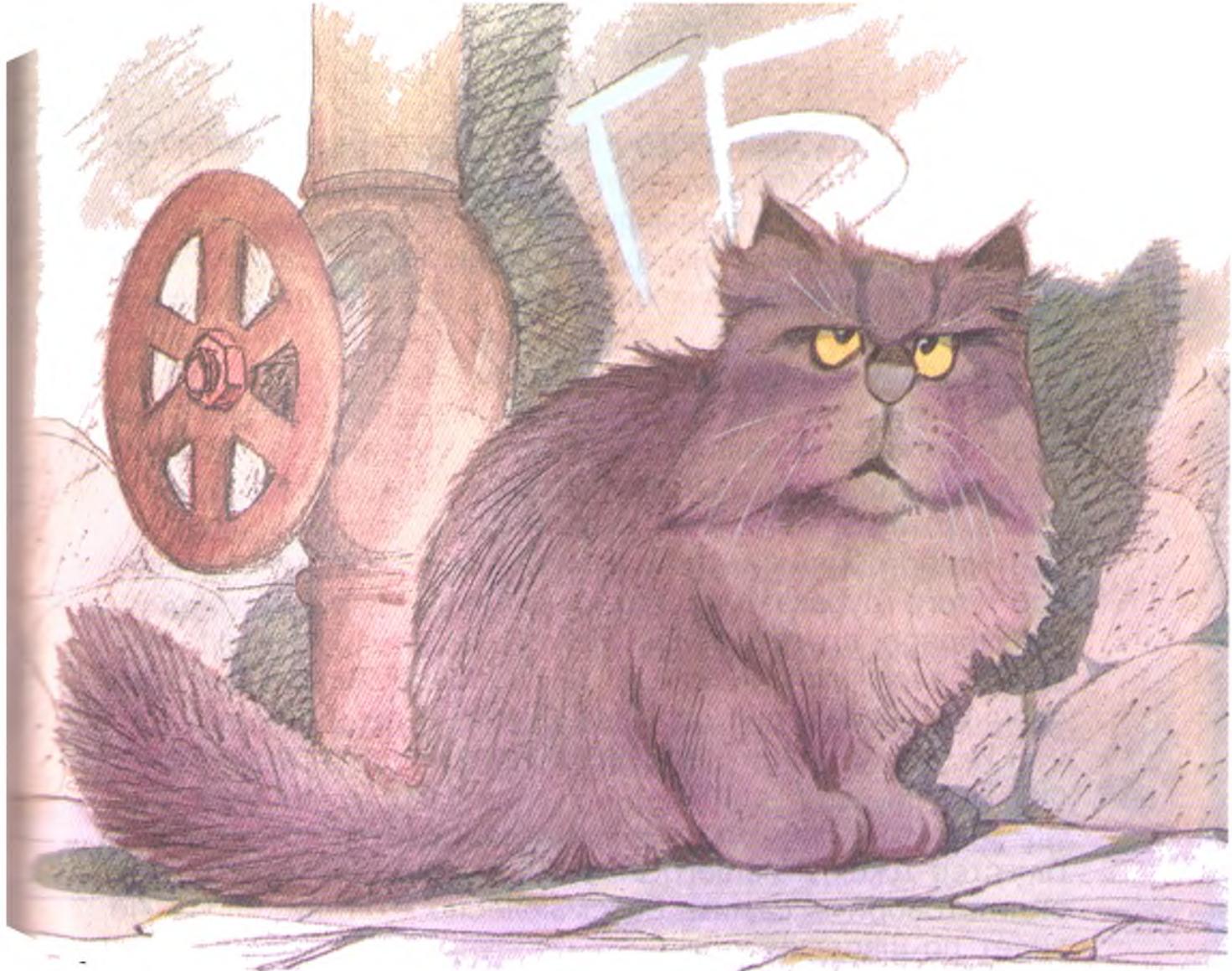
Пелле послушно последовал за ним — подумать только, в огромной Америке он тут же наткнулся на того, кого искал!

— Старушка Майя, в общем, ничего, — рассказывал Пелле по пути. — Только ревматизм замучил в задней лапе.

— О, йес, — повторил кот, — пошли, пошли!

Они долго шли по петлявшим тёмным переходам.

«Довольно необычный приём, — думал Пелле, — но было невежливо отказаться. К тому же Филадельфия-Фил-

ле, скорее всего, пригласит на свежепойманную мышку – он же родственник старушки Майи!».

Наконец, они очутились в тёмном подвале. Приглядевшись, Пелле обнаружил, что там сидели ещё восемь-девять котов. Все они выглядели довольно мрачно.

О, ужас! На стене были намалёваны две большие буквы: «ГБ»! Г.Б.! Гангстерская Банда! Ну и родственники у старушки Майи!

– Ха-ха! – издевательски захохотал новый знакомый. Он поднял лапу к своему белому уху и р-раз! – оно тоже ста-

ло чёрным. Это был всего-навсего белый бумажный фунтик. – Ха-ха! Что, надули тебя?

– Так ты не Филадельфия-Филле? – спросил Пелле и задрожал от кончика носа до того места, где должен был начинаться хвост – но хвоста, как вы помните, у него не было.

– Филадельфия-Филле – что за чушь! Я – Гангстер-Джек, и мы тебя похитили. В Америке, дружок, надо быть поосторожнее. Я начал следить за тобой ещё в гостинице. Я шёл следом до Сорок Второй улицы, потом был в драге, хотя вы меня и не видели, потом пошёл в подземку, и собственными ушами слышал, как ты рассказывал про этого дурака Филадельфия-Филле, у которого одно ухо чёрное, другое белое. Не так-то уж трудно сделать себе белое ухо! И теперь ты попался! Теперь ты наш пленник, бесхвостый дурак!

– И что, вы меня никогда не отпустите? – робко спросил Пелле.

– Никогда! Это так же верно, как то, что меня зовут Гангстер-Джек, а нашего вожака – Гангстер-Томми. Вон он сидит. Говорить с ним бессмысленно – он ни слова не знает по-шведски.

Пелле испуганно глядел на безобразного чёрного ухмыляющегося кота. Он что-то сказал по-американски, и Гангстер-Джек перевёл:

– Он приказывает тебе поймать для него вечернюю мышь. И если ты не принесёшь её в ближайшие пять минут, пеняй на себя.

Но тут Пелле собрал все оставшиеся силы, перепрыгнул одним прыжком трёх охранявших вход бандитов и дал стрекача – только лапы замелькали.

– Держи его! – завопил Гангстер-Джек. – Хватай его за хвост!

Целая свора котов мчалась за Пелле по пятам, но ни-

кому не удалось схватить его за хвост – и ничего удивительного: как вы помните, у Пелле не было хвоста, за который его можно было бы схватить!

Улучив момент, Пелле шмыгнул в боковой выход, и преследователи, не заметившие его манёвра, промчались мимо. Он перевёл дух. Ему повезло – туннель вёл на станцию подземки, и он вскоре снова оказался в толпе – и в безопасности.

– Где тебя носит?

Это был Калле-Моряк. Он был весь встрёпан и тяжело дышал.

– Мы тебя повсюду искали! Манхэттен-Джим даже предположил, что тебя похитила Г.Б.!

– Так оно и было, – с притворным равнодушием сказал Пелле.

– Тебя похитила Гангстерская Банда? – с ужасом спросил Калле-Моряк. – Рассказывай всё подряд!

– Как-нибудь расскажу поподробней, – сказал Пелле. – Но одно могу сказать уже сейчас – иной раз вовсе не плохо быть бесхвостым!

* * *

Вполне понятно, какую ярость вызвал побег пленника в Гангстерской Банде. И Гангстер-Томми обратился к банде, выпустившей добычу из когтей, с угрожающей речью:

– Это скандал! – ревел он. – За пять лет, что я руководжу Бандой, такого никогда не случалось, чтобы пленник удрал! И такого больше не случится! И мой приказ – поймать этого прохвоста любой ценой. И мы его поймаем, это так же верно, как то, что меня зовут Гангстер-Томми и что я глава самой грозной банды в Америке! Братья и сёстры по Г.Б. – произнесите клятву!

И тогда все гангстеры подняли правые лапы:

– Г.Б., Б.Г. – будьте готовы!

Это была их секретная клятва.

– И запомните, что я сказал, – продолжил Гангстер-Томми. Этот бесхвостый должен быть пойман, как только подвернётся удобный случай. Иначе всем придётся плохо. Поняли? Всё, собрание закончено! Клятву!

Все снова подняли правые лапы и закричали:

– Г.Б., Б.Г!

Глава шестая **НЕБОСКРЁБ-КАЛЛЕ**

Пелле прекрасно проводил время в Нью-Йорке в компании Калле-Моряка, Манхэттен-Джима и Мери. Конечно, ему очень повезло – без них он бы не увидел и десятой части того, что успел посмотреть. В один прекрасный день Калле-Моряк сказал:

– Сегодня мы навестим Небоскрёба-Калле.

– Небоскрёб-Калле, кто это? – спросил Пелле.

– Небоскрёб-Калле, собственно говоря, швед, такой же, как и мы, – объяснил Калле-Моряк, – он уже прожил здесь несколько лет, и настаивает, чтобы его называли Чарльзом. Но мне нравится его дразнить, поэтому я всё равно называю его Калле.

– Ну и напрасно, – сказал Манхэттен-Джим, – раз он хочет, чтобы его называли Чарльзом, значит, так и надо его называть.

Его немножко задела вся эта история – ведь его самого тоже звали не Джим, а Юхан.

Но Калле-Моряк не обратил внимания на его слова.

– Небоскрёб-Калле живёт на самой верхушке Рокфеллеровского центра, – сообщил Калле-Моряк. – Пошли!

Рокфеллеровский Центр размещался в огромном восьмидесятиэтажном небоскрёбе.

«Повыше будет, чем сарай в Коньковом переулке», – подумал Пелле.

Они вслед за Калле-Моряком вошли в огромный вестибюль. Калле очень важничал, потому что ему было известно, какой именно лифт идёт на верхний этаж.

– Некоторые здесь не в первый раз, – сказал Калле. – Поторапливайтесь, чтобы сесть в лифт всем вместе!

Лифт помчался вверх с невероятной скоростью и через полминуты был уже на восьмидесятом этаже. У Пелле даже закружилась голова.

На крыше с важным видом сидел Небоскрёб-Калле.

– Воображает, что он владелец этого дома, – шепнул Калле-Моряк на ухо Пелле.

– Он злой? – шепнул Пелле в ответ.

– Да нет, просто глуповат немного, – прошептал Калле-Моряк и завопил во весь голос. – Привет, Небоскрёб-Калле! Как тебе тут, на ветерке?

– А как там вы в ваших погребах? – сказал в ответ Небоскрёб-Калле и повернулся к Пелле. – А мы, как мне кажется, не знакомы, я тебя раньше не видел. Ты что, впервые здесь? Ну, как бы то ни было, меня зовут Чарльз. Небоскрёб-Чарльз.

– А меня – Петрус, – сказал Пелле. Он счёл уместным немного пошутировать.

– Так ты из нашей старушки-Швеции? Ну, как там теперь? Есть ли дома выше трёх этажей?

– Конечно, есть, – ответил Пелле, – хотя больше шести обычно не бывает.

– Я так и думал, – сказал Небоскрёб-Калле, – как же можно строить такие низкие дома? В квартиры совершенно не попадает свежий воздух!

– Зато у нас салака хорошая, – сказал Пелле, которому стало обидно за Швецию.

– Я не ем салаку, – сказал Небоскрёб-Калле. – Слишком много костей, и на вкус так себе. Нет, когда привык к устрицам, салаки уже и не хочется. Но ты должен полюбоваться видом.

Пелле вспрыгнул на ограждение и посмотрел вниз. Надо признаться, вид был и в самом деле превосходный. Далеко-далеко внизу на улицах люди были не больше муравьёв. Церковь казалась крошечной, хотя она была ничуть не меньше, чем церковь, в часовне которой жила Старушка Майя.

– А что ты делаешь тут, наверху? – спросил Пелле.

– Масса дел, – быстро ответил Небоскрёб-Калле, – просто масса. Надо же всё здесь содержать в порядке – масса дел. Ни сна, ни отдыха. Внизу на улице не был три года. Но мне там и не нравится. Как будто что-то давит. И воздух скверный. Нет, если уж и жить где-то, так тут, наверху – это так же верно, как то, что меня зовут Небоскрёб-Чарльз.

– Развообразился, – шепнул Пелле Калле-Моряк.

– Может быть, сыграем партийку в небоскрёб-ино? – предложил Небоскрёб-Калле.

– А что это за игра такая? – удивился Пелле.

– Ну, это такая игра. Я играю в неё здесь, наверху. Там у вас, внизу, в обычных домах, эта игра называется дом-ино, но тут-то, как ты понимаешь, не обычный дом, а небоскрёб. Поэтому я называю эту игру небоскрёб-ино.

– Сегодня не успеем, – сказал Калле-Моряк. – Нам пора вниз, на землю.

– Бедняги, – сказал Небоскрёб-Калле, – как вы там не задыхаетесь?

* * *

– Он ужасно задаётся, что живёт наверху, – сказал Пелле, когда они спускались в лифте.

– Конечно, – подтвердил Калле-Моряк. – Но, по правде сказать, лучше жить высоко над землёй, чем глубоко под землёй, как Гангстерская Банда.

– Это уж точно, – вздрогнул Пелле, – хорошо бы с ними больше не встречаться.

– Будь осторожен, – сказал Калле-Моряк. – Тем более «Грипсхольмен» завтра отплывает в Швецию, и я должен быть на месте.

– В самом деле? – спросил Пелле. – Какая жалость! Нам так хорошо вместе!

– Но у тебя же есть Манхэттен-Джим и Мери!

– Конечно, – подумав, сказал Пелле.

Глава седьмая

УСАТЫЙ МУРРЕ

На следующий день Пелле, Манхэттен-Джим и Мери отправились в гавань, чтобы помахать на прощание Калле-Моряку. По Гудзону сновали десятки и сотни пароходов, больших и маленьких.

– Пока! – сказал Калле-Моряк и отдал честь. – Передам всем привет.

– Всем не надо, – сказал Пелле. – Монсу, Билю и Булю привет передавать не обязательно. А вот если увидишь Муську из Аркадии, обязательно передай самый горячий привет.

И «Грипсхольмен» медленно двинулся в путь, басовистыми гудками отгоняя путавшиеся «под ногами» катера.

* * *

Вскоре к провожающим подошёл незнакомый кот и что-то сказал на непонятном языке.

– Говори по-американски, а то непонятно, что ты там бормочешь! – сказал Манхэттен-Джим и наморщил нос.

– Ах, так вы не понимаете французского? – сказал незнакомец, на этот раз по-американски. – Меня зовут Жан-Нормандия. Я просто хотел спросить, что это за несчастная калоша отошла сейчас от причала?

– Несчастная калоша, – повторил Манхэттен-Джим, – что ты имеешь в виду?

– Ну, эту посудину, у которой только две трубы, – сказал Жан-Нормандия. – Это что, пароход для карликов? Нет, ребята, приходите послезавтра, когда будет отходить «Нормандия». Вот это корабль!

«Жаль, что я не знаю, как будет задавака по-американски, – подумал Пелле. – Или по-французски».

Но тут появился ещё один кот. Вид у него был очень добродушный. Он вмешался в разговор.

– Это же Жан-Нормандия! – сказал он. – Не обращайте на него внимания. Это самый большой воображала во всей гавани. Он только и делает, что высмеивает пароходы, у которых меньше трёх труб. И это только потому, что на «Нормандии» случайно оказалось именно три. Пошли в город, попьём молочка. Я знаю славное местечко.

Они двинулись в город.

– Ты симатичный, – сказал Пелле новому знакомому, – а как тебя зовут?

– Как меня зовут? – повторил вопрос незнакомец.

– Вот именно, как тебя зовут?

– М-м-м... меня зовут Усатый Мурре. Это потому, что у меня очень длинные усы, как ты и сам видишь.

Они вышли на угол Сорок Второй улицы и Шестой авеню.

– Лестница ведёт вниз, – сказал Усатый Мурре. – Там живёт очень богатый кот, который всегда рад гостям.

– Звучит неплохо, – сказал Пелле. – Пошли все!

Тут Пелле заметил, что Манхэттен-Джим подмигивает ему изо всех сил.

– Что ты подмигиваешь, – спросил Пелле, – не хочешь молока?

– Ну, если у остальных нет желания, тогда пошли, – сказал Усатый Мурре и протянул Пелле лапу.

– Конечно, пошли, – сказал Пелле. – Я никогда не отказываюсь от миски молока.

– Спасибо, конечно, – сказал Манхэттен-Джим, – но ни у Пелле, ни у нас нет времени. Мы приглашены на обед в другом месте. Пошли, Пелле! Мери!

– На обед? – удивился Пелле. – Что-то я ничего об этом не слышал! Лучше я пойду с Усатым Мурре и похлебаю молока.

– Ты пойдёшь с нами! – сказал Манхэттен-Джим и больно ткнул Пелле локтем. – Вот так! Пока, Усатый Мурре! Если ты, конечно, Усатый Мурре! – добавил он, пристально глядя на нового знакомого.

– Ты что, с ума сошёл? – прошипел ему Пелле. – Что это всё значит?

– Г.Б.! – прошептал Манхэттен-Джим! – Он из Гангстерской Банды. Я сам видел у него на правой задней поду-

шечке татуировку – «Г.Б.»! И никакой он не Усатый Мурре! Пошли скорее!

– Ты что, хочешь сказать, что этот приветливый незнакомец...

– Они все очень хитрые там, в Г.Б., – оборвал его Манхэттен-Джим, – и умеют притворяться. И запомни раз и навсегда: надо быть настороже, когда знакомишься с кем-нибудь!

И они поспешили к Пятой авеню. Добродушная физиономия Усатого Мурре приняла злобное и коварное выражение.

– На этот раз ты улизнул, – сказал Усатый Мурре, которого на самом деле звали Гангстер-Мурре. – Но ты всё равно нам попадёшься!

Глава восьмая

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ МЕРТА НА ВЫСТАВКЕ

«Манхэттен-Джим и Мери очень симпатичные, – подумал Пелле, проснувшись на следующее утро, – но хорошо было бы побродить самому. Теперь-то уж Гангстерская Банда меня не обманет, будьте уверены. Поеду-ка я на выставку! Там, в пригороде, Г.Б. не появляется».

На выставку! Пелле удалось сесть в подземку. Раздался ужасный вой и скрежет, Пелле забился под скамейку и испуганно облизывал свой розовый нос, но потом поезд вынырнул на поверхность, и страх сразу прошёл.

И вот наконец он увидел выставку: множество самых разнообразных белых домов. Поезд остановился и все вышли. Пелле тоже.

У входа стояли десятки турникетов, но для котов турникеты не предусмотрены, поэтому Пелле без всяких затруднений проскользнул мимо контроля, прячась в ногах

посетителей. На выставке было очень шумно и оживлённо, громкоговорители работали на полную мощность, маленькие автобусы и смешные вагончики сновали туда и сюда. У всех было хорошее настроение: люди шутили и улыбались. Правда, было очень жарко, так что асфальт обжигал подушечки лап.

Недалеко он увидел шведский флаг.

– Ура! – сказал Пелле сам себе. – Швеция! Туда я и пойду.

Перед шведским павильоном стоял огромный ярко-красный деревянный конь.

– Привет, Полле, – сказал Пелле. – Ведь тебя зовут Полле?

Но конь не ответил. Как он мог ответить, если он был из дерева?

– Всё равно, ты выглядишь превосходно, – сказал Пелле.

И другие посетители тоже так думали. Они смотрели на коня, смеялись и гладили его твёрдую деревянную морду. Какой-то мальчик забрался на спину коня, а другой фотографировал всадника.

Пелле зашёл в павильон. Там росли саженцы шведских берёз, а в небольшом бассейне плавала золотая рыбка. «Свежая золотая рыбка, – подумал Пелле, – отличный завтрак». Он облизнулся. «Лапы мочить неохота, пусть живёт пока. Может быть, на кухне удастся поживиться салакой. Это же, как ни говори, шведская кухня».

Но тут появилась очень аккуратная и изящная кошечка. Она шла легко и грациозно, на шее у неё была розовая шёлковая ленточка, и там стояли две буквы: «В.М.».

Когда Пелле увидел эту надпись, он немного испугался. Кто знает, может быть В.М. ничем не лучше, чем Г.Б.? Но когда он присмотрелся, то успокоился. Такая прелестная кошечка не может быть бандиткой!

– Добрый день, – сказал Пелле. – Можно спросить, что означает В.М.?

– Добрый день, – вежливо ответила киска. – В.М. означает Великолепная Мерта – это я. А тебя как зовут?

– Великолепный Пелле, – сказал Пелле. – Сокращенно В.П. На моей ленточке этого нет, но будь уверена – я и есть Великолепный Пелле. Тоже великолепный!

– А не выпить ли нам по великолепному глоточку молока в баре? – предложила Великолепная Мерта. – У меня там есть знакомый парень, так что никаких трудностей не возникнет.

– Хорошая идея, – сказал Пелле.

И через пять минут они уже пили молоко в баре.

– А ты знаешь Г.Б.? – спросил Пелле.

– Ты имеешь в виду Грету Барбо?

– Нет, Гангстерскую Банду на Сорок Второй улице.

– Я слышала о них, – сказала Великолепная Мерта. – В этом районе надо быть очень осторожным, чтобы не угодить в их подвалы.

– Меня они не обманут! – сказал Пелле.

Глава девятая

БЕДНЯЖКА ВЕСЁЛАЯ ЛОТТА

Они замечательно провели время, Пелле и Великолепная Мерта, но наконец настало время прощаться – Мерте было пора к её хозяевам, да и Пелле подумал, что настало время возвращаться в город.

На станции к нему подошла маленькая белая кошечка. Она сильно хромала.

– Что случилось? – спросил Пелле.

– Ой, я прищемила лапу дверью, – мяукнула незнаком-

ка. – Пожалуйста, помоги мне добраться домой! Можно на тебя опереться? Ты ведь тоже едешь в город?

– Конечно, – бодро сказал Пелле, – конечно, я тебе помогу!

– Как мило с твоей стороны! – сказала кошечка. – Ой, как болит лапка! Как я доберусь домой?

– Всё будет хорошо, – сказал Пелле. – Держись за меня! Это наш поезд.

– Ой, спасибо! – сказала кошечка. Вид у неё был очень добродушный.

– Само собой, – сказал Пелле. – А кстати, как тебя зовут?

– Меня зовут Весёлая Лотта. Я вообще-то очень весёлая. Просто сегодня у меня болит лапка.

Поезд, раскачиваясь, мчался в город.

– Тебе куда? – спросил Пелле.

– Сорок Вторая улица, – ответила Весёлая Лотта. – Дальше я доберусь сама.

– Ни в коем случае, – твёрдо сказал Пелле. – Я провожу тебя до самого дома. Вдруг что-нибудь случится?

– Что может случиться? Не надо меня провожать! Мне надо только добраться до Сорок Второй.

– Я тебя провожу, – сказал Пелле. – И хватит об этом!

Они вышли на Сорок Второй улице. Весёлая Лотта оступилась и опёрлась на Пелле.

– Где ты живёшь?

– Совсем близко, – сказала Лотта. – Несколько ступенек вниз, потом маленький туннельчик, и я дома. Но тебе вовсе не нужно меня провожать!

– Я провожу тебя, – почти крикнул Пелле. – В который раз надо повторять: я тебя провожу!

Они спускались по тёмной лестнице.

– Мы уже почти пришли, – сказала Весёлая Лотта.

Но что это?

Вдруг, откуда ни возмись, появились два страшных чёрных кота и схватили Пелле. А Весёлая Лотта сразу перестала хромать и сделала кульбит. Они оказались в большом мрачном подвале, полном таких же мрачных и страшных котов.

На стене красовалась огромная надпись – Г.Б.! Гангстерская Банда! Это был главный притон Гангстерской Банды!

– Ха-ха! – завопил самый свирепый из всех. Это был Гангстер-Томми. – Ха-ха! И всё-таки ты попался, несчастный урод! Клятву!

И все подняли правые лапы и хором закричали:

– Г.Б.! Б.Г.! – Будь готов!

– Ха-ха-ха! – захохотала Весёлая Лотта. Она теперь выглядела далеко не так добродушно, как пять минут назад. – Как я тебя провела? Я ходила за тобой целый день, уж будь уверен! И лапа у меня в полном порядке, и никакой дверью я её не прищемила!

– Гангстер-Лотта замечательно поработала, – сказал Гангстер-Томми. – Я присваиваю ей наш Орден Пятой степени. Клятву!

– Что такое? – прошипел чёрный кот, в котором Пелле узнал Гангстера-Джека. – Это несправедливо! Почему это ей сразу пятую степень? У меня нет никакой степени, а я тоже поработал для банды будь здоров!

– Награды раздаю только я! – отрезал Гангстер-Томми. – Я – и никто другой!

Вся банда начала угрожающе шипеть.

– Несправедливо! – крикнул кто-то.

– Мы этого не потерпим! – зашипел другой.

– Почему это никто другой не получает орденов? Только одна Весёлая Лотта?

– За какой-то месяц от первой степени до пятой!

– А у меня только третья степень!

- Не потерпим!
- Знать не хотим!
- Нового вожака!
- Долой Гангстера-Томми!
- Нового вожака!

И тут началось! Все десять котов налетели на Гангстера-Томми и они клубком покатились по полу. Они шипели, орали дурными голосами, царапались и плевались, и даже те, кто охранял вход, не удержались и тоже ринулись в драку. Вот это была картина!

Пелле потихоньку отступил к дверям. Никто не обращал на него никакого внимания, и он помчался по тёмным подземным переходам. Не прошло и минуты, как Пелле оказался на светлой Сорок Второй улице.

Он уселся и начал вылизывать свою шёрстку.

- Вот ты где! – воскликнул Манхэттен-Джим.
- Вери уэлл! – сказала Мери.

Они только что вышли из рыбного магазина, где им досталось каждому по прекрасной рыбьей голове.

– Где ты пропадал весь день? – спросил Манхэттен-Джим.

– Я был на выставке и встретил там Великолепную Мерту – ну знаете, с буквами В.М. на ленточке. Кстати, видел и других котов и кошек. Но не пойти ли нам куданибудь поискать сливок?

Глава десятая

В КУСТАХ ЧТО-ТО ЗАШУРШАЛО...

Америка – это не только Нью-Йорк. И если уж ты попал в Америку, стоит немного попутешествовать и посмотреть другие места. Во всяком случае, так считал папа Биргитты и Улле. В один прекрасный день он ре-

шил, что они всей семьёй, и Пелле, разумеется, тоже, должны поехать посмотреть знаменитый Ниагарский водопад.

Манхэттен-Джим и Мери огорчились, услышав эту новость.

– Ага, ты, значит, почапал к Ниагаре, – сказал Манхэттен-Джим.

– Ну, не совсем «почапал», туда недочапаешь, но к Ниагаре я поеду, – сказал Пелле. – Надо же посмотреть Америку и знаменитый Ниагарский водопад.

– Я никогда не любил водопадов, – сказал Манхэттен-Джим. – Брызгет ужасно, в один момент намокнешь, если не поостережёшься.

– А салака в водопадах есть? – поинтересовался Пелле.

– О, бой, – сказал Манхэттен-Джим. – Конечно, нет, тем более в Ниагаре. Но сёмга иногда ловится, если ты, конечно, хочешь мочить лапы. Я уже сказал: водопады – это не для меня. Даже в прудах ничего хорошего нет, но когда вода булькает и ревёт – это отвратительно.

– Но Ниагара – красивый водопад, – вставила Мери.

– А Мери там была? – спросил Пелле.

– О, нет, – ответил за неё Джим. – Кто бы ей позволил такие путешествия.

– А ты сам? Ты был у Ниагарского водопада?

– Я? – сказал Джим. – В каком-то смысле, да. То есть я хочу сказать, я время от времени получаю красивые открытки с видами Ниагары. У меня там две тётки, и они каждый раз шлют мне открытки на день рождения. Так что я вполне представляю, как выглядит Ниагара.

– А как зовут твоих тёток?

– Сара и Клара, – сказал Манхэттен-Джим. – Старушки содержат у водопада молочный бар. Туристы всё

время пьют молоко. Можешь зайти к ним и передать привет. И молока получишь, если будешь хорошо себя вести.

– А у Ниагары тоже есть гангстеры? – спросил Пелле.

– Вряд ли, – зевнул Манхэттен-Джим. – Гангстеры в основном в больших городах. Что им там делать? Так что особых приключений не будет, смотри только, не утони в Ниагаре.

– О, ноу, – сказала Мери. – Ноу приключений.

– Не то чтобы я особенно боялся гангстеров, – сказал Пелле, – но приятно знать, что можно приехать на место, где тебя не выслеживают всё время бандиты.

– Что это там шуршит в кустах? – спросил Манхэттен-Джим. Не успел он это сказать, как оттуда выскочил чёрный кот и скрылся.

– Гангстер, – сказал Манхэттен-Джим. – У них везде шпионы.

– Какая разница, – сказал Пелле, – я всё равно уезжаю.

... А в это самое время в главном гангстерском приюте на Сорок Второй улице чёрный кот делал подробный доклад о своих наблюдениях.

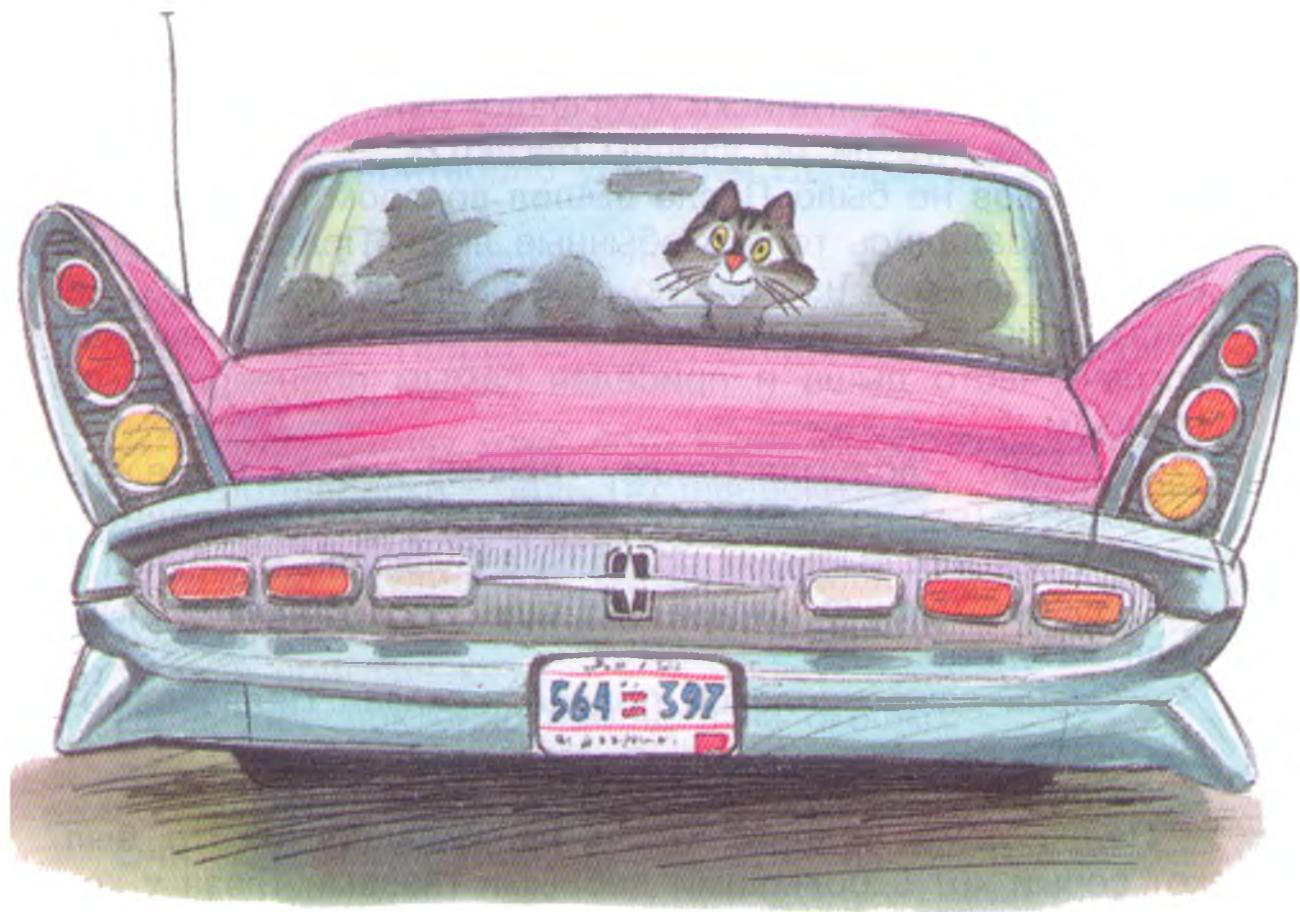

Глава одиннадцатая **БУФФАЛО-БИЛЛ...**

На следующий день всё семейство, включая Пелле, погрузилось в большой шикарный автомобиль. Манхэттен-Джим и Мери наблюдали за отъездом из подвального окошка. Мери даже уронила слезинку.

– Мери что-то попало в глаз, – пояснила она.

– Не забудь передать привет Ниагаре-Кларе и Ниагаре-Саре! – крикнул Манхэттен-Джим. Пелле закивал головой: не забудет!

И машина тронулась в путь. Сначала они ехали по улицам, нырнули в туннель под рекой, потом выехали за город и покатили по белой широкой дороге. На обочине каждую минуту возникали заправочные станции.

Они ехали весь день и остановились только переночевать в маленьком городе, где полицейского звали Петтерссон. Петтерссон говорил на шведском с заметным южным акцентом. Наутро они продолжили путешествие и к середине дня добрались до города под названием Буффало. Здесь они снова собирались переночевать, а наутро ехать к Ниагаре. Ехать туда оставалось всего несколько десятков километров.

«Бывают города с дурацкими названиями, – думал

Пелле, – но такого я ещё не видел. Буффало! Биргитта сказала, что по-английски «буффало» означает – бык. Что здесь, быки, что ли, по улицам бегают?»

Но быков не было. Пелле вышел вечером прогуляться, и ему попадались только обычные люди. Правда, он ещё встретил собаку, настоящую Буффало-собачищу. Из её пасти свисал длинный красный язык. Она бежала ему навстречу, часто дыша и приседая самым пренеприятным образом.

«Странно, – подумал Пелле, – почему собаки такие неуклюжие?» Тем не менее он немедленно решил поинтересоваться, как выглядят подвалы в Буффало, и юркнул в подвальное окошко. Отсюда он слышал, как собака пыхтела на улице.

– Очень даже неплохой подвал, – сказал Пелле самому себе.

– Просто хороший, – раздался голос рядом.

Пелле даже подпрыгнул от неожиданности. Это был кот, серый кот с большими добрыми глазами. Глаза у котов не всегда добрые. Иногда, когда из них сыплются зелёные искры, они выглядят не очень добрыми, я бы сказал, даже злыми. Но у этого Буффало-кота глаза были добрыми.

– Ты, как я слышу, швед, – сказал незнакомец.

– Швед, – подтвердил Пелле. – Иногда я разговариваю сам с собой. Особенно, когда инспектирую подвалы.

– Инспек... что ты делаешь с подвалами? – удивился кот.

– Инспектирую. Ну, осматриваю. Довольно интересно сравнивать подвалы в Буффало и в Тьерпе.

– А ты из Тьерпа?

– Не совсем, – сказал Пелле, – это я так, для примера. Во всяком случае, подвалы здесь неплохие.

– Там собака, – сказал Буффало-кот, кивнув в сторону окошка. – Слышишь, как пыхтит?

– Правда? – притворно удивился Пелле. – Да, собак тут полно.

– Боже мой, – сказал незнакомец, – что ты сделал со своим хвостом?

– Меня зовут Пелле, – представился Пелле. – А тебя?

– Буффало-Билл.

– Там, где я живу, тоже есть Билл. Мы, правда, называем его по-шведски – Биль. По шведски – Биль, по-американски – Билл. И у него есть приятель – Буль.

– Забавно, – удивился Буффало-Билл, – моего брата зовут Булл. У него ресторанчик тут, в городе. Можем пойти туда, я приглашаю.

Пелле обеспокоенно поглядел на окошко.

– Всё спокойно, – сказал Буффало-Билл. – Собака убежала. Слышишь, никто не пыхтит.

Они вылезли на улицу. Собаки и в самом деле не было.

– За мной! – воскликнул Билл и свернул за угол. Вскоре он опять нырнул в подвальное окошко. И Пелле за ним.

Глава двенадцатая

...И БУФФАЛО-БУЛЛ

Подвал оказался довольно просторным. Это был кошачий ресторан. Тут стояли маленькие столики, за ними сидели коты и кошки, ели и пили. Почти все говорили по-американски. Был даже бар, проще сказать, прилавок, около него кошки лакали молоко, сидя на высоких табуретках. Молоко выглядело очень аппетитно. По-видимому, посетители бара тоже так считали, потому что они жму-

рились от удовольствия, а кошки, как известно, жмурятся, когда им попадается что-то особенно вкусное.

К ним подошёл добродушный кот в белом фартуке.

– Хелло, Билл! – сказал он. – У нас новый гость? Добро пожаловать, мистер...

– Пелле, – сказал Пелле.

– Это мой брат, Булл, – сказал Буффало-Билл. – Он хозяин этого ресторанчика, как я уже говорил. О'кей, Булл, что ты нам можешь предложить?

– Очень рекомендую наше фирменное блюдо, бифф а ля Булл, – сказал Буффало-Булл. – Замечательно вкусно! Сочное мясо, первосортная Буффало-мышька.

– Берём, – сказал Билл. – Два биффа а ля Булл. И что-нибудь выпить. Два больших блюдца настоящего Буффало-молока!

– Можем взять одно на двоих, – тихо сказал Пелле. – Что-то ты слишком уж размахнулся.

– Чепуха, – сказал Буффало-Билл. – Не каждый день у нас гости из Швеции. Ешь досыта!

К их столу тут же подсели несколько котов. В Швеции это не принято, а в Америке – сколько угодно, этим Америка и отличается от Швеции. Было очень весело, все громко хохотали. Пелле рассказал новым знакомым, что завтра отправляется к Ниагаре.

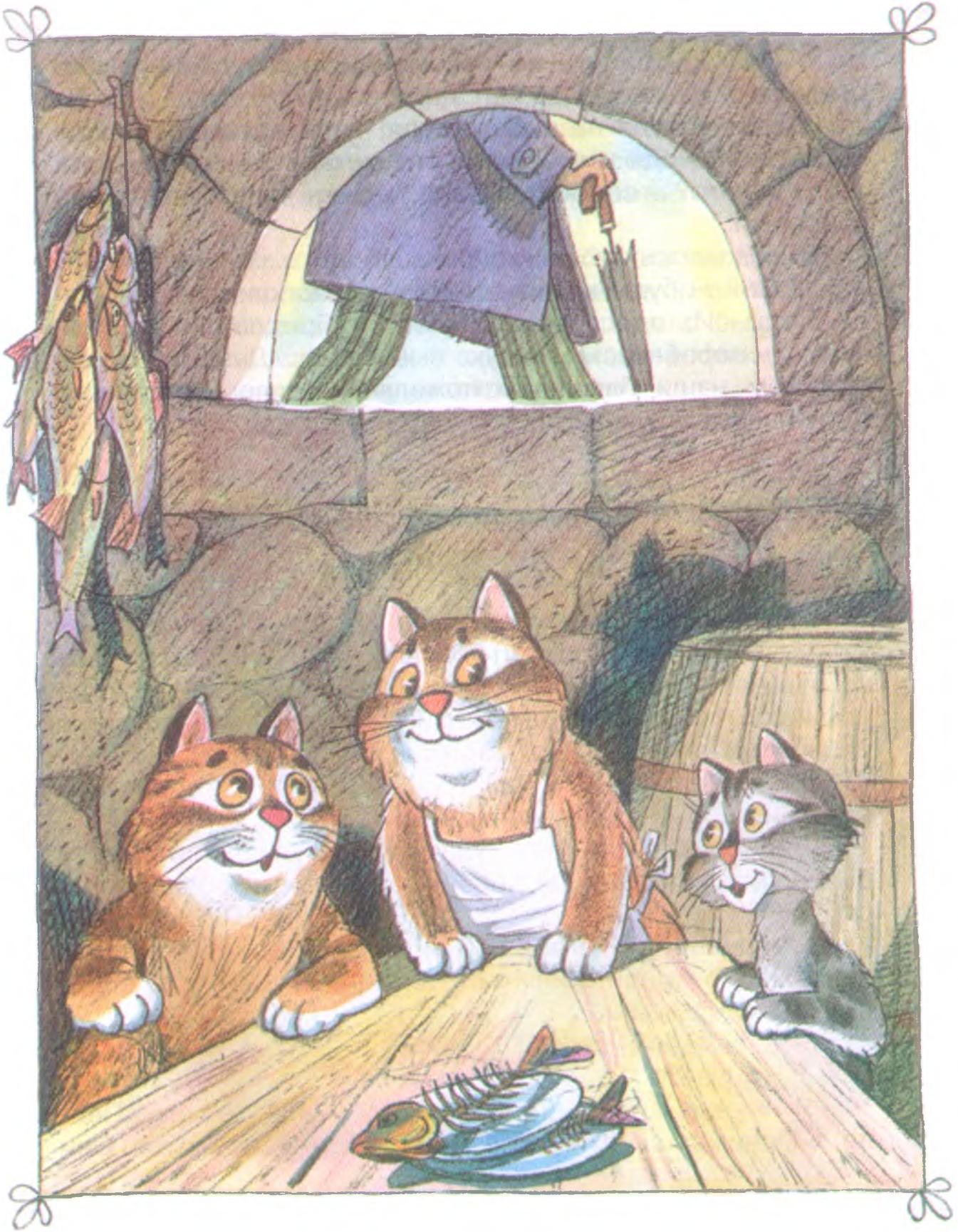
– Увидишь водопад! – сказал Буффало-Булл.

– У нас дома тоже есть водопад, – сказал Пелле. – Даже два. Один на мельнице, а ещё один – у Исландского моста.

– Подумай-ка, а я и не слышал, – сказал кот по имени Бенджамиин.

– Может быть, они не такие большие, как Ниагара, – скромно сказал Пелле. – Но если упадёшь, намокнешь.

– Вода – она и есть вода, – подтвердил Бенджамиин. –

Но в Ниагару падать не рекомендую – оттуда не выберешься.

– Да уж, оттуда не выберешься, – подтвердил незнакомый кот, проходя мимо. Глаза его метали зелёные искры.

– Кто это? – спросил Пелле. – Вид у него довольно свирепый.

Но оказалось, что никто раньше этого кота не видел.

– Какой-нибудь коммивояжёр, – предположил Буффало-Билл. – Их здесь много шляется. Предлагают разную чепуху – воробьёв, молочную сыворотку... Давайте лучше оближем наши блюдца и пожелаем Пелле счастливого пути на Ниагару!

Глава тринадцатая **КЛУБ «НИАГАРА»**

И вот наконец всё семейство вместе с Пелле приехали к Ниагаре. Говорят, что Ниагара на индейском языке означает «грозовая вода» или «водяная гроза», и, когда слышишь, как грохочет знаменитый водопад, в это легко поверить. Пелле сидел и смотрел, как целая река низвергается в пропасть с воем, грохотом, пеной и дымом, и вид у него был задумчивый.

– Воды здесь хватает, – сказал кто-то рядом с ним. Это был незнакомый кот. Он подошёл поближе и поздоровался.

– Меня зовут Ниагара-Никки, – сказал он. – Я, видишь ли, помогаю ориентироваться тем, кто здесь у нас впервые. Ты здесь один?

– Я с семьёй, – сказал Пелле.

– Ты женат?

– Я имею в виду человеческую семью, – пояснил Пелле. – Понимаешь, я живу в семье, и мне нравится. Они

все очень добрые и славные – и Биргитта, и Улле и их мама и пapa. Но сейчас они там карабкаются с площадки на площадку чуть ли не под самым водопадом, так что у меня нет никакого желания их сопровождать. Зачем мокнуть без нужды? Отсюда смотреть гораздо приятнее.

– Но ты согласен, что это красиво? – сказал Никки.

– Конечно, красиво, – согласился Пелле, – но уж слишком шумно. Немножко тишины не повредило бы.

– Быстро привыкаешь, – сказал Ниагара-Никки. – Может, пройдёмся, посмотрим окрестности?

– Спасибо, с удовольствием, – сказал Пелле.

– Я член клуба под названием «Ниагара-клуб», – сказал Никки. – Это самый прекрасный клуб в мире. У нас есть своя хижина вон там, над рекой. Не пойти ли нам туда? Там и сливки есть.

– Замечательно, – сказал Пелле и облизнулся. – Сливки в такой момент – лучше не придумаешь.

Пелле и Ниагара-Никки двинулись в путь. По дороге они встретили маленького, чёрного как уголь кота с корзинкой.

– Покупайте сувениры! – кричал он. – Покупайте сувениры с Ниагары!

– Что такое – сувениры? – спросил Пелле.

– Это значит вещицы на память. Но у него не надо покупать. Он негр.

– Этого я никогда не пойму. Если кот добрый и хороший, какая разница – негр он или нет. Если я вредный и злобный, то я куда хуже доброго и славного кота-негра, а если я добрый, то я ничем не лучше доброго негра. А если негр злобный, то он такой же злобный, как и любой другой кот. Какое значение имеет, розовый у него нос или чёрный!

Никки ничего не ответил, а Пелле купил игрушечный крысиный хвост, на котором мелкими буквами было написано: «Сувенир с Ниагары».

– Я бы не покупал такую ерунду, – проворчал Никки.

Остаток пути до клуба «Ниагара» они шли молча.

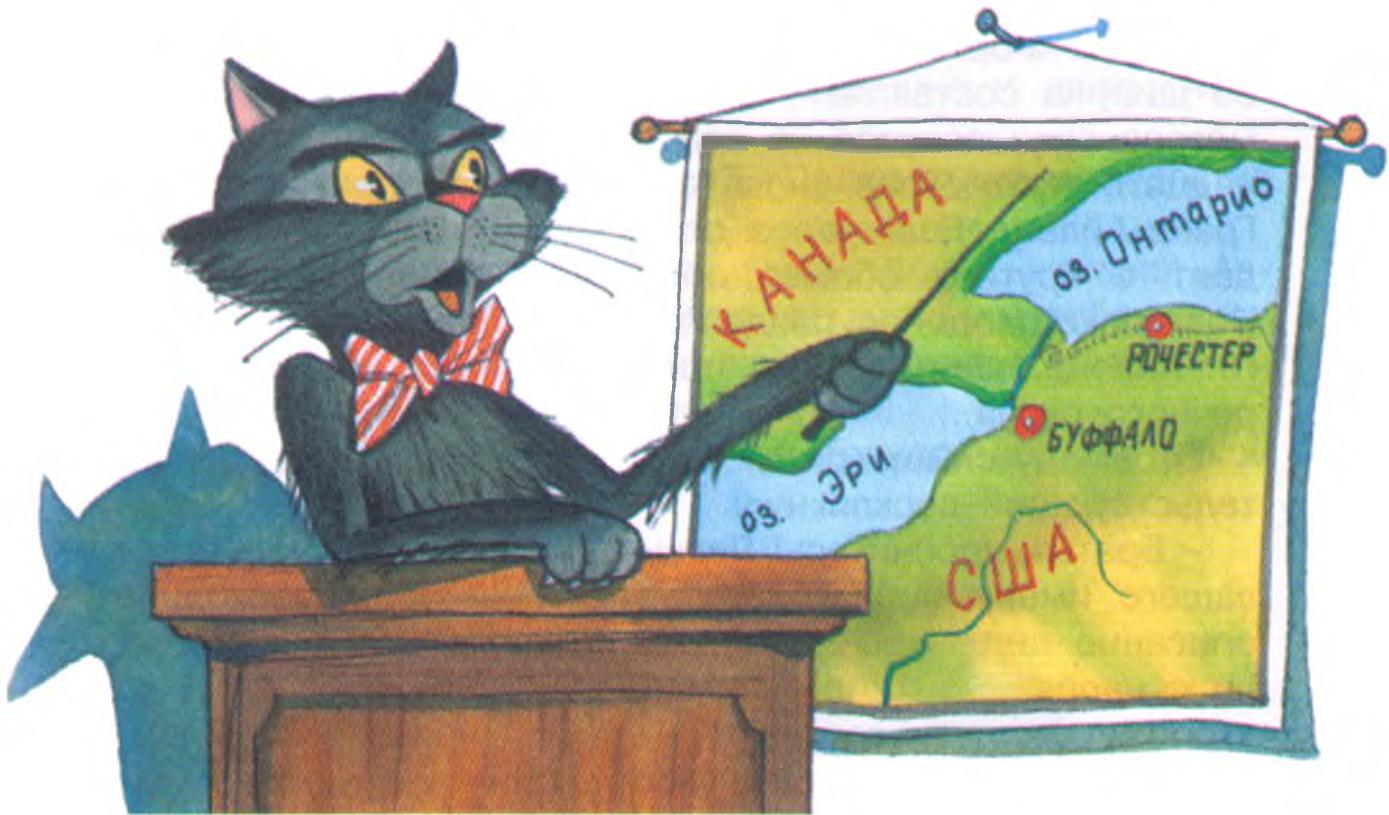
– Хелло! – закричали сразу несколько котов и кошек. – Хелло, Никки! Кто это с тобой? Хелло, бой, как тебя зовут?

– Меня зовут Пелле.

– А фамилии у тебя нет? – спросил кто-то.

– Нет, – сказал Пелле. – Чего нет, того нет.

– Добро пожаловать в нашу компанию! – сказал большой жирный кот. Было сразу видно, что он председатель клуба. Его звали Август.

– Спасибо, – сказал Пелле. – Я слышал, что у вас тут замечательный клуб.

– Уже будь уверен, – сказал Август. – Каждый раз, когда мы собираемся, мы слушаем лекцию о Ниагаре. Ты как раз попал к началу собрания. Господа, прошу занять свои места. Пелле – наш почётный гость, прошу сюда. Собрание открыто! Прошу произнести клятву клуба!

И все хором закричали:

– Ния, ния, ния, гара, гара, гара, НИА – ГАРА!

– Как всегда, мы начнём с лекции, – сказал Август. – Слово имеет брат Ниагара-Никки.

– Братья, – начал Никки и достал большой лист бумаги. – Ниагара – это река в Северной Америке длиной пятьдесят восемь километров. Эта река связывает великие озера Эри и Онтарио и образует естественную границу между штатом Нью-Йорк и провинцией Онтарио в

Канаде. В Форте Эри, там, где начинается река Ниагара, её ширина составляет 1200 метров. Через десять километров река делится на два рукава, которые через пятнадцать километров вновь соединяются, образуя остров Гранд-Айленд. Ещё через семь километров река ниспадает с крутого обрыва, образуя всемирно известный Ниагарский водопад, разделённый на две части островом Гот-Айленд, занимающим приблизительно третью часть речного русла...

Отовсюду слышался громкий храп. Наконец, председательствующий воскликнул:

– Братья, проснитесь! Лекция окончена. Позвольте от вашего имени поблагодарить лектора за превосходное описание редчайшего явления природы. Все мы слушали с напряжённейшим вниманием. Теперь переходим ко второму пункту повестки дня – приём новых членов клуба. Я позволю себе предложить принять в члены клуба «Ниагара» Пелле, фамилия отсутствует.

– Браво! – закричали остальные.

– Пелле избран! – воскликнул Август под громкие аплодисменты.

«Не понимаю, – подумал Пелле, – зачем я им так нужен в этом клубе. Но такая честь, во всяком случае, довольно приятна».

Глава четырнадцатая **ИСПЫТАНИЕ БОЧКОЙ**

– Осталась только одна пустая формальность, – сказал Август. – Ты должен пройти испытание бочкой.

– А что это такое – испытание бочкой? – спросил Пелле.

– Дело обстоит так, – сказал Август. – Все вновь при-

нятые члены клуба должны пройти так называемое испытание бочкой. Это совсем не страшно, и даже очень весело.

– А в чём оно заключается? – Пелле стало немного не по себе.

– Видишь, вон там лежит пустая бочка, – сказал Август. – Ты должен в неё залезть, а мы будем тебя катать по траве. И если у тебя не закружится голова, ты станешь полноправным членом клуба!

– Вот оно что! – сказал Пелле. Тревогу его как рукой

сняло. – Ничего у меня не закружится, вот увидите! Пойшли к бочке!

Август и Никки обменялись многозначительными ухмылками.

На берегу в кустах и в самом деле лежала бочка.

– Это и есть клубная бочка! – сказал Август.

– Выглядит очень уютно, – сказал Пелле.

– Ещё бы! – сказал Никки. – Мы будем, понимаешь ли, катать тебя по траве.

– Я думаю, это очень весело, – сказал Пелле. – Ну что, залезать?

– Залезай, – сказал Август, и Пелле протиснулся в бочку.

– Осталось только крышку закрепить, и можно кататься, – сказал Никки. И они с Августом начали возиться с крышкой.

Вдруг Пелле своими чуткими ушками услышал, что кто-то скребёт по дну бочки.

– Что там такое? – спросил Пелле.

– Ш – ш – ш... Я твой друг, Пелле. Ты в опасности, и я тебе помогу. Ты должен попытаться выскочить через дно. Оно плохо закреплено. Видишь большую щель? Толкай дно изо всех сил, а я буду тянуть отсюда. Надеюсь, щель станет шире и ты сможешь вылезти. Я сижу в кустах, они меня не видят. Они все с другой стороны.

– Но они симпатичные! – сказал Пелле.

– Они – бандиты, – прошептал голос снаружи. Они хотят столкнуть тебя в Ниагару.

И тут Пелле испугался. Он напрягся изо всех сил, и с помощью неизвестного друга ему удалось выскочить в щель между дном и стенкой бочки.

– Быстро, прячься в кустах! – прошипел его спаситель.

Коты-бандиты ничего не видели, они были заняты крышкой. Наконец им удалось её закрепить.

– Ну, теперь-то ты прокатишься, Пелле! – заорал Август. – Помогайте! Толкайте бочку в реку!

И вся банда покатила бочку к реке и столкнула её в воду. Бочка встала торчком и поплыла к водопаду.

А в кустах сидели Пелле и Буффало-Билл – да, да его таинственный спаситель был не кто иной, как Буффало-Билл.

– Наконец-то! – воскликнул Август. – Наконец-то мы с ним покончили! Что не удалось главной конторе Г.Б. в Нью-Йорке, то удалось нам, скромному ниагарскому филиалу! Братья по Г.Б., произнесём клятву!

Коты подняли правые лапы и завопили:

– Г.Б., Б.Г. – будь готов!

И тогда Пелле и Буфалло-Билл вышли из-за кустов.

– Надеюсь, бочка довольна путешествием, – сказал Пелле. – Доброе утро, господа!

И Пелле с Буффало-Биллом дали стрекача.

Можете себе представить, как удивлены и разочарованы были члены ниагарского филиала Гангстерской Банды!

* * *

– Как ты здесь очутился? – спросил Пелле.

– Я, видишь ли, детектив по натуре. Ты ведь помнишь того неприятного кота в ресторане у Буффало-Булла? Мне удалось узнать, что это шпион, посланный Гангстерской Бандой в Нью-Йорке. Он следил за тобой с самого отъезда. Они точно знали, что сегодня ты приедешь к Ниагаре, и подготовили этот номер с бочкой. Но, как видишь, остались с носом.

– Но я всё-таки не понимаю, как ты здесь очутился.

– Я решил, что лучше не выпускать тебя из виду, – ска-

зал Буффало-Билл, – поэтому, когда утром вы уезжали из Буффало, я просто-напросто сел на буфер вашей машины.

– Ты не просто Буффало-Билл, – сказал Пелле, – ты самый лучший в мире Буффало-Билл. И сегодня моя очередь пригласить тебя пообедать. Ты случайно не знаешь молочный бар Ниагары-Сары и Ниагары-Клары?

– Это самый лучший бар у Ниагары, – сказал Буффало-Билл.

– Пошли! – сказал Пелле. – Я угощаю!

Глава пятнадцатая

ПУЛЬМАНОВСКИЙ ВАГОН В ЧИКАГО

Второй по величине город в Америке называется Чикаго. Все, кто живёт в Чикаго, уверены, что Чикаго намного красивее Нью-Йорка, и кошки в Чикаго тоже так считают. Точно так же, как и у нас в Швеции – люди и кошки из Гётеборга абсолютно убеждены, что Гётеборг намного красивее Стокгольма.

Кстати, если уж речь зашла о Гётеборге – в Чикаго живёт больше шведов, чем в Гётеборге. И то же самое с кошками. В Чикаго неимоверное количество шведско-американских котов, которые знают как американский, так и шведский кошачий язык.

Бесхвостик Пелле и вся семья направлялись в Чикаго. К Ниагаре они ехали на машине, а в Чикаго – на поезде. Будьте уверены, американские поезда просто замечательные, и они мчатся с такой скоростью, что ничего не успеваешь рассмотреть за окошком – всё так и мелькает.

Если поездка долгая, люди обычно покупают билеты в спальный вагон. Спальный вагон называется пульманов-

ский вагон. Говорят, был такой старишок по фамилии Пульман, и он придумал ставить в вагонах диваны.

Пелле очень понравилось ехать в пульмановском вагоне. Он, как обычно, лежал в ногах у Биргитты, свернувшись клубочком и уткнув нос в одеяло.

Он уже почти заснул, как вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Он открыл глаза и увидел, что из-за занавески (в пульмановских вагонах нет дверей, только занавески), так вот, из-за пульмановской занавески торчит чёрный кошачий нос.

Пелле услышал негромкое шипение и тоже слегка зашипел, очень тихо, чтобы не разбудить Биргитту.

– Ты кто такой? – спросил черноносый.

– Пелле, я путешествую по Америке, а ты кто?

– Не думал, что в поезде есть кто-то, кто меня не знает, – сказал черноносый. – Потому что важнее меня здесь никого нет. – И он высоко задрал свой чёрный нос.

– Я, видишь ли, первый раз еду на поезде, – сказал Пелле. – Откуда мне знать, кто ты такой.

– Есть ещё такие, кто ничему не учится, – сказал неизвестный. – Как бы то ни было, это я и есть – Пульман-Булл.

– Пульман-Булл, – повторил Пелле. – А ты не родственник Буфалло-Булла?

– Двоюродный брат, – сказал Пульман-Булл.

– А ты что, стрелять любишь? – спросил Пелле.

– Что ты имеешь в виду? – наморщил нос Пульман-Булл.

– Я имею в виду твоё имя – Пульман. Или это потому, что ты бегаешь как пуля?

– Ты думаешь, что очень остроумный? – нахмурился Пульман-Булл. – Я бы посоветовал тебе быть поосторожнее со своими высказываниями, в противном случае...

– Я просто пошутил, – сконфуженно облизнулся Пелле.

– Если пошутил, то неостроумно, – мрачно сказал Пульман-Булл. – Но я хочу тебя предупредить, что в Чикаго чуть ли не каждый подвал полон гангстеров, так что будь поосмотрительнее, если жизнь дорожа. Кстати, где твой хвост?

– Я его оставил в Швеции, – сказал Пелле, – чтобы не таскать лишний багаж.

Пульман-Булл заворчал и двинулся дальше по коридору. У него совсем не было чувства юмора.

Пелле стало не по себе. Снова гангстеры, на этот раз в Чикаго! Вдруг они всё-таки поймают его и запрут в одном из своих тёмных подвалов, как уже пытались сделать в Нью-Йорке!

Пелле вздохнул и снова свернулся клубочком в ногах у Биргитты.

Глава шестнадцатая **МИЧИГАН-МИССЕ**

Чикаго был и в самом деле очень красивый город. Голубое небо, солнце, свежий ветерок с озера – Пелле чувствовал себя превосходно. Он вышел прогуляться на набережную.

Навстречу Пелле попался совершенно белый кот. На шее у него была ленточка, а на ленточке красовалось не что иное, как маленькое изображение шведского флага.

– Земляк, я думаю, – обратился к нему Пелле.

– Нет сомнений, – подтвердил тот. – А кто ты такой?

– Пелле, я путешествую по Америке. А тебя как зовут?

– Обычно меня называют Мичиган-Миссе, – сказал белый кот. – Мичиган – это название здешнего озера, это самое красивое в мире озеро с самой вкусной в мире рыбой.

– Рыба – это хорошо, – облизнулся Пелле. – А как у вас с мышками?

– Ни одной, – сказал Мичиган-Миссе. – Тут слишком чисто и красиво, мыши здесь не водятся. А жаль. Жаль, что мышей нет. Видишь вон тот белый небоскрёб?

– А-а-а... этот, – протянул Пелле. – Не особенно высокий. Этажей пятьдесят, шестьдесят... Если бы ты побывал в Нью-Йорке...

– Как бы то ни было, это самый чистый небоскрёб в мире, – продолжил Мичиган-Миссе. – Этот небоскрёб принадлежит королю жевательной резинки, а он просто помешан на чистоте. Он решил, что дом надо всё время мыть. И вот куча народу с утра до ночи трут его с мылом, тряпками, щётками и чем попало. Поэтому дом такой чистый. Настоящее украшение города.

– Пожалуй, – сказал Пелле, – в самом деле – украшение.

– Изумительный город – Чикаго, – гордо сказал Мичиган-Миссе. – Здесь нельзя жить как свинья.

– Я вообще-то нигде не хотел бы жить как свинья, – сказал Пелле.

– Особенно в Чикаго. Потому что здесь самые большие в мире бойни. Там забивают тысячу свиней в секунду... Фу! На меня села пылинка!

И он начал изо всех сил вылизывать свою белую шубку.

Завершив эту процедуру, он спросил:

– А не пойти ли нам в Ш.К.К.?

– А что это – Ш.К.К.? – спросил Пелле.

– Шведский Кошачий Клуб, – ответил Мичиган-Миссе, – замечательный клуб, можешь не сомневаться. У нас собственный подвал в шведском консульстве, там есть бар. Босоногий Лассе делает превосходные молочные коктейли. Раз в неделю у нас праздник – мы соревнуем-

ся, кто лучше мякует, кто лучше шипит, танцуем народные танцы так, что подушечки болят на лапах. И едим рыбу – мичиганскую селёдку, мичиганскую кефаль, мичиганскую щуку и мичиганского налима. Я думаю, Ш.К.К. – самый лучший клуб в Америке.

– Туда бы я сходил, – сказал Пелле. – Когда ты заговорил о рыбе, я понял, что голоден.

– Тогда пошли.

За разговором они вышли на улицу. По улице непрерывным потоком мчались машины и автобусы.

– За мной! – крикнул Мичиган-Миссе и бросился наперерез движению. Пелле попытался следовать за ним, но он не привык к чикагскому движению, поэтому, чуть не попав под машину, вернулся на тротуар.

Он сидел и грустно глядел на мчащиеся машины.

Глава семнадцатая **КРАСНЫЙ УЖАС ЧИКАГО**

– Не так-то просто перейти улицу в Чикаго! – Рядом с Пелле неизвестно откуда появился чёрный кот.

– Перейти улицу? – повторил Пелле, пытаясь сделать вид, что просто наблюдает за машинами. – Довольно оживлённое движение у вас в Чикаго.

– А куда ты собрался? – спросил чёрный.

– Если тебе так уж интересно, я собрался в Ш.К.К., Шведский Кошачий Клуб. Со мной был Мичиган-Миссе, но он куда-то исчез в этой суматохе.

– Я могу пойти с тобой, – вкрадчиво сказал незнакомец. – Я тоже хотел зайти в Ш.К.К. Но мы пойдём другой дорогой. Если мы сейчас свернём налево, то доберёмся в один миг.

– А как же Мичиган-Миссе? – спросил Пелле. – Он, на-

верное, сидит на той стороне улицы и дожидается меня. Если я не приду, он огорчится.

– Обойдётся, – сказал чёрный. – Он сообразит, что ты пошёл другой дорогой. Пошли скорее в Ш.К.К. Там будет очень весело. Очень, очень весело! – повторил он с широкой улыбкой.

Пелле шёл за новым знакомым и удивлялся, насколько добры и приветливы чикагские коты. «Это, наверное, потому, что здесь так чисто, – размышлял он. Когда так чисто, просто невозможно быть злым и неприветливым – достаточно только поглядеть вокруг».

Они бежали по улицам Чикаго. Наконец чёрный кот остановился у подвального окошка.

– Это здесь, – сказал он.

– А шведское консульство в этом доме? – спросил Пелле.

– Нет, – удивился чёрный. – А почему оно должно здесь быть?

– Так сказал Мичиган-Миссе. Он сказал, что Шведский Кошачий Клуб находится в том же доме, что и шведское консульство.

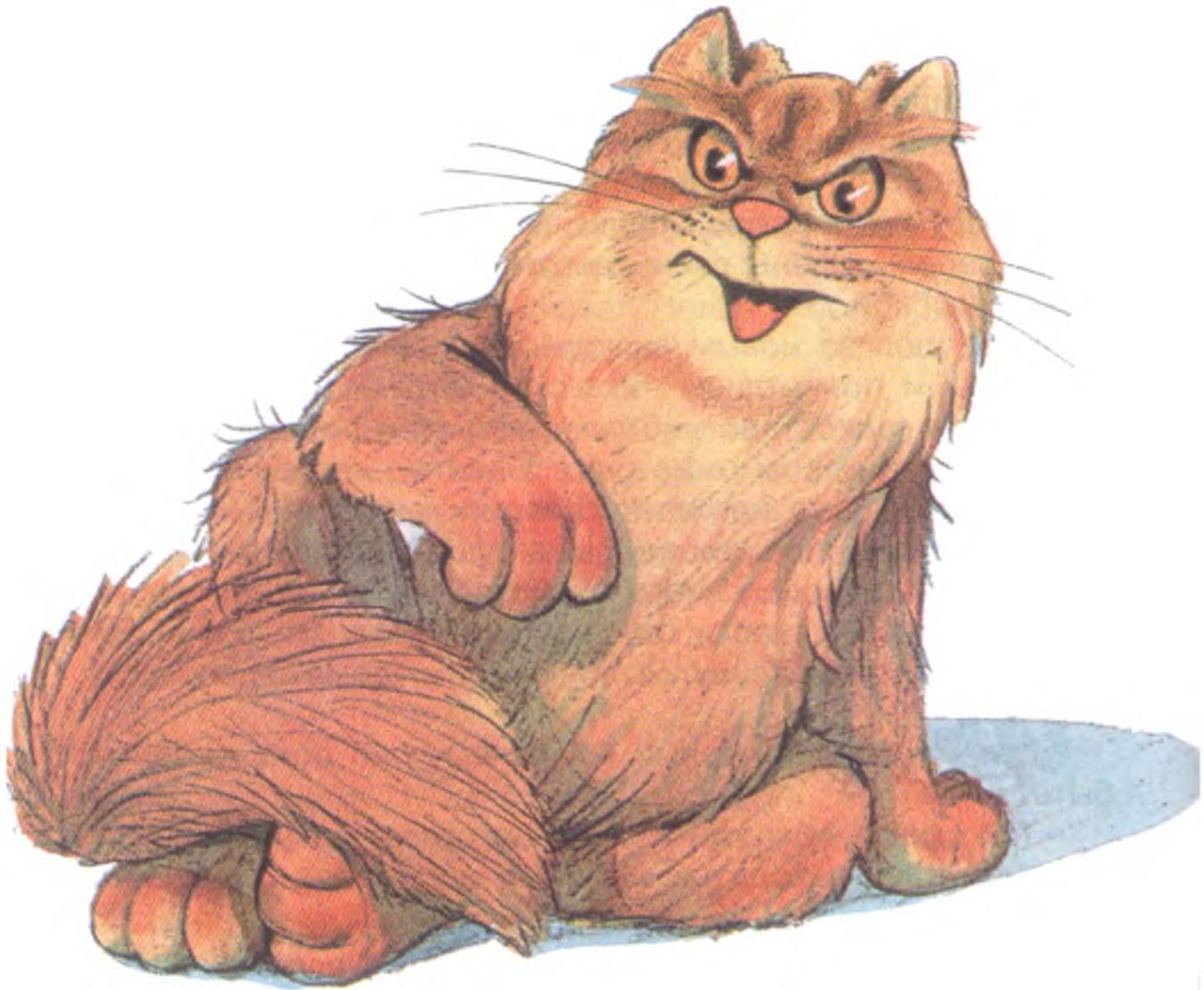
– Ах да, конечно, консульство! Я видишь ли, немного глуховат на левое ухо, мне послышалось, ты сказал... консерватория... а консульство да, консульство здесь. Но пошли уже, а то они веселятся там без нас.

Они нырнули в подвальное окошко и двинулись по длинному тёмному переходу. Стены были влажными, и Пелле поёжился.

– Там дальше лучше, – сказал чёрный. – Это у нас только прихожая такая. Сейчас мы придём в большой зал, и ты познакомишься с председателем Ш.К.К.

И он широко улыбнулся. Пелле робко улыбнулся ему в ответ. Кто-то с шумом пролетел у них над головой.

– Кто это? – испуганно спросил Пелле.

— Это всего-навсего клубная летучая мышь, — засмеялся чёрный. — Она всё время летает и хлопает крыльями. Очень уютно.

«Странные у них понятия об уюте», — подумал Пелле, но промолчал, не желая показаться невежливым.

Вскоре они оказались в большом подвале, где сидело множество котов.

«Так это и есть Шведский Кошачий Клуб, — подумал Пелле, — только почему у них такой коварный вид? Почему...»

О ужас! На стене белой краской были намалёваны две

большие буквы: «Г.Б.» – Гангстерская Банда! Пелле угодил в самый жуткий притон чикагской Гангстерской Банды!

За главаря у них, похоже, был здоровенный рыжий кот. Он подошёл и уставился Пелле прямо в глаза.

– Ха! Ха-ха! Вот ты и попался, наконец! Неплохая добыча, Чикаго-Викке!

– Стаемся, – сказал Чикаго-Викке, тот самый чёрный кот, который его сюда привёл, и напыжился.

– Ха-ха! – снова хохотнул рыжий. – Запомни: меня зовут Красный Ужас Чикаго. Я – главный в чикагской Гангстерской Банде, и теперь ты наш пленник, бесхвостое чучело! Что скажешь? Что? Ничего? У тебя языка тоже нет, как и хвоста? Уж будь уверен, мы тебя из виду не выпускали, и теперь ты попался. Настоящий киснепинг.

– Настоящий киснепинг! – заорали остальные.

– Братья по Г.Б.! – клятву! – торжественно сказал рыжий.

И тогда все подняли правые лапы:

– Г.Б., Б.Г. – будь готов!

Глава восемнадцатая

СПРАВЕДЛИВЫЙ ДУШ

– Пленника надо накормить! – сказал Красный Ужас Чикаго.

Пелле не удержался, чтобы не облизнуться. Речь зашла о еде, а он уже проголодался.

Чикаго-Викке протянул ему какой-то небольшой прямоугольный предмет.

– Ешь! – прорычал он.

«Что это может быть, – подумал Пелле, – надеюсь, что не яд». Он сунул в рот загадочную штуку и принялся жевать. Нельзя сказать, чтобы это было невкусно, но оно застревало в зубах, причём самым неприятным образом.

Пелле жевал, и открывал рот, и даже попробовал поковырять во рту лапой. Все хотели.

– Настоящая чикагская жвачка! – сказал Чикаго-Викке. – Сплошная польза для зубов.

У Пелле был очень несчастный вид.

– Поел – за работу! – сказал Красный Ужас Чикаго. – Дом должен быть вылизан. И это сделаешь ты!

«Ничего себе удовольствие, – подумал Пелле. – Себя вылизать – замечательно. Знакомую киску. Биргитту или Улле, на худой конец. Но целый дом! Это даже представить себе трудно, и к тому же наверняка ужасно невкусно!»

– Не думай, что сумеешь улизнуть, – сказал Красный Ужас Чикаго. – Охрана не дремлет! Все во двор!

Вся Гангстерская Банда устремилась в тёмные проходы. Над головой опять, хлопая крыльями, пролетела летучая мышь.

«Мне теперь, наверное, никогда не удастся вернуться в Швецию», – подумал Пелле, и на глаза его навернулись слёзы.

Во дворе стояла высокая лестница. Она была прислонена к стене дома.

– Это хорошо, – сказал Красный Ужас Чикаго, – лестница на месте. Лезь! – крикнул он Пелле. – Лезь на самую верхнюю ступеньку! Там и начнёшь вылизывать. И лижи на совесть! Потом будешь постепенно спускаться. Потом мы передвинем лестницу, и опять начнёшь сверху. Работы хватит, можешь быть уверен! Ха-ха! А мы будем внизу сторожить, так что удратать тебе не удастся. Ни-ни! За работу! Марш на лестницу! И Пелле полез на самую верхнюю ступеньку.

– Лижи! – заревел Красный Ужас Чикаго.

Пелле ничего не оставалось, как начать вылизывать дом. Ух, как это было невкусно!

Но что это? В окне, как раз напротив него, что-то мелькнуло. И оттуда выглянул кот – белый кот! Мичиган-Миссе!

– Притворись, что ты меня не видишь! – шепнул Мичиган-Миссе. – И прыгай в окно. Только хорошенько оттолкнись: одна лапа там – другая здесь! Теперь я носом открою окно...

Внизу во дворе никто ничего не заметил. Пелле напрягся, собрался для прыжка, оттолкнулся что есть сил и скрылся в окне.

– Теперь бежим! – сказал Мичиган-Миссе. – Только сначала помоги мне перевернуть эту бочку!

Бочка была с ледяной водой. Они перевернули бочку – и через секунду свора насквозь промокших гангстеров с рёвом ринулась в свой подвал – только хвосты замелькали.

Глава девятнадцатая

В ПОИСКАХ ФИЛАДЕЛЬФИИ-ФИЛЛЕ

– Ну вот, мы посмотрели и Нью-Йорк, и Чикаго, теперь настала очередь Филадельфии, – сказал папа. – Филадельфия – третий по величине город Америки.

«Отлично, – подумал Бесхвостик Пелле, – там-то я и разыщу Филадельфию-Филле!»

Пелле со своей семьёй приехал в Филадельфию в воскресенье. Стояла немыслимая жара, и на улицах было очень мало народу. Большинство горожан уехало за город, другие искали защиту от жары в прохладных церквях. В Филадельфии очень много церквей.

И как раз около церкви Пелле повстречался с первым городским котом. Тот лежал и нежился на солнышке у входа на кладбище. Пелле решил, что надо сразу приступить к розыскам Филле. Он подошёл к незнакомцу и внимательно его осмотрел. Нет, вряд ли это Филадельфия-Филле. У Филле одно ухо чёрное, другое белое, а у этого оба уха серые. И сам кот был серый.

– Хелло, бой! – сказал Пелле. Он уже немножко научился говорить по-американски.

Кот приоткрыл глаза.

– Извини, – сказал Пелле. – Я ищу Филадельфию-Филле.

Незнакомец сладко зевнул и потянулся. Лапы у него сделались длинными, как ходули. Но он ничего не сказал.

Пелле облизнулся.

— Видишь ли, — повторил Пелле, — мне очень нужно найти Филадельфию-Филле.

Тот поднялся, медленно и лениво, и выгнул спину. Он вдруг стал высоким, как ворота. Потом ещё раз зевнул и сказал:

- Вот оно что! Ты ищешь Филадельфию-Филле?
- Вот именно, — подтвердил Пелле. — Ты его знаешь?
- Так ты сказал — Филадельфию-Филле? — сонно переспросил кот.
- Да, — сказал Пелле. — Филадельфию-Филле. Он племянник Старушки Майи из часовни. Ты с ним знаком?
- Не совсем, — сказал кот, подумав, и на всякий случай

ещё раз зевнул. – Пожалуй, что нет. Филадельфию-Филле я не знаю. Но если это тебя может утешить, я знаком с Филадельфией-Фриппе. А теперь я хочу спать. Спокойной ночи!

И он снова свернулся калачиком у стены.

Пелле разочарованно вздохнул, но всё-таки решил не терять надежды. Он побрёл дальше и вскоре увидел кота, нырнувшего в подвальное окошко.

«За ним, – подумал Пелле. – Нельзя упускать ни одной возможности».

В подвале оказался очень уютный кошачий молочный бар. Там было довольно много кошек, и все занимались тем, что старательно лизали молоко и сливки.

Пелле огляделся. Нет ли среди них кота с белым и чёрным ухом? Нет... почему нет? Вон там сидит маленький чёрный кот, и одно ухо у него белое! Пелле даже подпрыгнул от радости.

Но это был всего лишь маленький котёнок. Он лакал сливки настолько увлечённо, что забрызгал левое ухо.

– Прошу прощения! – сказал Пелле смущённо, но не смог удержаться, чтобы не вылизать ему ухо.

«Неплохие сливки в Филадельфии!» – сказал Пелле про себя.

Котёнок был настолько увлечён своим занятием, что ничего не заметил. Он лакал, брызгался и чихал.

К Пелле подскочила какая-то кошка и рассерженно прошипела:

– Я вылизываю моего ребёнка сама! Иди отсюда и лизи что-нибудь другое!

«Лучше не ссориться», – подумал Пелле и направился к бару.

– Вы случайно не знаете, нет ли здесь Филадельфии-Филле? – спросил он.

– Нет, но у нас есть замечательное филе-Филадельфия, – сказал ему кот-бармен. – Сочное и нежное филе-Филадельфия. Закажете?

Глава двадцатая

РАДИОПЕРЕДАЧА

Филадельфии-Филле нигде не было. И никто не был знаком с котом, у которого одно ухо было бы чёрным, а другое – белым.

– Какая досада! – вслух сказал Пелле сам себе. Он сидел на углу улицы и выглядел очень несчастным.

– Тебе грустно? – доброжелательно спросил незнакомый кот и уселся рядом с ним.

– Немножко, – признался Пелле. – Я ищу Филле, а найти не могу.

– А почему бы тебе не объявить розыск по радио? – спросил подошедший.

– А это можно?

– Разумеется. У филадельфийских кошек есть собственная радиостанция. Там каждый день играет филадельфийский кошачий симфонический оркестр, передают новости: например, сколько мышей осталось в Филадельфии, кто из кошек приехал, а кто уехал, в общем, обо всём, так что ты всегда в курсе событий. И если ты хочешь найти своего друга, то самое лучшее – объявить розыск.

– Здорово! – воскликнул Пелле. – Как хорошо, что я тебя встретил!

– Рад услужить, – сказал незнакомец. – Я думаю, мы прямо сейчас двинемся на радио. Я знаком с директором, так что он тебе поможет.

– Как это мило с твоей стороны, – сказал Пелле и последовал за новым знакомым.

Они довольно долго шли по улицам, пока не оказались у подвального окошка на самой окраине города. Окошко ничем не отличалось от остальных, но, как сказал его спутник, радиостанция помещалась именно здесь.

– Но я не вижу антенн! – удивился Пелле.

– У них встроенные антенны, – сказал кот. – Пошли, пошли!

Они прыгнули в маленький тёмный подвал.

– Посиди и подожди немного, – ласково сказал кот, – я найду директора, и тогда мы пойдём в студию.

Пелле остался один. Он не мог удержаться, чтобы немного не помурлыкать. Подумать только, как всё замечательно складывается!

– Всё готово! – сказал невесть откуда появившийся благодетель.

Пелле первый раз в жизни был на радиостанции, поэтому он чувствовал себя очень торжественно. В самой студии, правда, ничего особенного не было – обычный подвал, довольно тёмный, правда, посреди комнаты на полу что-то стояло.

«Это, наверное, микрофон, куда надо говорить» – подумал Пелле.

Так оно и оказалось – какой-то кот подошёл к этой штуковине и сказал:

– Говорит радио Филадельфия, станция К-И-С-С, длина волны 236 сантиметров. Мы начинаем дневное вещание с розыска! Прошу внимания, дамы и господа! – и он сделал Пелле знак, чтобы тот подошёл к микрофону.

Пелле немного нервничал, но всё же собрался с духом, подошёл к микрофону и сказал:

– Хелло, хелло, говорит Пелле. Пелле из Швеции. Добрый день, уважаемые радиослушатели! Я разыскиваю Филадельфию-Филле, потому что я должен передать ему привет от его тётушки, Старушки Майи из часовни.

Если ты слышишь меня, Филадельфия-Филле, будь любезен...

– Ха-ха-ха!

Но что это? Со всех сторон раздался хохот. Кто же это мог решиться прервать передачу своим дурацким смехом? Пелле оглянулся, и что он увидел! Его окружили десятка три злобных котов. Глаза у них сверкали. И один, самый злобный и страшный, воскликнул:

– Братья по Г.Б.! Произнесём клятву!

И все подняли правые лапы и начали скандировать:

– Г.Б., Б.Г – будь готов!

Гангстерская Банда! Беднягу Пелле снова обманули!

– Теперь-то ты попался, несчастный урод! – сказал главарь. – Ха-ха-ха!

– Это что, обман, вся эта история с радио? – спросил Пелле дрожащим голосом.

– Ещё какой обман! – подтвердил главарь. – Никакая это не радиостанция! Никакой это не микрофон! На этот раз тебя надули по первому разряду! Филиал Г.Б. в Филадельфии наконец-то до тебя добрался! Отсюда не уйдёшь, и не надейся, урод бесхвостый!

И тут Пелле осенило. Он приободрился.

– Как ты сказал – бесхвостый? – спросил Пелле. – Ты совершенно прав. Ты, видимо, просто не в курсе, что я принадлежу к самой новой шведской бесхвостой породе. И знаешь, почему у нас нет хвостов? Потому что, если нужно поймать мышь, без хвоста прыгаешь гораздо дальше! У нас в Швеции пришли к выводу, что во время прыжка хвост только мешает. Прыгать без хвоста – гораздо удобнее!

– Ха! – сказал главарь. – Хотел бы я на это посмотреть!

– Если вы немного расступитесь, – сказал Пелле, – я покажу вам, что значит настоящий прыжок. Прыжок без хвоста! Вон те там, подвиньтесь в сторону, а то тут мало места!

– Забавно, – сказал кто-то. – По-моему, он просто хвастается. Ну что ж, поглядим. Освободите место для бесхвостого!

Коты расступились. А Пелле только этого и надо было! Он, конечно, не стал прыгать – он просто пустился во все лопатки! Он бежал так быстро, как никогда в жизни ещё не бегал, в проход, в окошко, на улицу! Он не остановился, пока не добежал до гостиницы, где его ждали Биргитта, Улле, их мама и папа!

«Противно врать, – думал Пелле, сидя в безопаснос-

ти. – Но что делать, если это единственный способ не попасть в лапы Гангстерской Банде!»

Глава двадцать первая **ПАРА ЧЁРНЫХ УШЕЙ**

Филадельфия-Филле так и не нашёлся.

Пелле с семьёй уже уезжали из Филадельфии. Через десять минут должен был подойти поезд на Нью-Йорк. Пелле сидел на перроне, он грустил. Конечно, не плохо, что он провёл гангстеров, но что он скажет Старушке Майе? Как ей будет досадно, что Пелле не привёз ей привет от дорогого племянника из Филадельфии!

На перроне появился чёрный кот, сопровождавший ещё более чёрного негра. Негр нёс два чемодана и ужасно пыхтел.

«Последняя надежда», – подумал Пелле. Но нет – оба уха у этого кота были чёрные, ни единого белого пятнышка.

– Хелло, – сказал чёрный, подходя.

– Халло, – меланхолично ответил Пелле.

– Ага, так ты швед? – удивился незнакомец. – Это приятно.

– Да, я уже возвращаюсь в Швецию.

– Отлично! – воскликнул кот. – А ты не мог бы передать привет моей тётке? Её зовут Старушка Майя, она живёт на колокольне.

– Не может быть, – насторожился Пелле. – Правда?

– Конечно, правда, – удивился кот. – Я переехал сюда пару лет назад. Как она там?

– Спасибо, ничего. Правда, её замучил ревматизм в левой задней лапе.

– Передай, что у меня всё в порядке. Я устроился на вокзале, помогаю, как видишь, таскать чемоданы. – Филадельфия-Филле принял важный вид. – Это, конечно, не легко, но приятно осознавать, что твой труд приносит пользу.

– Но Старушка Майя сказала, что у тебя одно ухо белое, – опять засомневался Пелле.

– Так оно раньше и было. Но я посчитал, что с белым ухом выгляжу глуповато, поэтому обмакнул ухо в краску. Вот понюхай.

Пелле осторожно обнюхал Филле. И в самом деле – его левое ухо пахло масляной краской!

Так после всех приключений и опасностей Пелле благополучно возвратился в старую добрую Швецию. Ему удалось улизнуть от гангстеров в Нью-Йорке и у Ниагары, в Чикаго и Филадельфии!

– Ну, – спросил Монс, – как ты себя там чувствовал, в Америке – без хвоста, без лучшего кошачьего украшения и главной кошачьей гордости? Тебя-то, понятное дело, подняли на смех?

– О, бой, – сказал Пелле. – Скажу тебе по секрету, что пару раз отсутствие хвоста очень даже меня выручало. Хотя кое-кто ухмылялся, конечно.

– Ещё бы! – сказал Монс. – Я, во всяком случае, рад, что мне не пришлось тащиться в эту дурацкую Америку.

– Мы все рады, – сказал Биль.

– Ещё как рады! – подтвердил Буль.

На самом деле и Монс, и Биль и Буль страшно завидовали Пелле, хотя и не хотели это показывать.

Старушка Майя была так счастлива получить привет от Филадельфии-Филле, что, представьте себе, её ревматизм в левой задней лапе бесследно исчез!

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ БЕСХВОСТИКА ПЕЛЛЕ?

Книга 1

<i>Глава первая. Поглядите на кота без хвоста!</i>	7
<i>Глава вторая. Бесхвостик Пелле встречается с лисой</i>	11
<i>Глава третья. Пелле получает медаль</i>	15
<i>Глава четвёртая. Вы когда-нибудь видали, чтобы кот носил медали?</i>	19
<i>Глава пятая. Приключения в Пасхальный вечер</i>	22
<i>Глава шестая. На травке</i>	26
<i>Глава седьмая. Бесхвостик Пелле едет на поезде</i>	28
<i>Глава восьмая. Большая Стина из Эврабу</i>	30
<i>Глава девятая. Погрызкины и Дразнилка</i>	33
<i>Глава десятая. Божья корова</i>	37
<i>Глава одиннадцатая. Пелле потерялся</i>	40
<i>Глава двенадцатая. Дядюшка Карлссон</i>	44
<i>Глава тринадцатая. Киска Ингрид</i>	46
<i>Глава четырнадцатая. С Пелле всё в порядке</i>	50
<i>Глава пятнадцатая. Утренний воздух прохладою дышит</i>	55
<i>Глава шестнадцатая. Пелле встречает старых знакомых</i>	58
<i>Глава семнадцатая. Хорошо смеётся тот,</i> кто смеётся последним	61
<i>Глава восемнадцатая. Пелле и рождественская ёлка</i>	65
<i>Глава девятнадцатая. Рождественские подарки</i>	67
<i>Глава двадцатая. Рождественские утро</i> , в Коньковом переулке	72
<i>Глава двадцать первая. Пелле празднует Новый год</i>	74

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕСХВОСТИКА ПЕЛЛЕ

Книга 2

<i>Глава первая.</i> Все весенние цветы	81
<i>Глава вторая.</i> Ингрид приглашена на весенний бал	86
<i>Глава третья.</i> Весенний бал в подвале	89
<i>Глава четвёртая.</i> Сново лето!	93
<i>Глава пятая.</i> Пелле – корабельный кот.....	97
<i>Глава шестая.</i> Необитаемый остров	101
<i>Глава седьмая.</i> Страшный пёс Али	105
<i>Глава восьмая.</i> Ночь в лесу.....	108
<i>Глава девятая.</i> День рождения в Коньковом переулке.....	109
<i>Глава десятая.</i> Салака – это птица!	115
<i>Глава одиннадцатая.</i> Что является главным украшением кота?	117
<i>Глава двенадцатая.</i> Разоблачение Монса.....	121
<i>Глава тринадцатая.</i> Пелле и семь гномов.....	125
<i>Глава четырнадцатая.</i> В чулане номер двенадцать.....	129
<i>Глава пятнадцатая.</i> Добро пожаловать, котёнок!	132
<i>Глава шестнадцатая.</i> В сказочном лесу.....	135
<i>Глава семнадцатая.</i> Монс нарушает покой	139
<i>Глава восемнадцатая.</i> Привратница Кристина.....	141
<i>Глава девятнадцатая.</i> Фриц, Фрида и Фридольф	144
<i>Глава двадцатая.</i> Маскарад на опушке	149
<i>Глава двадцать первая.</i> Белый медведь и полицейские	153

БЕСХВОСТИК ПЕЛЛЕ В АМЕРИКЕ

Книга 3

<i>Глава первая.</i> В Америку!	159
<i>Глава вторая.</i> Три корабельных кота	163
<i>Глава третья.</i> Манхэттен-Джим и Мери.....	167
<i>Глава четвёртая.</i> На Сорок Второй улице	171

<i>Глава пятая. Гангстерская банда</i>	175
<i>Глава шестая. Небоскрёб-Калле</i>	180
<i>Глава седьмая. Усатый Мурре</i>	183
<i>Глава восьмая. Великолепная Мерта на выставке</i>	187
<i>Глава девятая. Бедняжка Весёлая Лотта</i>	189
<i>Глава десятая. В кустах что-то зашуршало...</i>	193
<i>Глава одиннадцатая. Буффало-Билл</i>	196
<i>Глава двенадцатая. ... и Буффало-Булл</i>	199
<i>Глава тринадцатая. Клуб «Ниагара»</i>	202
<i>Глава четырнадцатая. Испытание бочкой</i>	206
<i>Глава пятнадцатая. Пульмановский вагон в Чикаго</i>	210
<i>Глава шестнадцатая. Мичиган-Миссе</i>	212
<i>Глава семнадцатая. Красный Ужас Чикаго</i>	214
<i>Глава восемнадцатая. Справедливый душ</i>	217
<i>Глава девятнадцатая. В поисках Филадельфии-Филле</i>	220
<i>Глава двадцатая. Радиопередача</i>	223
<i>Глава двадцать первая. Пара чёрных ушей</i>	227

Для дошкольного и младшего школьного возраста

Йоста Кнутссон
ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕСХВОСТИКА ПЕЛЛЕ

Сказочные повести

Перевод со шведского Сергея Штерна

Художник И. Глазов

Дизайн обложки А. Логутовой

Редакторы Н. Сендерова, Г. Коненкина, О. Муравьёва

Художественный редактор *М. Тюрина*

Технический редактор *И. Круглова*. Корректор *И. Мокина*

Компьютерная вёрстка *Л. Беликовой*

Подписано в печать 28.05.2004. Формат 84x108/16
Печать офсетная. Усл.печ.л. 17,55. Бумага офсетная
Гарнитура PragmaticaC. Тираж 7000 экз. Заказ № 4832.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953. П.000105.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, 81

ООО «Издательство ACT»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, 28

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Общероссийский классификатор продукции
OK-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ISBN 5-17-022216-5 (ООО «Издательство ACT»)
ISBN 5-271-08010-2 (ООО «Издательство Астрель»)

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
на ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@tverpk.ru

Тем, кто не любит кошек или просто
равнодушен к ним, может показаться,
что все они на одно лицо и на один хвост.

Но это не так! И наша история
про необыкновенные приключения
смышлённого озорного кота Пелле убедит
читателя в том, что каждый кот – это личность!
Читайте в нашей книге о том, как бесхвостому
коту Пелле удалось получить медаль;
о его знакомстве с очаровательной кошечкой
Ингрид; о том, как он был корабельным котом
и попал на необитаемый остров...

И ещё много-много забавных историй
о весёлых приключениях нашего
бесхвостого героя.

ISBN 5-17-022216-5

9 785170 222162

